

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2018, № 2 (23)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burtseva Zh.V.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, Doctor in Philosophy, Professor (YaSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Fedorov V.I.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2018, № 2 (23)

Учредитель (соучредители):
ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурцева Ж.В.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, Doctor in Geology and Mineralogy, Professor (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *E.N. Dmitrieva*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Е.Н. Дмитриева*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

<i>Бравина Р.И.</i> Раннеякутская кулун-атахская культура (XIII–XVI вв.) в свете новых археологических данных	10
<i>Ушницкий В.В.</i> Дискуссия о туматском компоненте в генезисе якутского народа: pro et contra	19
<i>Саввинов А.И.</i> Этнографические материалы А.А. Саввина: одежда и украшения	27
<i>Бурнашева Н.И.</i> Первый опыт Якутского областного правления по внедрению кредитной кооперации в Якутии (вторая половина XIX века)	39
<i>Абсеметова Ж.</i> Обвинение казахской интеллигенции в национализме в 20-е годы XX века: причины и последствия	42
<i>Мостахова Т.С., Пахомов А.А.</i> Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): практика и проблемы	47

Языкознание

<i>Иванов С.А.</i> Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству	56
<i>Иванова И.Б.</i> Лексические средства выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке: имена существительные со значением единичности и совокупности	66
<i>Харабаева В.И.</i> Микрополе неравенства категории компаративности в якутском языке	72
<i>Григорьева Т.И.</i> Гендерная стереотипизация в паремиологическом пространстве русского и якутского языков	78
<i>Курилова С.Н.</i> Грани научных изысканий по юкагирской филологии в научных трудах Г.Н. Курилова	84

Литературоведение и фольклористика

<i>Карманова (Ноева) С.Е.</i> Культурные основы «городского» текста в якутской литературе начала XX в.	93
<i>Башарина З.К., Башарин К.Г., Башарина О.К.</i> С.П. Данилов и Г.П. Башарин: к вопросу о литературном наследии	102
<i>Давыдова А.В., Меньшикова И.А.</i> Образ Севера в повести В.С. Пикуля «Мальчики с бантиками»	109

<i>Исакова С.А.</i> Поэтика имени в прозе Е. Айпина (на материале книги «Время дождей»)	119
<i>Оконешников Е.И.</i> Вклад Э.К. Пекарского в изучение якутского фольклора	124
Сведения об авторах	131
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	134

CONTENTS

Historical sciences

<i>Bravina R.I.</i> Early Yakut Kulun-Atakh Culture (XIII–XVI Centuries) in the Light of New Archaeological Data	10
<i>Ushnitskiy V.V.</i> Discussion about the Tumat Component in the Genesis of the Yakut People: Pro Et Contra	19
<i>Savvinov A.I.</i> A. Savvin's Ethnographic Materials: Clothing and Jewelry	27
<i>Burnasheva N.I.</i> The First Experience of the Yakut Regional Government on the Introduction of Credit Cooperation in Yakutia (the Second Half of the XIX Century)	39
<i>Absemetova Zh.</i> The Accusation of the Kazakh Intelligentsia in Nationalism in the 1920s: Causes and Consequences	42
<i>Mostakhova T.S., Pakhomov A.A.</i> Ethnological Expertise in the Republic of Sakha (Yakutia): Practice and Problems	47

Linguistics

<i>Ivanov S.A.</i> General and Dialect Names Related to Cattle Breeding	56
<i>Ivanova I.B.</i> Lexical Means of Expressing the Functional-Semantic Category of Quantity in the Yakut Language: Nouns with the Meaning of Singularity and Collection	66
<i>Kharabaeva V.I.</i> The Micro-field of Inequality of the Comparative Categories in the Yakut Language	72
<i>Grigorieva T.I.</i> Gender Stereotyping in the Paremiological Space of Russian and Yakut Languages	78
<i>Kurilova S.N.</i> The Facets of Research on Yukaghir Philology by Gavril Kurilov	84

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Karmanova (Noeva) S.E.</i> Cultural Foundations of the "Urban" Text in the Yakut Literature of the Early XX century	93
<i>Basharina Z.K., Basharin K.G., Basharina O.K.</i> S.P. Danilov and G.P. Basharin: on the Literary Heritage	102
<i>Davydova A.V., Menshikova I.A.</i> Image of the North in the Story by V.S. Pikul «Boys with Bows»	109

Isakova S.A. Poetics of the Name in the Prose of E. Aipin (on the Material of the Book "Time of Rains") 119

Okoneshnikov E.I. E.K. Pekarsky's Contribution to the Study of Yakut Folklore 124

Information about authors 132

The manuscripts rules 134

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Р.И. Бравина

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.001

УДК 904(=512.157)"12/15"

Раннеякутская кулун-атахская культура (XIII–XVI вв.) в свете новых археологических данных

Статья посвящена результатам последних исследований раннеякутских поселений и погребений XIII–XVI вв., выявленных археологами в период с 2000 по 2017 г. Кроме археологического материала, в работе использованы аутентичные исторические источники, а также данные междисциплинарных исследований в области физической антропологии и палеопатологии, которые позволяют рассматривать новые материалы не только на источниковедческом, но и интерпретационном уровне. Последнее касается реконструкции стратегии освоения ранними якутами территории Ленского края, их культуры и образа жизни.

Ключевые слова: якуты, этногенез, кулун-атахская культура, поселения, погребения, ареал распространения, предметный инвентарь, погребальный обряд, образ жизни.

В 1976 – начале 1990-х гг. А.И. Гоголевым на территории Лено-Алданского междуречья и бассейна Вилюя были открыты и исследованы археологические памятники раннеякутской кулун-атахской культуры конца XIII–XVI вв., отражающие уже сложившуюся культуру скотоводческого народа Ленского края – якутов [Гоголев, 1990, с. 11, рис. 1]. Судя по планиграфии поселений, большинство из них расположены на небольших алаасах – карстовых долинах, возникших среди тайги в результате таяния мерзлоты и обязательно имеющих посередине озеро [Там же, с. 10, 21, 35 и др.].

Анализ предметов кулун-атахского комплекса привел А.И. Гоголева к выводу о том, что в

общем облике материальной культуры кулун-атахцев прослеживаются синтезированные субстраты культуры местного раннего железного века при доминировании пришлых (южных) элементов культуры тюркской эпохи VI–XII вв. Прибайкалья и Южной Сибири. При этом автор отмечает преобладающее влияние курыканской культуры и южносибирской тюркской среды [Гоголев, 1993, с. 96].

Материалы кулун-атахской археологической культуры, открытой А.И. Гоголевым, имеют важное значение и в изучении истории расселения скотоводов по территории Ленского края. В исторической литературе прочно утвердилось мнение, что якуты заселили бассейн среднего

© Р.И. Бравина, 2018

Вилюя только к середине XVII в., куда они пришли, спасаясь от ясачной политики русской администрации в начальный период колонизации. Однако А.И. Гоголеву удалось обнаружить на правом берегу Вилюя поселения кулун-атахской культуры Хохочой и Харандаас [Гоголев, 1990, с. 56], которые появились не позднее XVI в. Здесь были обнаружены типичная раннеякутская керамика и кости крупного рогатого скота. В свете этих находок точка зрения о позднем заселении бассейна Вилюя якутским населением нуждается в коррективах.

Ареал распространения кулун-атахской культуры значительно расширился с открытием и изучением археологами ИГИИПМНС СО РАН поселения Буор Хайа (Хомустаах) I в Сасыльском наслеге Томпонского района, расположенном выше устья р. Амга. Это пограничная территория, отделяющая Центральную Якутию от северо-восточных приполярных районов Верхоянья и Оймяконья. На поселении были выявлены фрагменты керамики, отражающие традиции керамического производства автохтонных племен железного века, раннеякутской кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и якутской культуры XVII–XIX вв. Инвентарный комплекс представлен железными изделиями, в т.ч. ножами, металлическим шлаком и богатым остеологическим материалом, среди которого кости крупного рогатого скота и лошадей, диких млекопитающих, птиц и рыб [Обутов, 2016]. Существование развитого скотоводческого хозяйства у алданских якутов, живших возле устья Амги, подтверждают и архивные источники XVII в. Так, служилый человек Семен Архипов, побывавший на Алдане в 1640 г., сообщил, что «вверху Алдан реки живут многие скотные люди неясачные» [Иванов, 1966, с. 102].

Археологический материал поселения Буор Хайа (Хомустаах) I свидетельствует о смешанном скотоводческо-охотничье-рыболовном хозяйстве носителей кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и позволяет более обоснованно говорить о раннем освоении скотоводами-якутами северо-восточных районов Якутии. Данное предположение косвенно подтверждается материалами якутских погребений XVII–XVIII вв. из Верхоянского и Оймяконского районов. В сопроводительный набор этих погребений входят железные пальмы (батас), фрагменты сложно-

составного лука с костяными концевыми вкладышами, характерными для кулун-атахской культуры, разнообразные типы железных и костяных наконечников стрел, железные удила с витыми кольчатыми псалиями и двусоставными звеньями грызла неравной длины, а также украшения в виде парных конских голов и проволоочные серьги в виде знака вопроса, характерные для археологических культур кочевников Южной Сибири и Центральной Азии [Бравина, 2013; 2015].

Согласно генеалогическим преданиям якутов, центром зарождения культуры народа саха стали самые благоприятные для ведения скотоводства три великие центральнаякутские долины – Эркээни, Туймаада и Энсиэли, расположенные цепочкой на левом берегу р. Лена. Этот обширный остепненный район Средней Лены в пространственной памяти якутов представлялся как продолжение степной ойкумены. Как повествуют якутские легенды, прародитель народа саха Омогой «нашел» в долине Туймаада жеребенка и корову и со временем стал родоначальником большого и богатого скотоводческого народа.

За рассматриваемый нами период на территории долины Туймаада зафиксированы четыре единичные находки кулун-атахской керамики на поселениях со смешанным культурным слоем: Зерновая II (Уураахы), Орбита-16 км, Владимировка VI [Дьяконов, 2007, с. 43], Логовая в центре г. Якутска (раскопки Е.Н. Соловьевой и Е.А. Строговой). В 2017 г. археологическая экспедиция ИГИИПМНС СО РАН в средлененских долинах Эркээни и Энсиэли (Хангаласский и Намский районы) открыла и исследовала раннеякутские поселения Ынах Арыы и Карьер АБЗ, керамический материал которых типологически относится к кулун-атахской культуре. Но хронология их пока не определена и находится в широком диапазоне: конец XIII – XVI вв.

Таким образом, ареал распространения памятников кулун-атахской культуры свидетельствует о том, что долины Средней Лены и ее притоков, многочисленные приозерные алаасы, расположенные в междуречье Лены и Амги, примыкающем к долине Алдана, и в придолинной части Вилюя, явились первыми очагами формирования скотоводческой культуры и входили в территорию расселения ранних якутов XIII–XVI вв.

По топографическим особенностям раннеякутских погребений прослеживается их ландшафтная приуроченность к луговым пространствам надпойменных террас озер или рек. Особенно наглядно это просматривается в планиграфии расположения могил долины Эркээни в Хангаласском районе. Если ранние погребения расположены посередине долины на невысоких террасах небольших водоемов, то погребения XVIII в. находятся на краю или мысах преимущественно высоких террас озер или рек, или природных возвышенностях *булгунньах* с видом на родовую территорию с сенокосно-пастбищными угодьями. Элитные захоронения тыгынидов – потомков аристократического рода хангаласцев, расположены на 50-метровой террасе коренного берега р. Лена, откуда открывается вид на долину Эркээни, которая входила в их родовую территорию. По всей видимости, в первоначальный этап освоения Ленского края первопроходцы-всадники в тактических целях избегали открытого пространства и держались укромных мест. При этом, наряду с использованием сенокосных угодий вокруг озер, ранние переселенцы, вероятно, стали активно заниматься озерным рыболовством, что стало в дальнейшем одной из этнодифференцирующих особенностей традиционного хозяйства якутов.

Внутримогильные камеры и варианты расположения раннеякутских погребений обнаруживают аналогии в погребальных традициях средневековых племен Прибайкалья и Забайкалья [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 28–29].

Сопроводительный инвентарь погребений включает предметы хозяйства и быта, снаряжения коня, вооружения и орудий охоты, элементы одежды и головных уборов, украшений, кости животных, птиц и рыб, которые в целом находят аналогии среди материалов поселений кулун-атахской культуры XIII–XVI вв. и якутской традиционной культуры XVII–XVIII вв. [Багашев, Ражев, Зубова и др., 2016; Бравина, Дьяконов, Николаев и др., 2016; Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017; Бравина, Дьяконов, Колбина и др., 2017; Bravina, D'iakonov, Bagashev et al., 2017].

Предметы конского снаряжения (стремена, удила с кольчатыми псалиями-треньзялями, тройники-распределители ремней оголовья, подпружные бляшки), железные наконечники

стрел, в т.ч. бронебойные, фрагменты сложно-составных луков центральноазиатского типа из исследованных погребений коррелируются с материалами погребальных комплексов усть-талкинской культуры Южного Приангарья и Верхней Лены XII–XIV вв.

Среди предметов сопроводительного инвентаря особое место занимают костяные накладки (срединная, с веслообразно расширяющимися концами, и две плечевые) сложносоставного лука центральноазиатского типа, обнаруженные в Сергеляхском погребении XV – начала XVI вв., открытом в черте г. Якутска. Кроме того, уникальный сложносоставной лук XVII–XVIII вв., состоящий из 13 костяных и роговых накладок, в т.ч. из бивня мамонта, обнаружен и атрибутирован нами в фондах Тойбохойского республиканского историко-краеведческого комплекса им. Г.Е. Бессонова (Сунтарский район). Если раньше о существовании сложных композитных луков центральноазиатского типа у якутов упоминалось только в фольклорных и эпических повествованиях, то теперь этот факт получает вещественное доказательство.

Неординарным представляется комплекс сопроводительного инвентаря из женского погребения Атласовское II, отдельные элементы которого нетипичны для Якутии. Это железный нож, клинок которого имеет прямой обухок и плавно сужается к острию. Костяные накладки на рукояти ножа изготовлены из отшлифованных пластин прямоугольной формы со слегка закругленными краями. Ближайшими аналогиями данного артефакта могут быть бурятские и монгольские национальные ножи. Они также имеют узкий прямой однолезвийный клинок и рукоять, образованную двумя накладками-щечками, скрепленными с хвостовиком клинка при помощи клепок. В этом же погребении обнаружены металлические детали украшения головного убора: полусферическое навершие шапки со спиралевидным орнаментом и отверстием посередине, в которое вставлялась трубочка для крепления плюмажа, а также две подтреугольные фигурные пластины с отчеканенным на них сложным орнаментом. Под навершием головного убора сохранились фрагменты наголовника, состоящего из двух слоёв – кожи и меха. В нижней части наголовника потайными стежками пришит меховой отворот. Составное навершие

женского головного убора аналогов в якутской традиции не имеет. Похожие полусферические навершия головных уборов «*дэнзэ*» с подставкой-трубочкой для бусины «*жинчи*» встречаются у бурят Забайкалья [Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017, с. 50, рис. 3]. Схожее навершие найдено в одном из погребений могильника владимировской культуры (XIII–XVII вв.) в Приамурье [История Амурской области..., 2008, рис. 3–4]. Следует отметить, что предметный комплекс данной культуры в ряде случаев совпадает с якутскими материалами. Например, костяные наконечники стрел, кольцо, одевавшееся на большой палец при стрельбе из лука (якут. *дапсы*), предметы конской сбруи и др. По мнению исследователей, носителями владимировской культуры являлись дауры [Цыбенков, 2015, с. 187, 189].

В целом предметный набор раннеякутских погребений обнаруживает аналогии в культурах средневековых кочевников степной и лесостепной полосы Евразии, а также у населения лесной и лесотундровой зон Сибири XVI–XIX вв.

Ритуальная сфера раннеякутских погребений имеет продолжение в погребениях XVIII в. В этом плане исключения составляют три памятника.

Погребение Кёрдюген в Мегино-Хангаласском районе было обнаружено возле жилища кулун-атахской культуры на склоне озёрной террасы. Здесь зафиксирована округлая в плане могильная яма, в которой выявлено детское захоронение. Ребёнок был погребён в утробной позе, в скорченном положении на левом боку, головой на ВСВ. Колени его были подогнуты к груди, руки согнуты в локтях, ладони расположены вплотную к лицу. Сверху и внизу костяка находились цельные полотна бересты. В погребении отмечен кусочек наплавного шлака, два куска глиняной основы горна с наплавлениями шлака и кусочков крицы, фрагмент нижней челюсти жеребёнка и два фрагмента кулун-атахской керамики. Калиброванный «календарный» возраст погребения 1420–1470 гг. [Бравина, Дьяконов, Колбина и др., 2017, с. 85–86, рис. 2].

Данное погребение по своему ритуальному содержанию можно сопоставить с детскими погребениями в скорченном положении под каменными кладками, обнаруженными в окрестностях раннесредневекового городища Усть-

Чёрнинский в Забайкалье [Алкин, Нестеренко, 2010, с. 140–144], а также с детскими костяками, найденными внутри плавильных печей на Шайгинском городище в Приамурье [Шавкунов, 1990, с. 156–157]. Рассматриваемые погребения, видимо, несут какую-то ритуальную нагрузку, продиктованную архетипическими представлениями о возрождающей и очистительной силе огня.

Погребение Тымпы на р. Виллой (Нюрбинский улус) датировано методом радиоуглеродного анализа 1640–1690 гг. На дне могильной ямы находился прямоугольный сруб из лиственничных брёвен, внутри которого помещался гроб-ящик из плаха [Мир древних..., 2012, с. 66, 67, 183]. Костяк мужчины пожилого возраста лежал на спине, вытянуто, головой на запад, брюшная полость была набита сеном и сосновой корой. При этом внутренние органы были изъяты путем доступа к ним через межрёберные промежутки, также были обнаружены следы входов к головному и спинному мозгу. Тело имело многочисленные перфорирующие и острые повреждения. Сопроводительный инвентарь в погребении отсутствовал [Там же, с. 182]. На сопредельных территориях традиция мумификации трупов встречается в тесинских курганах-склепах Минусинской котловины, абсолютная хронология которых совпадает с периодом владычества в степях Центральной Азии кочевых империй сюнну (конец III в. до н.э. – конец I в. н.э.) и сяньби (конец I в. н.э. – 235 г. н.э.).

Погребение Атласовское I (XIV–XVI вв.) отличается сидячим положением погребенного, что является практически уникальным случаем в традиционной погребальной практике якутов [Багашев, Ражев, Зубова и др., 2016]. Погребенный был ориентирован лицом на юг. Череп был полностью покрыт берестяной повязкой, под которой скрывались следы смертельных ранений. Берестяная повязка состояла из сшитых между собой нешироких полосок очень тонкой бересты и закрывала всю голову вместе с лицевой частью. Эта находка дает наглядные представления о методах и способах повязки (закрывания) ран и оказания медицинской помощи у якутов в XIV–XV вв. О подобных перевязках в якутской лечебной практике, в случаях повреждения черепа, писал в XVIII в. Я.И. Линденау

[1983, с. 34]. Сидячее погребение, возможно, указывает на особый статус погребенного (воинская элита?, подвиг?). Достаточно сложная и аккуратная берестяная повязка, наложенная посмертно, указывает на некие действия, связанные с ритуалами или почетными проводами, что может свидетельствовать о нерядовом ранге или избранности погибшего.

Интересные данные при изучении археологических материалов представляет применение новейших методов естественных наук. В последние годы появился ряд совместных работ археологов, антропологов и генетиков, посвященных формированию антропологического типа и генетической истории якутов на фоне этногенетических и этнических процессов, протекавших с древнейших времен до позднего средневековья в Северной и Центральной Азии [Багашев, Ражев, Зубова и др., 2016; Бравина, Дьяконов, Николаев и др., 2016; Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017; Звенигорски, Федорова, Холлард и др., 2017 и др.].

Антропологические данные позволяют реконструировать образ жизни ранних якутов, в т.ч. болезни, рацион питания, степень физической активности, привычки, род деятельности, причины смерти и т.д. Большинство изученных нами погребений принадлежат мужчинам, средний возраст которых составляет 27–33 года, тем не менее в их останках выявлены различные повреждения, особенно костей, со следами ряда патологических изменений, возникших в результате заболеваний. Например, у молодого мужчины 20–25 лет из погребения Атласовское I был развит поясничный остеохондроз, который встречается с повышенной частотой среди лиц, работа которых связана с тяжелым физическим напряжением, особенно в сочетании с наклонным положением тела или необходимостью частых наклонов. Значительно развитые на бедренных костях места прикрепления наружной запирательной мышцы могут интерпретироваться как результат регулярного сидения с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами. Обобщение выявленных движений позволяет реконструировать определенную кинематическую схему. Молодой человек регулярно осуществлял действия, связанные с большой физической нагрузкой и наклонами корпуса. Постоянно и разнообразно двигал руками тяже-

лые предметы. Его пешее передвижение не вызывало перенапряжения, в то же время для него были характерны регулярные силовые движения, задействовавшие голеностопные суставы. Преобладающий способ сидения был с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами («по-турецки»). Подобная модель может быть реализована в разных видах деятельности. Мужчина был воином: носил тяжелые металлические доспехи и оружие, регулярно тренировался с массивным оружием, например, тяжелым копьем или батасом (пальмой). Возможный вариант: молодой человек был конным воином. Использовалось жесткое седло при тряском ходе коня. Основное оружие – тяжелое копье или батас. Но человек не был постоянным наездником, как кочевники, и ездил на лошади лишь время от времени, о чем свидетельствует слабое развитие отводящих и приводящих мышц бедра. Другим вариантом или дополнением может быть деятельность, связанная со спецификой работы покосчика с косой-горбушей, сопровождаемой частыми наклонами туловища, активной работой плечевого пояса, рук и ног, голеностопных суставов. Вместе с тем повседневная хозяйственная деятельность имеет умеренные нагрузки и приводит к патологическим изменениям при накоплении повреждений в зрелом и преклонном возрасте. В нашем же случае человек молодой, и столь сильные патологии свидетельствуют о чрезмерных и интенсивных нагрузках. Это может быть либо результатом принуждения (например, социально зависимый человек), либо спецификой военно-профессиональной деятельности, или же чрезмерной нагрузкой, вызванной длительными переходами, сопряженными с военными конфликтами.

В зубной системе умершего было зафиксировано довольно много патологических изменений. Как на верхней, так и на нижней челюсти фиксируется системное нарушение питания тканей пародонта и поражение зубным камнем. Кариеса, однако, не зафиксировано, что является косвенным свидетельством малого присутствия продуктов земледелия в рационе погребенного. Также в пользу преобладания мясо-молочных продуктов в рационе говорит малый угол стертости постоянных моляров. На некоторых зубах наблюдались прижизненные сколы эмали, что позволяет предполагать какую-то

привычку – например, жевать традиционную жвачку *yas* из вареной древесной смолы.

Характеристики повреждений черепа мужчины из погребения Атласовское I позволяют идентифицировать их как разрубы, нанесенные оружием с прямым или слегка изогнутым острым массивным лезвием длиной более 17,5 см и длинной рукоятью. Реконструируемым параметрам оружия вполне соответствует распространенное в кулун-атахской культуре древковое оружие с кованым массивным клинком *батас* [Багашев, Ражев, Зубова и др., 2016, с. 85–87, рис. 4, 7, 8].

Похороненный в Сергеляхском погребении человек 35–45 лет, скорее всего, был конным воином, на что указывает сопроводительный инвентарь, состоящий исключительно из предметов вооружения, воинской амуниции и снаряжения верхового коня (пальма, лук со стрелами, колчаный крюк, стремяна, удила, подпружная пряжка, бляшки и тройники-распределители ремней оголовья коня). Помимо этого, его принадлежность к воинскому сословию подтверждается наличием достаточно серьезных прижизненных травм, а также смертельным разрубом на черепе, который ещё раз, как и в случае с погребённым в Атласовском I, наглядно свидетельствует о жестокости конфликтов того периода, когда происходило становление народа и этнической культуры якутов. О всадничестве, как основном средстве передвижения, говорят характерные изменения на бедренных костях индивидуума – так называемые «фасетки всадника», а также остеохондрозные проявления на позвонках и грыжи в поясничном отделе позвоночника.

Совокупность характеристик повреждения черепа позволяет однозначно интерпретировать его как разруб – рассекающий удар пальмой (*батас*). Переломы левой ключицы, ребер, первой пястной кости, травматическая потеря зубов правой части зубной дуги могут быть связаны с падением с лошади или с травмами, полученными в возрасте примерно 20–25 лет. Версия с травмами выглядит более вероятной, так как падение с лошади, вероятно, повлекло бы более серьезные переломы конечностей.

Маркеры палеодиеты говорят о перенесенном в детском возрасте пищевом стрессе, преобладании мясной пищи в рационе. На некото-

рых зубах присутствуют прижизненные микросколы эмали. Наблюдаемая картина их распределения свидетельствует о привычке погребенного разгрызать мелкие кости или жевать *yas* [Бравина, Дьяконов, Николаев и др., 2016, с. 98–100].

Погребение XVII в. Атласовское II показало минимум патологических изменений скелета женщины 30–40 лет. Отсутствие гипоплазии зубов, порозных изменений черепа и глазниц говорит о полноценном питании в детстве. Наличие зубного камня указывает на достаточное количество мясной пищи в рационе. Артрозные проявления на суставах позвоночного столба и суставов конечностей соответствуют возрастным значениям, следов перегрузок крупных суставов не зафиксировано. Минимальное количество выявленных патологий свидетельствует о хорошем общем состоянии здоровья исследуемой женщины. Перелом правого второго ребра стал следствием прямого удара, причину которого достоверно установить сложно. Это могло быть результатом как насилия, так и случайной травмы, например, при падении. Умеренное развитие мест прикрепления мышц, отсутствие энтезопатий указывает на отсутствие изнуряющего физического труда. Нагрузки не превышали физиологических значений [Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017, с. 51–57].

Таким образом, степень смертности у мужчин на первоначальном этапе освоения Ленского края обусловлена их значительной социальной активностью во всех сферах жизнедеятельности, включая военную. О характере военной активности, кроме достаточно высокого количества оружия в погребениях, свидетельствует наличие многочисленных прижизненных и смертельных ранений. Неслучайно это время сохранилось в исторической памяти народа как *кыргыс уйэтэ* – век междоусобиц и войн. Кулун-атахцы, вероятно, как многие другие кочевые скотоводческие народы, совмещали занятие скотоводческим хозяйством с военным делом. Возможно, также были отдельные представители, для которых война становилась одним из основных видов деятельности. Об этом, например, свидетельствует захоронение воина-профессионала в Сергеляхском погребении, а также мужчины в Тыгыновом кургане с полным

комплект вооружения, включая щит, на который был уложен умерший.

Если принять во внимание спорадическое проникновение отдельных групп скотоводческих племен на территорию Средней Лены, начиная с VI–VIII вв., то население Центральноякутской равнины ко времени формирования кулун-атахской культуры состояло, помимо местных племен, из этнически разнородных групп – выходцев из Забайкалья, Прибайкалья и Приангарья, каждая из которых, несомненно, старалась стать доминирующей и занять наиболее благоприятную экологическую нишу, где возможно было вести хозяйство, основанное на скотоводстве. Некоторые из этих групп не сумели адаптировать свой скот к суровым условиям Севера и вынуждены были перейти к присваивающей форме хозяйства и постепенно смешались с местным аборигенным населением Вилюя. Их осколками могли быть так называемые «пешие» якуты – потомки легендарных туматов, основная масса которых, по предположению ряда исследователей, до X–XI вв. проживала в верховьях Енисея, откуда они были вытеснены ойратами на северо-восток, переселившись в долину Ангары [Николаев, 2004, с.152], а, возможно, и далее на Север.

Массированное перемещение скотоводческих племен в Центральную Якутию, вероятно, последовало в результате появления ранних монголов на сопредельных территориях Южной Сибири, в частности, Приангарья. Артефакты раннеякутских погребений, свидетельствующие об особенностях погребального обряда, обнаруживают наибольшее сходство с археологическими материалами усть-талькинской культуры XII–XIV вв., носителями которой представляются кимако-кипчакские племена, пришедшие в Приангарье с северо-запада. Общими для погребальных памятников усть-талькинцев и якутов той поры являются: внутримогильные конструкции в виде колод и дощатых ящиков; труположение на спине, расположение рук, кисти которых покоятся на костях таза или рядом с берцовыми костями вдоль туловища; ориентировка умерших в ряде могил головой на северо-запад. Правда, погребения прибайкальских усть-талькинцев имеют и свои особенности: присутствие рядом с человеческими захоронениями погребений животных (коней, коров, ба-

ранов); надмогильные каменные конструкции в виде колец или овалов.

Погребение с конем, составляющее одну из особенностей традиционной культуры якутов XVIII–XIX вв., пока не зафиксировано среди ранних погребений, хотя в целом, археологические данные кулун-атахской культуры свидетельствуют о значительной роли лошади в подвижном образе жизни и хозяйстве ее носителей. Лошадь служила средством передвижения (во время походов и военных действий), а мясо составляло значительную долю в рационе питания. Шкуры лошадей шли на изготовление одежды, ремней и пр. В качестве «погребальной пищи» мясо лошади встречается во многих погребениях. Отсутствие сопроводительных погребений лошадей, вероятно, свидетельствует об ограниченном их количестве в рассматриваемое время. Это подтверждается документами первой половины XVII в., согласно которым на одну душу населения в среднем приходилось 1,5–2 головы скота, тогда как в первой трети XIX в. на душу населения Якутского округа приходилось 3,05 голов скота [Иванов, 1966, с. 113]. В.Н. Иванов предполагает, что к приходу русских ареал расселения якутов был значительно шире, чем район распространения скотоводческой культуры, т.е. были отдельные группы якутов, которые не занимались скотоводством [Там же, с. 101].

Бедность якутского общества рассматриваемого времени отражается и в материалах раннеякутских погребений, сопроводительный инвентарь которых по количеству и разнообразию предметов, по сравнению с XVIII в., значительно беднее и содержит только самое необходимое снаряжение всадника и воина. Значительное пространство длинных и широких гробов, как бы предназначенных для размещения большого количества вещей, остается свободным. В то же время нельзя игнорировать замечание, высказанное Ф.Ф. Васильевым относительно «произвольного» ограничения датировки погребений с конем в Якутии временем не ранее XVIII в. По его мнению, подобный обряд совершался и ранее: например, подбойное захоронение Манчарылах со шкурой коня и погребение Кюёллэрики с пережженными костями лошади должны датироваться XVI–XVII вв. [Васильев, 1995, с. 40]. Этот вы-

вод Ф.Ф. Васильева представляется нам вполне вероятным.

Таким образом, в облике хозяйства и культуры ранних якутов наблюдаются синтезированные истоки культуры раннего железного века и более ранних эпох при доминировании пришлых южных основ кулун-атахской культуры XIII–XVI вв. При этом археологические находки (специфические наконечники стрел, детали сложносоставного лука центральноазиатского типа, панцирные пластины, культовые амулеты-подвески, кости быка) и появление на Средней Лене рунических надписей свидетельствуют о проникновении в Якутию сначала хунно-сяньбийских – в III в. – первой половине IV вв. н.э., а позднее – с V–VI вв. – тюрко-монгольских групп. В состав тюркоязычных предков якутов, судя по данным археологии, палеоэтнографии, этнонимике и фольклора, входили «осколки» племенных объединений юч-курыкан и бомалатов, а также уйгуров и енисейских кыргызов. В эпоху средневековья население Ленского края продолжало контактировать с племенами Западной Сибири и Дальнего Востока, следы культуры которых также фиксируются в материалах кулун-атахской культуры. В домонгольское время в бассейн Средней Лены со стороны Приангарья и Верхней Лены наиболее массированно начинают проникать усть-талькинцы – носители кыпчакских традиций, и группы монгольскоязычных племен.

Принято считать, что этнос приспосабливается к определенному ландшафту в момент своего оформления. С этой точки зрения якуты как народ сложились в Центральнаякутской равнине, в междуречье Алдан – Лена – Вилюй, где бескрайняя тайга часто прерывается многочисленными безлесными пространствами лугового и степного типа, что способствовало зарождению скотоводческой, в своей основе, культуры северных всадников – якутов (саха).

Литература

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чернинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 138–144.

Багашев А.Н., Ражев Д.И., Zubova A.B., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжис Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 44 (2). – С. 137–147.

Бравина Р.И. Погребальные памятники якутов Верхоянья (XVII–XVIII вв.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 1. – С. 3–9.

Бравина Р.И. Отчет о проведении археологических исследований Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия) в 2014 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Якутск, 2015. – 163 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность маркирующих признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3–4. – С. 27–31.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 2 (33). – С. 86–96.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. Раннеякутские погребения со скорченным положением на боку как историко-этнографический источник // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 4. – С. 83–90.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Zubova A.B., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 90–109.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьёва Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Zubova A.B., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII века Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1 (36). – С. 44–63.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / Ф.Ф. Васильев. – Якутск: Бичик, 1995. – 220 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV – XVIII вв.) / А.И. Гоголев. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 192 с.

Гоголев А.И. Якуты. Проблема этногенеза и формирования культуры / А.И. Гоголев. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 229 с.

Дьяконов В.М. Археологические памятники долины Туймаада // Город Якутск, история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 36–49.

Звенигороски В., Федорова С.А., Холлард К., Гонзалес А., Алексеев А.Н., Бравина Р.И., Крюбези Э., Кейзер К. Новый подход к генетическому тестированию родства в якутской археологии // Якутский медицинский журнал. – 2017. – № 3. – С. 16–20.

Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. – Якутск: Якут. кн. изд-во. – 1966. – 424 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. – 226 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талкинская культура. – Владивосток; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН; 2004. – 306 с.

Обутов И.П. Отчет о работе Томпонского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН на территории Томпонского района Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2016 года // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Якутск, 2016. – 72 с.

Цыбенков Б.Д. Погребения владимировской культуры Верхнего Приамурья как источник по изучению этногенеза дауров / Б.Д. Цыбенков // Вестник НГУ. – 2015. – С. 184–192. – (Серия: История, филология).

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Bravina R.I., D'iakonov V.M., Bagashev A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Alekseeva E.A., Kuz'min I.A., Hodgins G.W.L. Early Yakut Burials of the Fourteenth–Seventeenth Centuries: New Data to the Problem of the Origin of the Yakuts (Sakha) // *Anthropology & Archaeology of Eurasia*. – 2016. – nos. 3–4. – Vol. 55. – P. 232–268. DOI: <https://doi.org/10.1080/10611959.2016.1317534> (опубликовано 7 июля 2017 г.).

R.I. Bravina

Early Yakut Kulun-Atakh culture (XIII–XVI centuries) in the light of new archaeological data

The article is devoted to the outcome of recent studies of the early Yakut settlements and burials of the XIII–XVI centuries revealed by archaeologists during the period from 2000 to 2017. Besides archaeological studies, authentic historical sources as well as the data of cross-disciplinary studies in the field of physical anthropology and paleopathology have been used in this work, which allows to consider recent materials at both source study and interpretation levels. The latter concerns the reconstruction of development strategy of the Lena region by the ancestors of Yakuts, their culture and the way of life.

Keywords: Yakuts, ethnogenesis, Kulun-Atakh culture, settlements, burials, distribution area, grave goods, funeral ceremony, way of life.

Дискуссия о туматском компоненте в генезисе якутского народа: pro et contra

Тема статьи – присутствие туматского компонента в этногенезе саха. Туматы – старинное население территории Тувы, их предками могли быть средневековые дубо, которых включают в состав племенного союза древних тюрков и уйгуров. В XII в. они были вытеснены с коренных земель ойратами и образовали единый союз с племенем хори.

Автором анализируются различные концепции включения туматского компонента в этногенез саха-якутов. В статье обосновывается вывод о наличии некоего туматского этнического ядра, вокруг которого ассимилировались тунгусские роды Центральной и Западной Якутии.

Ключевые слова: этногенез, фольклор, археологические культуры, народы Саяно-Алтая, Тува, Прибайкалье, лесные народы, китайские летописи, Южная Сибирь, этническая история, саха-якуты.

О туматской проблеме в этногенезе саха мы не раз писали. Но остаются проблемы, которые всегда будут сохранять свою актуальность. Прежде всего, с каким известным племенем Байкальского региона можно отождествить предков саха? По свидетельству Я.И. Линденау, предки саха сначала кочевали по Байкальским степям, затем жили на Верхней Лене и оказывали сильное сопротивление монголам и кыргызам [Линденау, 1983]. Линденау приводит оригинальные данные о ранней этнической истории саха в Байкальском регионе, но они требуют критического отношения. Так он утверждает, что якутские улусы завоевал казачий атаман Федор Чулков вместо известных нам П. Бекетова и И. Галкина.

Туматы, согласно Рашид-ад-Дину, жили между кыргызами и баргутами [Рашид-ад-Дин, 1952]. В свою очередь кыргызы жили на Среднем Енисее и в Минусинской котловине, а баргуты – в Баргузинской котловине. Следовательно, туматы, возможно, жили в Прибайкалье или Южном Приангарье, к такому мнению пришел и В.С. Николаев [2004]. Туматы, видимо, сталкивались с кыргызами, именно они оказали героическое сопротивление монгольской армии Чингисхана. Более того, они единственные на евразийском континенте, кто нанес существенный урон огромной империи.

Это более чем удивительно, так как туматы жили сравнительно недалеко от великих монголов, в отличие от русских княжеств и германской или венгерской империй. Поэтому против них могли быть задействованы все наличные военные силы монголов, а не отдельные части монгольского войска. Тем менее туматы сумели уничтожить одного из четырех кюлюков (сподвижников) Чингисхана Борохула и пленить вождя ойратов Хорчи. Только вождь племени дёрбёт Дорбой-докшин, перейдя через большой хребет, сумел пробраться в горную долину, где жили туматы и пленить воинственное племя. Где могла располагаться это горная долина или котловина? Согласно Рашид-ад-Дину, в древности туматы проживали в Восьмиречье (Секиз-мурэн), где в его времена обитали ойраты [Рашид-ад-дин, 1952, с. 118]. Затем письменные источники указывают, что туматы проживали поблизости от страны Баргуджин-Тукум, в пределах страны кыргызов. Победенные туматы могли смешаться с ранними ойратами в X–XII вв., другая их часть, объединившись в коалицию с племенем хори (варианты: хорилас, горлос, кори), в предмонгольскую эпоху составила племя «хори-тумат», заключившее союз с ранними монголами [Авляев, 2002, с. 195].

Г.Н. Румянцев считал, что они проживали вместе с хори в районе современного г. Нижнеудинска, т.е. в северных предгорьях Восточных Саян [Румянцев, 1962, с. 140]. По А.В. Харинскому, туматы в XI–XII вв. занимали Дархатскую котловину, северное и западное побережье оз. Хубсугул. В начале XII в. часть туматов «вместе с булагачинами и керемучинами переселилась в Приангарье» [Харинский, 2001, с. 41–42].

Воинственные туматы также считаются средневековым населением Тувы, там имеется местность под названием Тумат-тайга. По мнению исследователей, в том числе Б.Р. Зориктуева, монгольское нашествие застигло туматов на территории Верхнего Енисея [Зориктуев, 2011, с. 46]. По фольклорным источникам, на территории современного Абакана обитало богатое и многочисленное племя туматов [Бутанаев, Бутанаева, 2008].

Туматы, согласно мнению одних авторов, составляли единое племя с хоринцами – потомками курыкан. Ц.Б. Цыдендамбаев пришел к выводу о наличии в прошлом у хоринцев двух фратрий, имевших разные тотемы – лебедя и собаки. Лебедь в его представлении был тотемом тюрков, а собака – монголов [Цыдендамбаев, 1972, с. 220, 225]. Поэтому он обратился к названию племени хори-тумат, как образовавшегося от союза двух племен: «хори-туматы представляли союз племен, состоящий из туматов-тюрков, занимавших ведущее положение в союзе, и хоринцев прото-монгольского происхождения» [Там же, с. 226]. Исходя из этого, Г.Н. Румянцев считал одну половину хоринского племени – харганавскую группу родов – потомками туматов [Румянцев, 1962].

Бурятские ученые, поставившие знак равенства между племенем хори и хори-туматами, тоже считают туматов предками бурятского этноса. Но туматы отсутствуют в родоплеменном составе бурятов, поэтому предполагается, что они могли быть ассимилированы хоринцами. Поэтому их внимание привлекло упоминание в документах XVII в. совместно «коринцев и батулинцев». Любопытно, что такое же деление на две фратрии: хоринцев и батулинцев, зафиксировано в родовом делении якутов XVIII в. [Элерт, 2001].

Интересно, что перекочевавший в местность Бурхан-Халдун предводитель хоринского племени Хорилартай Мерген образовал отдельный оток (кочевье), отделившись от родственников туматов. Причина отделения: ссоры из-за охотничьих угодий, происходившие в стране Баргуджин-Тукум. Исходя из этого, можно заключить, что хоринцы (потомки курыкан!?) под натиском прибывших в Прибайкалье туматов могли откочевать в Бурхан-Халдун, т.е. в Восточное Забайкалье и часть Северной Монголии. Эти события, повествуемые в Сокровенном сказании, связанные с образом праматери всех монголов Алан-гоа, дочери Хорилартая, могли происходить в XII в. С тех пор хоринцы навсегда отделились от тюркского мира, став составной частью монгольских этносов. Часть крупного племени хори могла остаться в Прибайкалье, сохранив свое тюркоязычие.

Мы считаем, что батулинцев можно отождествлять с туматами. Туматы – это воинское сословие, клан воинов-батуров. К тому же огромный саяно-алтайский компонент в этнокультуре булагатов, как и саха, можно связывать только с туматами. Таким образом, именно туматы-батулинцы могли быть связаны с тюркским компонентом в этногенезе как саха и западных бурятов, так и хоринского племени.

Этноним *туматы* возводится к племени древних уйгуров (теле) и тюрков дубо. Согласно Л.А. Гребневу, часть самодийского племени дубо отурчилась, другая попала под влияние монголоязычных, став известными под именем туматов [цит. по: Сердобов, 1971]. Н.А. Сердобов считал, что туматы не являлись частью дубо, автохтонов Восточных Саян. Сторонники этого мнения исходят из упоминания в «Сокровенном сказании», наряду с туматами, племен тухас и тубас [Там же, с. 122].

Отождествление дубо с туматами опирается на союзнические отношения дубо с племенем курыкан согласно сведениям летописи династии Тан (VII в. н.э.). Туматы и хори были свойственниками. Этноним *тува* стал применяться к тувинцам только в конце XIX в. До этого тувинцы были известны под именами сойотов и урянхайцев. Есть мнение В.Я. Бутанаева, что впервые под этим именем стали обозначать ранее пограничное с Тубинским княжеством енисейских кыргызов урянхайское

население [Очерки истории Хакасии..., 2008]. Таким образом, однозначно нельзя древних дубо, как и туматов, считать предками тувинского народа.

В частности, есть исследователи, отрицающие связь между этнонимами *тува* и *тумат*. Так, согласно Б.И. Татаринцеву, этноним тумат – чисто тюркского происхождения, образован от слова *туман*, обозначающего значительное объединение людей [Татаринцев, 1990]. Действительно, в преданиях саха туматы иногда фигурируют как племя туман. Т.е. туматами могли называть тюркское кочевое племя, оставшееся после ухода огузов. В этой связи вопросы вызывает кимако-кыпчакская принадлежность усть-талькинской археологической культуры, а также наличие этих элементов в якутской культуре. Не исключено, что туматы, как считает В.С. Николаев [2004], с дальних западных областей пришли в Прибайкалье. В этой связи хорошо было бы еще раз обратиться к работам Ю.А. Зуева [1962], изучить его интерпретации из средневековых китайских научных трудов, вышедшие в кратких сообщениях АН Казахской и Киргизской ССР.

Среди башкиров и узбеков есть роды под названиями тама, тамьян. Их название связывают с туматами. Как они могли оказаться среди кыпчакских народов? Считается, что туматы не могли принимать участия в монгольских походах. По крайней мере Рашид-ад-Дин не рассказывает об этом. Более того он считает их полностью истребленными и плененными монгольскими войсками. Но в «Сокровенном сказании» монголов есть стихи о тумэтах, которые были авангардом монгольской армии и ее стражами [Козин, 1941]. При этом неясно, идет ли речь о наших туматах или о войсковом подразделении монголов туменах и происходящем от этого слова племени туметов. Крупное племя тумат есть среди кыргызов. Это обстоятельство доказывает преемственность между енисейскими и тяньшаньскими кыргызами. Как известно, туматы дважды поднимали восстание против монголов, сначала при Джучи, потом при Хубилае [Рашид-ад-Дин, 1952]. Когда монголы потребовали у кыргызов дать им войско, те отказались. Поэтому монгольская армия через лед Енисея вторглась на земли кыргызов и огнем и мечом разгромило их страну.

Говоря о туматах, нельзя обойти тему их восстаний вместе с енисейскими кыргызами против монгольского владычества, поход для их подавления на Енисей возглавил сам Джучи – сын Чингисхана; также во времена Хубилая был отправлен кыпчакский корпус, возглавляемый Тутухой. Одно из них произошло во времена Чингисхана, в ходе восстания туматов был убит один из четырех кулюков Боорчи и пленен вождь ойратов Худуха. Монгольский полководец Дорбой-Докшин, перейдя через непроходимые горы, внезапно обрушился на туматов и истребил все племя [Рашид-ад-дин, 1952]. Б.Р. Зориктуев пришел к мнению, что туматы могли жить тогда в верховьях Енисея [Зориктуев, 2011].

Действительно, эти восстания могли быть связаны с енисейской ветвью туматов, сохранившихся в XVII в. в лице Тубинского княжества енисейских кыргызов. Хотя Я.И. Линденау утверждает, что предки якутов на Верхней Лене имели успешные столкновения с кыргызами и монголами [Линденау, 1983], но в якутском фольклоре сведения о успешном противостоянии монголам не сохранились.

Поскольку в «Сокровенном сказании» монголов употреблено двойное наименование «хори-туматы», то бурятские исследователи отождествляют туматов с хоринским племенем [Цыдендамбаев, 1972]. В составе саха также есть роды хоро, которые занимают важное место. Их принято связывать с бурятским компонентом в составе саха [Константинов, 1975]. В этой связи было бы интересно провести генетическое исследование. Так, нам известно, что туматы роднились с хоринцами по мужской линии. Племя хорилар, перекочевав в Бурхан-Халдун, породнилось с предками монголов. Отсюда возникла легенда о хоринской девушке Алан-Гоа, ставшей прародительницей монгольского народа [Козин, 1941].

Имеющиеся языковые и культурные параллели саха с саяно-алтайскими народами, особенно с хакасами, следует связывать с туматским компонентом в этногенезе саха. Наличие отдельных родов тумат среди тувинцев, телеутов, свидетельствует о нахождении части воинственного племени тумат на Саяно-Алтае вплоть до второй половины XIII в. Видимо, именно они отличались воинственностью и громили мон-

гольские подразделения. Большая их часть в это время, возможно, проживала в Прибайкалье и участвовала в этногенезе бурятов и саха. Вероятная связь туматов с крупным племенем или отдельным народом тумэт во Внутренней Монголии, от которых происходили Алтын-ханы, властвовавшие над Монголией во время прибытия русских отрядов в Забайкалье, нами отрицается. Эти тумэты – типичные внутренние монголы. Видимо, они свое имя получили от названия войскового подразделения тумен.

Представляется характерным наличие рунической письменности у представителей усть-талькинской культуры. Её опять же могли принести туматы, вероятные потомки тюркско-уйгурского племени дубо. Такие же виды рунической письменности были обнаружены на Верхней и Средней Лене в стреле, найденной на стоянке усть-талькинской культуры [Николаев В.С., 2008].

Вопросы вызывает и вероятное самоедоязычие дубо – предков туматов. Самодийский компонент присутствует в этногенезе саха, его наличие через языковые и культурные параллели доказывал С.И. Николаев. В качестве аборигенов Саяно-Алтайского нагорья дубо, вероятно, имели скифо-сибирский субстрат, восходящий к носителям уюкской культуры: азиатским скифам – сакам или пазырыкцам – древним горно-алтайцам. По последним генетико-этнографическим исследованиям, пазырыкцы имели сильный самодийский компонент. Некоторые тувинские группы: тоджинцы, сойоты, тофалары, вплоть до начала XX в., сохраняли самодийский язык. В XIII в. монголы не понимали язык туматов, поэтому им приходилось разговаривать через переводчика.

На территории Тувы обнаруживаются якутские топонимы. Тувинские топонимы известный филолог Б.И. Татаринцев выводил из якутской лексики [2009]. Не связаны ли подобные топонимы, распространенные в районах, населенных тувинцами, с историческими туматами?

Как выше говорилось, в XII в. ойраты вытеснили туматов – вероятных потомков дубо, с территории степной Тувы. Именно туматы, по мнению В.С. Николаева, были теми мигрантами, которые принесли погребения с конем в Южное Приангарье и положили начало усть-талькинской археологической культуре [Нико-

лаев В.С., 2004, с. 158]. По якутским легендам, предки саха сначала жили в стране Ураанхай, потом по реке Ангаре и Байкалу [Боло, 1994, с. 256]. По некоторым данным, предки саха воевали с народом ураанхай и, проиграв войну, были вынуждены оставить свою страну [Ксенофонов, 1977]. В XIII в. на территории современной Тувы, помимо ойратов, жили сайн-урянхи – таежное племя, занимавшееся охотой [Рашид-ад-Дин, 1952]. Возможно, они пришли туда в XII в. вместе с ойратами и оттеснили тюркоязычных туматов. В то же время туматы могли себя осознавать в качестве части уранхайского мира.

Характерно, что вилюйских якутов, плативших ясак в Нижневилюйском зимовье, в документах обозначали под именем «туматов» [Долгих, 1960]. Это кардинально расходится с данными фольклора, где туматы – название аборигенного племени Вилюя, практикующего каннибализм [Ксенофонов, 1977]. Отсюда В.А. Туголуков туматов связывал с дотунгусским, самодийским населением Вилюя [1985]. Они же были известны под именем бурундуков – дьырикинэй, шитолицы – тигиилэх сирэйдээх, буляшей – булэнов. Смешавшись с тунгусами, по мнению данного автора, они дали начало племени нюрмаган или мургат, в якутской огласовке – ньу-урбачаан [Там же].

Среди «туматов» Нижнего Вилюя были роды, созвучные с сеоками (родами) саяно-алтайских тюрков. Это кыргыдай – кыргыз, тогус – тагус, ёргюёт – иргит, кырыкай – кырык (огузское племя), асыыкай (в документах – осекуи) – азык (кыргызское племя) [Николаев С.И., 1957, с. 94–96]. Таким образом, эти нижневилюйские туматы – самые настоящие тюрки, близкие не только к саяно-алтайским тюркам, но и к огузам, и кыргызам Средней Азии. Вытесненные кангаласцами и другими центральноякутскими родами пещи якуты – «туматы» вселились в пределы будущего Верхневилюйского улуса. К слову сказать, верхневилюйцы отличаются своим менталитетом от остальных саха, поражают сохранностью архаичной культуры.

«Пешим» якутам Вилюя название «тумат» могли присвоить соседи-тунгусы. Вслед за ними русские казаки стали обозначать представителей народа саха, как якутов, от тунгусского «йако, эхе» и «тумат». Видимо, тунгусы знали северных тюрков под именем туматов. И доли-

на Туймаада, в которой находилась ставка Тыгына, получила имя туматов. Среди племени дубо также зафиксированы представители племени кангач [Зуев, 2002]. Тогда летописных кангатов XIII в., занимавшихся домашним оленеводством, следует связывать с дубо и поздними якутами – кангаласцами [цит. по: Татаринцев, 2009, с. 243]. Упоминаемые в источниках XIII в. кангаты, занимавшиеся оленеводством, могли быть потомками этих дубо и иметь связь с кангаласцами в составе саха.

Пеших якутов, или «туматов» Нижнего Вилюя обозначали под названием Холопья орда [Долгих, 1960, с. 468–469]. Тот факт, что они не упоминаются в сообщениях казаков 20-х гг. XVII в. и обнаруживаются отрядом атамана Воина Шахова в 30-х гг. XVII в., говорит о их появлении в это время в результате вытеснения родами саха из среднененского бассейна. По археологическим материалам, кулун-атахцы могли проникнуть в бассейн Вилюя еще в XV–XVI вв. [Гоголев, 1990]. Возможно, сюда были вытеснены остатки кулун-атахцев, попавших в рабство (холопы) к воинственным родам тунгусов. Отсюда и вытекает мотив враждебности легендарных туматов и тунгусского рода ньуурбаачан (нюрмаган). Значительная их часть, кроме воинственных тагусов, занималась собирательством и рыболовством, наряду с охотой. Такое же комплексное хозяйство ведут тофалары, сояты, шорцы и северные алтайцы, в том числе тубалары. Подобное хозяйство, не знавшее скотоводства, с наличием якутского балагана, называемое культурой «малых домов», было распространено на окраине якутской земли на Нижней Лене и в Верхоянье. Есть затруднения с их археологической датировкой, возможно они относятся к XVI в., хотя А.П. Окладников относил их к X–XII вв. [1955].

На Средней Лене были распространены легенды о хара-сагылах ('черных лисах') или «тыял буолбуттар» ('ставших ветром') и неких сахаларах [Боло, 1994, с. 21]. Для сравнения: на Алтае распространены легенды о кер-сагалах, или кер-салах. Считается, что воинственные кер-сагалы связаны с набегами не менее воинственных тувинских родов на Алтай с территории Урянхая. И в Центральной Якутии есть топонимы и этнонимы, близкие к саяно-алтайским, в частности, к тувинским. Это и местно-

сти, роды тумэт, тумат в бывшем Дюпсинском и Мегинском улусе [Долгих, 1960, с. 364], и название наслега Танда, созвучное с названием Тандинского района Республики Тува, от слова танды – тайга, и Маданская волость, близкая к известному тувинскому этнониму маады, мадор. В древности она связывается с уграми-мандьярами. Представители родов тумат и тогус в единичном количестве были в составе центральноякутских волостей. В этом отношении, припоминается преобладание угро-финнской гаплогруппы NS1 в генетике саха. Т.е. у нас нет сомнения в идентичности легендарных хара сагылов и представителей рода тумат.

Таким образом, на территории Средней Лены вплоть до начала XVII в. жили некие «туматы», ассимилированные остальными саха. Отождествление легендарных туматов с кулун-атахской культурой XIV–XV вв. в этой связи выглядит актуальным. Однако кулун-атахская культура плавно перетекает в якутскую, т.е. это просто этап становления якутского народа на Средней Лене. Туматы вливаются в состав якутского народа. По свидетельству Я.И. Линденау и Н. Витсена, И. Идеса, могли быть две-три волны переселения предков саха с Верхней Лены на Среднюю. Если первые мигранты сохраняли память о своем туматском происхождении, то более поздние, принесшие погребения с конем, характерные для усть-талькинской культуры XII–XIV вв., приписываемой опять же туматам, считали себя уранхайцами.

В Маньчжурии, куда переселяли кыргызские племена и их кыштымов в XIII в., было эвенкийское княжество Эхе. По архивным источникам, начало клану эхе дал монгол из аймака тумот [Мелихов, 1974]. Таким образом, зарождение этнонима *эхе*, *йако* в тунгусской традиции связывается с туматами. Кстати, это фактически единственное государственное образование, построенное эвенками-тунгусами за тысячелетнюю историю их существования на огромной территории. Это тем более удивительно, что, видимо, она имеет какое-то отношение к народу саха, который также никогда не имел собственного государства.

Согласно радиоуглеродным данным, зарождение и распространение усть-талькинской археологической культуры в Южном Приангарье относится к XII в., поэтому эта дата совпадает

с расселением туматов [Николаев В.С., 2004]. Имеются два основных претендента на данную культуру: это туматы и усуту-мангуны, олицетворяемые нами с группой приангарских татар. Возможно, татары, как потомки монголоязычных шивеев, связаны с предками ойрат-бурят, относимых к союзу баргутского племени, они также принимали участие в этногенезе саха в районе Прибайкалья. Но якутский фольклор своих прародителей Эллэя и Омогоя связывает с народом «татаар», упоминая, что на Средней Лене жил еще один чужой, воинственный народ тумат, с которым воевал Омогой, сопоставляемый обычно с народом «бырааскай» [Боло, 1994].

Но эвенкийские предания помнят переселения вниз по Лене воинов племени «туматов», не желавших подчиняться монголам. Следовательно, тюркоязычные туматы могли сыграть ключевую роль в этногенезе саха. Якутские легенды затрудняются определить национальность прародителей Эллэя и Омогоя: или из племени «кыргыс», «бырааскай», «ураанхай», или «татаар» [Ксенофонов, 1977]. Этнонимы *кыргыз*, *бурят*, *урянхай* одинаково близки к туматам, так, современные хакасы, буряты, тувинцы-урянхайцы туматов включают в состав своих предков. Таким образом, налицо сложность проходивших этнических процессов, когда одно средневековое племя участвует в этногенезе нескольких народов.

Но часто туматов считают монголоязычными. Хотя если они являются потомками средневекового племени дубо, то наверняка входили в состав теле-огузов или древних уйгуров, до этого древних тюрков, и испытывали сильное культурное влияние со стороны енисейских кыргызов, следовательно, были тюркоязычными. По свидетельству «Сокровенного сказания», монголы испытывали большие затруднения при общении с туматами, поэтому вели переговоры с ними через переводчиков-толмачей из племени ойратов.

Представляет интерес, отнесение поздним якутским этническим самосознанием туматов к чуждому, воинственному племени. Якутские предания подчеркивают архаичность туматов, отождествляя их с аборигенами края, дотунгусским населением Вилюя и Олекмы [Туголуков, 1985]. В этом смысле интересен факт

отождествления эвенкийского рода нанагир (диалектный вариант – ханагир) с кангаласцами (названием племени в Приамурье), имя которых тождественно кангаласцам – главенствующему племени саха [Туголуков, 2013]. Не могли ли туматы в лице кангаласцев принимать участие в этногенезе тюрков саха, а затем попасть в состав эвенков?

Интерес вызывает наличие туматских населений и родов на Севере Якутии вплоть до XX в. Кем они могли быть? Потомками пеших якутов Нижнего Вилюя или обьякученными тунгусами, более того юкагирами? Возможно, именем тумат саха стали обозначать тунгусское население, так как словом тунгус стали называть оленеводов якутского происхождения.

Можно привести и утверждение российского географа А.М. Малолетко об экспансии в раннем средневековье тюркоязычных тобасцев – ветви хуннов, в таежные регионы Восточной Сибири, оставивших память о себе в виде существующих названий тумат, туба [Малолетко, 2004, с. 211]. Таким образом, ранние тюрки в виде представителей племени тоба могли через Амур проникнуть на территорию Якутии и привнести хунно-сяньбийский компонент в этногенез саха. Так, А.Н. Алексеев фиксирует на Олекме в местности Улахан-Сегеляннэх появление скотоводческого населения с элементами хунно-сяньбийской материальной культуры [Алексеев, 1996].

Существует предположение о связи пратюркского государства Со с названием «страны Со» (в современной Восточной Монголии), из которой происходили Сяньби или их часть, которая именовалась Тоба. Именно их называли Со-лу – «варварами из страны “Со”» [Зуев, 1962, с. 61–63]. Тем более что кумандинский род *со*, с которым принято связывать родину тюрков «Со», в русских документах XVII в. обозначался как Солунская волость.

В формировании культуры и этногенеза как саха, так и западных бурят обнаруживается огромный саяно-алтайский компонент. Этот компонент, видимо, следует связывать с туматами. В этой связи интересны мнения бурятских ученых о двухсоставности хоринских бурят: разделении их на хори-туматов [Румянцев, 1962, с. 140] и «коринцев и батулинцев» [Цыдендамбаев, 1972, с. 220, 225]. Эти две фратрии хоринско-

го племени могли сформироваться в глубокой древности, возможно, они восходят к брачному союзу племен хори и тумат. Имеющиеся в составе саха многочисленные батулинцы, от которых, по якутской генеалогии, происходят потомки Омогоя: намцы и таттинцы, могли быть потомками ойратского племени батут, в формировании которых, видимо, принимали участие туматы. Французские генетики уже заметили различие между основной линией – компонентом саха потомками Эллэя и таттинцами (батулинцами).

Генетическую концепцию происхождения саха, разработанную С.А. Федоровой [2008], можно соотнести именно с тоба и другими ветвями тюркских языков – потомков теле-огузов. Кстати С.А. Федорова утверждает о саянском происхождении носителя этого гаплотипа и близости именно к тувинцам по мужской линии [Там же]. Интерес заслуживает также ее мнение о прохождении генетических предков саха через «бутылочное горлышко», т.е. уменьшении числа мужских особей, вплоть до угрозы полного исчезновения [Там же]. Известно, что и туматы, и буир-нурские татары подверглись истреблению в период господства Чингисхана.

Таким образом, можно представить, что именно туматы являются одним из южных компонентов саха. Однако версия фольклорных источников о вытеснении легендарных туматов со Средней Лены, потом со Среднего Вилюя предками саха и однозначное отношение к туматам как враждебному племени показывают сложность этногенетических процессов. В отличие от хоринцев, большинство туматов были уничтожены монгольскими войсками в ходе кровопролитных столкновений. Поэтому, говоря о туматах как о тюрках и предках саха, можно допустить, что небольшое количество уцелевших мужчин составили этническое ядро, вокруг которого ассимилировались тунгусские родовые группы.

Литература и источники

- Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. – 2-е изд., перераб. и испр. – Элиста, 2002. – 325 с.
- Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья / Сер. История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 95 с.

Бутанаев В.Я. Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан, 2008. – 375 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск, 1994. – 320 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Труды ИИАЭ им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. – 1962. – Т. 15. – С. 107–122.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. литература, 2011. – 278 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 192 с.

Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Долгих Б.О. Родовой состав народов Сибири. – М., 1960. – 622 с.

Иванов М.С. Топонимика Якутии (краткий научно-популярный очерк). – Якутск, 1985. – 144 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник / введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 1. – С. 5–122.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и её соседи в древности. – Якутск, 1975. – С. 106–173.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I, кн. I. – Якутск, 1992. – 416 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимии. – Т. 3: Докаганатские тюрки. – Томск, 2004. – 292 с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). – М.: Наука, 1974. – 246 с.

Молдобаев Э.И. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе, 1989. – С. 95–96.

Никифоров В.В. Материалы участника Якутской экспедиции АН СССР // ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 122. Л. 68–73.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-

талкинская культура. – Владивосток; Иркутск, 2004. – 306 с.

Николаев В.С. Кочевники юга Средней Сибири XII–XIV вв. // Изв. Алтайск. гос. ун-та. – 2008. – № 4–2. – С. 136–146.

Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилуйских якутов // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – 1957. – Вып. 27. – С. 90–98.

Николаев С.И. Народ саха. – Якутск: Якутский край, 2009. – 300 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.; Л.: Наука, 1955. – 295 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 672 с.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969. – 190 с.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасан, энцев, селькупов и кетов) // Сов. этнография. – 1939. – Вып. 3. – С. 67–76.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I, кн. 1–2. – М.; Л., 1952. – 221 с.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962. – 268 с.

Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл, 1971. – 473 с.

Татаринцев Б.И. Происхождение этнонима топа – туба – тыва и некоторых сходных с ним наименований // Сов. тюркология. – 1990. – № 2. – С. 81–82.

Татаринцев Б.И. Избранные научные труды. – Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. – 288 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М., 1985. – 285 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – Красноярск: ИД «Сибирские промыслы», 2013. – 336 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация (по материалам погребальных комплексов). – Иркутск, 2001. – 198 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ, 1972. – 662 с.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 107–124.

Федорова С.А. Этногеономика коренных народов Республики Саха (Якутия): автореф. дис... д-ра биол. наук. – М., 2008. – 50 с.

V.V. Ushnitskiy

Discussion about the Tumats Component in the Genesis of the Yakut People: Pro Et Contra

The article discusses the Tumats component in the ethnogenesis of Sakha. Tumats are the ancient population of the territory of Tuva their ancestors could be medieval Dubo which include in structure of the breeding Union of ancient Turkics and Uighurs. In the XII century they were driven out of the indigenous lands by the Oirats and formed a single union with the Chori tribe. In XII–XIII centuries they lived in the neighborhood of Bargudzhin-Tukuma within the "country of the Kyrgyz people". The tribe of the Chori-tumats is considered the ancestors of the Buryats, however, they took no less part in the ethnogenesis of the Sakha. The Tumats were a warlike tribe, which inflicted heavy defeats on the Mongolian army. According to V.S. Nikolaev, they belonged to the Ust-Talkin archeological culture of the Southern Angara region in the 12th – 14th centuries. As he believes, the Tumats have gone down the Lena River and formed the Sakha people. Yakut archaeologists also came to the conclusion that the Kulun-Atakh culture belongs to the 14th – 15th centuries partly to the Tumats.

According to Yakut folklore they are the ancient population of Vilyui, the ancestors of "forest Tungus". In the documents of the first half of the XVII century in the Lower Vilyuia there are mentioned "Tumats" - they are "foot Yakuts".

Keywords: ethnogenesis, folklore, archaeological cultures, peoples of Sayano-Altai, Tuva, Baikal region, forest peoples, Chinese chronicles, Southern Siberia, ethnic history, Sakha-Yakuts.

DOI: 10.25693/IGI 2218-1644.2018.02.23.003

УДК 391(571.56)

Этнографические материалы А.А. Саввина: одежда и украшения

Изучение традиционной одежды и украшений как уникального этнокультурного наследия народа саха в настоящее время остается одной из актуальных задач современной науки. Как известно, в архивных материалах А.А. Саввина содержится немало ценных записей по традиционной одежде и украшениям якутов, которые были собраны им во время этнографических исследований в 1930–1940-е гг. в ряде центральных, вилюйских и северных районах Якутии. В статье рассматриваются полевые материалы собирателя по изучению архаичных видов якутской одежды и украшений, их территориальных вариантов и традиционных названий. Исследователем впервые были затронуты вопросы происхождения и сравнительного изучения якутской одежды, а также ее религиозно-обрядовых функций. Как собиратель и исследователь, А.А. Саввин внес огромный вклад в дальнейшее научное изучение традиций якутской одежды и украшений, в формирование музейных этнографических коллекций.

Ключевые слова: этнография саха, традиционная одежда, украшения, полевые записи, архивные материалы, музейные коллекции, лексика, термины, обработка материалов, обычаи, обряды.

Чурапчинская земля издавна славится как особый оазис самобытных этнокультурных традиций. Сегодня она по праву считается центром современного возрождения якутских художественных ремесел: ювелирного искусства, шитья берестяной утвари, изготовления циновки из конского волоса, гончарного производства.

Замечательный этнограф, ученый-краевед, музейный собиратель, уроженец Чурапчинского улуса, А.А. Саввин принадлежал к тому поколению представителей якутской интеллигенции начала советской эпохи, которые были одержимы желанием изучать историю и культуру своего народа, считая это своим непреложным долгом. Благодаря самообразованию, он овладел огромными познаниями в области фольклора, этнографии, истории и археологии, свидетельством чему служат собранные им материалы, которые характеризуют его как разностороннего исследователя, патриота и яркую личность. Уникальные полевые материалы, неопубликованные рукописи Саввина, отличающиеся особой научной ценностью, – результат его многолетнего подвижничества, по праву считаются золотым фондом в изучении историко-культурного наследия народов Якутии.

Как известно, 1930–1940-е гг. характеризуются как активный период развития науки в ре-

спублике. Открытие Института языка и культуры при СНК ЯАССР, создание академической научной базы способствовали дальнейшему изучению духовной культуры народов Якутии. Сбор материалов по изучению одежды и украшений, в которых сохранились древние пласты культуры народа саха, в то время, безусловно, был продиктован общей задачей изучения якутской старины для дальнейшего комплексного научного исследования проблем древней истории ленских скотоводов. Именно эти годы характеризуются началом изучения якутской одежды, и прежде всего это было связано с именами местных исследователей Е.Д. Стрелова, М.И. Ковина, М.М. Носова, С.И. Боло, И.Д. Новгородова. К ним, безусловно, относится и Андрей Андреевич Саввин.

Прикасаясь к научному наследию А.А. Саввина – богатейшему архивному материалу по фольклору и этнографии якутов, вновь и вновь открываешь для себя новое, ранее неизвестное. В этом, видимо, заключается особая ценность его полевого материала, разнообразного по тематике, территориально охватывающего различные группы вилюйских, северных и центральных районов Якутии. Изучая эти материалы, всегда поражаешься огромному труду, проделанному собирателем, его неимоверному та-

ланту как исследователя. К научному наследию А.А. Саввина всегда имеется огромный интерес, об этом говорит и то, что сегодня нет современных работ по якутскому фольклору и этнографии, где не было бы ссылок на его полевые материалы. Именно они позволяют сегодня реконструировать традиции старинной якутской одежды. С его именем в целом связано и ее современное возрождение. Как известно, в настоящее время издана лишь небольшая часть трудов исследователя; основной массив архивного материала, состоящий из множества полевых записей и дневников, остается еще не обработанным. Предстоит огромная работа не только по их изучению и публикации, но и, самое главное, их архивации, реставрации обветшавших документов, обеспечению соответствующих условий для их хранения, переводу на электронные носители и т.д.

Следует отметить, что в последнее время тема изучения якутского традиционного костюма становится весьма разноплановым объектом для широкого круга научных дисциплин. Особая роль при этом отводится исследованиям якутских археологов. Публикации материалов раннеякутских раскопок последних лет дают новые сведения, раскрывающие малоизвестные страницы древних традиций якутского костюма [Кириянов, 2017; Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017]. В частности, сохранившиеся в средневековых погребальных комплексах металлические украшения представляют собой уникальный источник для изучения ранней культуры ленских скотоводов.

В данной статье попытаемся сделать лишь небольшой обзор основных его материалов, запечатлевших традиционную одежду и украшения. В архиве А.А. Саввина их сравнительно немного, но по своему содержанию и научной значимости они имеют исключительную ценность. В двух рукописных фондах исследователя [Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12; Ф. 5. Оп. 3] среди материалов по изучению традиции якутской одежды и украшений значатся более 10 единиц хранения. Среди них отдельно можно отметить материалы: «Одежда и украшения» (35 л.), «Саха уустара» (27 л.), «Верования якутов. Фетишизм. Ымыы» (95 л.), «Магия. Ап» (56 л.), «Материалы по истории и этнографии якутов» (115 л.), «Различные этно-

графические материалы» и др. Кроме того много отрывочных записей вкраплено в разных делах, содержащих материалы по верованию, свадебным и погребальным обрядам. Большинство документов, хранящихся в фондах, в основном представляют собой экспедиционные материалы в виде полевых записей, дневников, кратких отчетов, отрывочных заметок, собранных во время двух фольклорных экспедиций: Виллюйской (1938 г.) и Северной (1939–1940 гг.).

В ходе полевых исследований, несмотря на фольклорную направленность экспедиций, А.А. Саввин особое значение придавал и этнографической работе, и музейно-собирательской деятельности. В своем экспедиционном отчете он пишет: «Воспользовавшись случаем посещения ряда мест, весьма отдаленных и глухих уголков Виллюйского района, где, наряду с пережитками старого быта, обычаев и нравов, сохранились также одежда, украшения, оружие и предметы религиозного культа минувших эпох, я собирал для Якутского областного музея экспонаты этнографического характера, представляющие значительный научный интерес» [Там же. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 5]. Им было собрано 63 единицы предметов, которые были сданы в этнографический отдел данного музея.

Как известно, экспедиционные материалы А.А. Саввина были собраны в группе районов, расположенных не только в разных географических поясах, но и на разных этнических территориях: виллюйской и заполярной. Районы эти для полевых исследований, видимо, были выбраны неслучайно, поскольку виллюйские якуты, как и жители северных районов, в отличие от населения центральной части Якутии, до 1930-х гг. оставались в этнографическом плане в числе наименее исследованных групп. Полевые экспедиции ставили, прежде всего, задачу комплексного изучения локальных особенностей духовной культуры виллюйских и северных групп якутов-скотоводов. Благодаря этим длительным экспедициям и, прежде всего, энтузиазму собирателя, впервые удалось обследовать и собрать огромный материал для изучения духовного наследия коренного населения бассейнов Виллюя, Верхоянья, Абыя и Аллаихи. Методика полевых исследований была построена, прежде всего, на использовании ретроспектив-

ного подхода к изучению малоисследованных артефактов как особых информативных источников. Изучая материалы по традиционной одежде, свое внимание он обращает на ее семантику, пытаясь раскрыть связь одежды с обрядовой и религиозной практикой, тем самым рассматривая ее особенность в качестве универсального текста культуры.

Пожалуй, главной достопримечательностью полевых материалов А.А. Саввина является целенаправленное обращение к истокам культурных традиций, что, безусловно, делает их особенно ценными и уникальными. Следует отметить, что ретроспективный подход к сбору материалов был одной из ключевых задач собирательской программы экспедиции. Это также было мотивировано его исследовательскими интересами к этнографическим объектам как памятникам культуры. И поэтому неслучайно описания архаичных видов старинной одежды и украшений занимают особое место в отчетах о собранных им материалах.

Как известно, большинство материалов было собрано в ряде вилюйских и северных групп районов, где в силу их удаленности и обособленного расположения в быту и образе жизни отмечалась наибольшая сохранность старинных черт. Во время своих экспедиций ему удается получить немало сведений о почти забытых в то время традиционных видах одежды и их названиях. Об этом он пишет в своем кратком отчете экспедиции: *«Материалы эти собраны в Сунтарском и Вилюйском районах и являются, главным образом, описанием отдельных видов старинной якутской одежды и украшений, ныне вышедших из употребления. Описания сделаны со слов стариков – лучших знатоков старины вообще и якутской одежды в частности»* [Там же. Ед. хр. 270. Л. 5]. Следует отметить, что в 1930-е гг. традиционный уклад сельского населения оставался еще не тронутым, особенно в периферийных районах, где во многом сохранялся привычный образ жизни. Об этом Саввин пишет так: *«... в глухих уголках Мастаха и Сунтара, пожалуй, как нигде в Якутии, сохранились остатки предметов, отражающих в себе материальную культуру якутов прошедших веков, как-то: старинная одежда, украшения, оружие, сбруи, уцелевшие отчасти, как семейная реликвия. Своевременный, широко*

поставленный сбор этих ценнейших экспонатов, отличающихся своей художественной отделкой, в случае успеха в будущем принес бы бесспорно большую пользу исследователям материальной культуры якутов вообще, вилюйских в частности, а также в смысле обогащения нашего Областного музея этнографическими коллекциями» [Там же].

В материалах А.А. Саввина впервые получили наиболее подробные описания такие архаичные виды меховой одежды, как *тангалайдаах сон, кунустаах сон, муостаах бэргэһэ, дьабака, куйуһун, намыаска, сэгийэ сымнаба, нээлби, ньылака бэргэһэ и др.* Особый интерес представляют записи о головных уборах с перьями и «рожками», которые, по сведениям информантов, считались наиболее архаичными. Они были отмечены во многих обследованных группах якутов: сунтарских, нюрбинских, чурапчинских, верхоянских. По рассказам информантов о женских шапках *нуобайдаах бэргэһэ*, их украшением служили длинные хвостовые перья журавля или утки селезня [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 18]. К этим видам женских шапок типологически очень близок головной убор *куйуһун*. В вилюйских материалах А.А. Саввина имеется редкое описание этого вида женского головного убора, записанное в Хангаласском наслеге Сунтарского района от информатора Гаврила Ефимова. Шапка имела куполообразную форму, с высоким вышитым верхом, спереди была металлическая бляха, сзади и по бокам свисала система длинных ажурных пластинок [Там же. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 97. Л. 9]. Возможно, данный вид женской шапки также имел султан из перьев. Другим, не менее архаичным, видом головных уборов была рогатая шапка *«муостаах бэргэһэ»*, в отличие от шапки с перьями, по рассказам информантов, подобные виды головных уборов бытовали почти до недавнего времени. Сведения о рогатых шапках также были зафиксированы как у вилюйских, так и у верхоянских и колымских якутов. Как видно из материалов, собиратель проявлял особый интерес к этим старинным видам головных уборов. Большинство опрошенных сообщали, что хорошо помнили рассказы стариков о них, некоторые даже видели их в детстве, в отдельных местах они бытовали вплоть до конца второй половины XIX в. [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 38. Л. 68; Ед. хр.

39]. По данным археологических раскопок, «*муостаах-нуоҕайдаах бэргэһэ*», т.е. шапки с рожками и султанами, были характерны для XVII–XVIII вв. и обнаружены в старинных якутских погребениях, датированных этим периодом. А.А. Саввин приводит материалы дохристианского захоронения родоначальника Морукского наслега Аба Уос Дьорҕо, жившего в первой половине XVIII в. [Там же. Ед. хр. 18. Л. 32]. Подобные головные уборы также упоминаются в материалах Сэсэн Боло [1994, с. 86–94]. Артефакты древнеякутских захоронений из раскопок Якутского краеведческого музея 1930-х гг. были в свое время описаны М.М. Носовым [Носов, 1955, с. 104–105].

Весьма ценна запись о свадебном покрывале лица невесты из меха – *аннах*. Невесты из состоятельного рода носили покрывало из соболиных шкур, менее богатые – из бобра, а простые покрывала были из беличьих шкур, медвежьего меха или оленьих шкур. Покрывало имело узкие отверстия для глаз, края которых вышивали бисером, понизу покрывало украшалось металлическими подвесками [РФ А ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 97. Л. 17]. В целом эти ценные записи, собранные во время вилюйской экспедиции, во многом расширили сведения и обогатили представления о старинных типах головных уборов, широко бытовавших в прошлом у различных территориальных групп якутов.

Особый интерес заслуживают материалы, касающиеся своеобразных деталей северной одежды, – различных теплозащитных приспособлений для лица от холода в виде меховых полумасок: *сэгийэ сымнаҕа*, *намыаска*, *туматыкы*, которые представляют собой специальные детали, защищающие лоб, щеки, нос, подбородок. Незаменимыми защитными приспособлениями в зимнее время служили также *моойторук* (меховой ошейник) и *нээлби* (наплечник), предназначенные для защиты от холода шеи и плеч. В материалах имеется подробное описание сложной технологии изготовления мехового ошейника, собранного из множества беличьих хвостов. Судя по материалам А.А. Саввина, эти детали, как важные дополнения зимней одежды, в прошлом имели широкое распростране-

ние, они были зафиксированы как у вилюйских, так и северных групп якутов.

Во время данной экспедиции А.А. Саввину удалось собрать не менее интересный материал о таких малоизвестных видах старинной якутской одежды, как *тангалай** или *тангалайдаах сон*, которая также широко бытовала в прошлом. Записи об этом архаичном виде одежды были сделаны как в Сунтарском районе, так и в Верхоянье. По рассказам сунтарского информатора, нарядная безрукавная одежда *тангалайдаах сон*, сшитая из сукна, на спинке имела вертикально расположенную вышитую бисером полосу в виде «елочки», задний вырез, края подола и бортов были опушены мехом бобра, вдоль опушек пришивались полоски из металлических бляшек в четыре пальца шириной. Кроме того спереди и сзади было сплошь пришито множество мелких подвесок в виде миниатюрных металлических подвесок, по форме напоминающих огниво и игольницы [Там же. Л. 9–10]. Верхоянский вариант этой женской одежды был сшит из продыmlенной ровдуги, длина чуть ниже колен. Сзади также имелся характерный вырез, по краям подола шла широкая полоса из черной коровьей кожи. Полы соединялись ровдужными ремешками [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 38. Л. 82].

О другой интересной разновидности женской нарядной одежды *кэдьигэ тангалай* было записано в Абые. Она была также без рукавов, но, по описаниям, не распашной, длиной до колен. Одежда была сплошь покрыта вышивкой с характерными видами орнамента. Она считалась свадебной одеждой невесты. Там же от жительницы Майорского наслега было записано другое описание *кэдьигэ тангалай*. Крой также напоминает глухую рубаху, не имеет подкладки. Рукава были также короткие, края подола, рукавов имели меховую окантовку из шкур рыси, шириной примерно в два пальца. Края меховых опушек обрамлялись полосками красного сукна такой же ширины, с двух ее сторон имеются узкие полоски, вышитые белым оленьим волосом. Параллельно к этим полоскам был пришит ряд мелких ажурных бляшек. По низу одежда также украшалась металлическими подвесками.

*Тангалай – архаичный тип женской верхней одежды, судя по всему название он получил от характерного елочного орнамента с тем же названием, используемого для декора данного вида одежды. – А.С.

Спинка и полы сплошь были покрыты вышивкой шелковыми нитками. По центру спинки был расположен орнамент в виде елочного узора – *тангалай ойуу*. Одежда считалась свадебным нарядом невесты и имела обрядовое значение, носить ее на церковные праздники было не принято, одевали её только на Ысыях [Там же. Ед. хр. 41].

Колымский вариант *тангалайдаах сангыйах*, по рассказам Дмитрия Слепцова (63 г.), был сшит из темных и светлых жеребьячьих шкур. Рукава также короткие, чуть ниже локтей, длина её едва доходила до щиколоток. Спинка сверху до низу была декорирована мелкими полосками в виде *тангалай*. Передние полки также имели декор из орнаментированных полосок. Низ подола и края рукавов были окаймлены темной шкурой. Боковые части одежды были сшиты из белых шкур. Ворот обшит росомашьим мехом, по краям заднего выреза и передних полок пришиты медные подвески [Там же. Ед. хр. 43].

У абыйских якутов была распространена шуба, называемая *кулун сангыйах*, сшитая из комбинированных жеребьячьих шкур белого и черного цвета. Сзади шубы имелся характерный вырез. Особое значение уделялось оформлению спинки одежды. Сочетая темные и светлые шкуры, получали какие-либо несложные рисунки, иногда на спинке делали вставку из темной конской шкуры с гривой [Там же. Ед. хр. 39, 41, 43]. Собранный здесь материал хорошо характеризует особенности и разнообразие северной меховой одежды из волчьих, тарбаганьих и рысьих шкур, последние служили материалом для свадебных шуб богатых невест. Характерным материалом для северных якутов была кобылья и жеребьячья шкура, при этом сохранялись особенности традиционного кроя. Описывая эти виды верхней одежды, А.А. Саввин отмечает, что в них особое значение придавалось оформлению спинки одежды. Увиденные им зимние шубы на спинке имели характерные меховые вставки. Поэтому, как нам кажется, следует обратить внимание на эту особенность старинного кроя женской одежды. Вполне возможно, что это были некие отголоски древних традиций изготовления старинных образцов меховых шуб, крой спинки которых нередко имел контуры орнитоморфных изображений, очевидно, связанных с культами почитаемых

зверей и птиц. Как видно из материалов, эти интересные факты, вероятно, связаны с некогда бытовавшими женскими шубами, так называемыми «хотойдоох сон».

Например, Р.К. Маак подобного рода старинную женскую шубу так описывал: «На спине шубы, около лопаток, всегда вышиваются серповидные вставки из меха речного бобра или выдры» [Маак, 1994, с. 233]. При этом нет даже речи об их назначении и названиях, связанных с изображением каких-либо птиц. В.Л. Серошевский упоминает увиденную на севере тарбаганью шубу, к спине которой был пришит узор, «напоминающий орла с распущенными крыльями» [Серошевский, 1993, с. 321]. У М.М. Носова встречается название «кыыл ымыылаах сон» [Носов, 1955, с. 97]. Сэсэн Боло лишь один раз вскользь упоминает название «хотойдоох сабынньах» [Боло, 1994, с. 94]. В материалах А.А. Саввина не встречается подобного названия. В целом, вполне возможно, что подобные вставки могли быть неким изображением темных птиц, но в источниках нам не встретилось об этом более убедительных сведений. Но то, что меховые вставки в виде орнитоморфных фигур на женской одежде некогда имели магическое значение и выполняли оберегающую функцию, не вызывает сомнения.

Что касается названия «хотойдоох сон» (досл. '«шуба с орлом»'), то судя по всему, оно позднего происхождения. Поскольку у якутов в прошлом орел считался одной из особо почитаемых птиц и культ тотемных птиц был весьма распространенным явлением, то из суеверных соображений они не могли не только их называть своими именами, но и использовать их изображения каким-либо образом. У А.А. Саввина имеется целый цикл рассказов информантов об обычаях «избегания», связанных с почитаемыми птицами. Например, якуты кангаласского рода, считавшие орла своим прародителем, называли его не иначе, как «тойон кыыл», «тойон айыы» (досл. «зверь-господин, господин-бог»), нахаринские, едюгейские лебедя именовали «үрүн көтөр» или «төйүгү» и т.д. [Ионов, 1913, с. 1; СЯЯ, т. 3, стб. 3530; РФ А ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 69. Л. 69, 79]. На женщин налагалось особое табу, связанное с почитаемыми птицами. Увидев пролетающих птиц над ними, женщины должны были непременно

надеть шапки [РФ А ЯНЦ СО РАН. Ф. 4, 12. Ед. хр. 7]. К духу орла – родовому тотему, обращались бездетные женщины с просьбой одарить их детьми [Там же. Ед. хр. 69. Л. 76]. При встрече с родовыми птицами мужчины должны были упасть на землю, закрыв лицо руками, а женщины обязаны были надеть безрукавку *тангалай* [Попов, 1949, с. 281]. Поэтому нам кажется, что использование табуированного названия почитаемой птицы-покровителя для женской одежды в прошлом вряд ли практиковалось, вопрос, возможно, требует дополнительного изучения.

Безусловно, эти материалы дают очень ценную информацию о бытовании тех или иных характерных видов старинной одежды для выявления их территориальных различий, общих и особенных черт у разных локальных групп якутов. Также эти данные, показывающие ареал распространения традиционных комплексов одежды, могут послужить сравнительным материалом для изучения вопросов происхождения и формирования этнолокальных различий у отдельных субэтнических групп.

Пожалуй, одной из примечательных особенностей полевых материалов А.А. Саввина является то, что при описании того или иного старинного вида одежды дается немало разных сведений, затрагивающих ее обрядовые функции и религиозную семантику. Например, весьма интересны записи о так называемых оберегах-украшениях «*саһыл тумса*» (досл. «*лисы мордочка*»). Эти универсальные обереги были необходимым атрибутом как женского, так и мужского костюма. Охотники не выбрасывали носы убитых лисиц, связку вырезанных лисьих мордочек они носили во время промысла. Считалось, что именно в носу зверька находится дух *байаная* [РФ А ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 66–69. Л. 54]. Этот почитаемый оберег также носили женщины, украсив его бисером, цветными нитками и бляшками, он служил дополнением к набедренным подвескам. Некоторые пришивали его внутри головного убора [Там же. Л. 82].

Охотники также почитали шкурку летучей мыши, называли ее *аптаах урумэччи* (досл. «*волибная бабочка*»). Считая, что она приносит удачу в промысле, пришивали шкурку под воротник, и при этом говорили: «Пусть полезна будет для промысла». Использовали ее также

при различных магических обрядах, ворожбе с целью привлечения удачи, например, картежники, пришивали ее внутрь рукава одежды [Там же. Ед. хр. 29. Л. 115; Ед. хр. 66. Л. 7; Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 97. Л. 15]. Считались особым оберегом огниво и кресало, их миниатюрные образцы женщины носили на поясе или пришивали к полам шубы. Их также пришивали к спинке детской одежды, чтобы ребенок не страдал болезнью спины [Там же. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 97]. Важным дополнением набора женских набедренных подвесок считалось миниатюрное изображение верховой лошади из серебряной пластины, фигурка имела имитированные седло и уздцы. Судя по всему, эта был своего рода талисман невестки, символизирующий богатство и знатность ее рода. Его могли носить и на поясе.

По словам А.А. Саввина, женские металлические украшения выступали как универсальные обереги, которые обладали особой знаково-стью. Их использовали в различных бытовых обрядах и обычаях, где женские украшения, как главные атрибуты, играли ключевые роли. Чтобы умиловить богиню деторождения *Айыһыт*, привешивали серебряные серьги к заячьей шкурке, олицетворяющей ее образ во время родов. Серебряный кружок от женской шапки *туоһахта* и христианский крест относились к оберегам-*ымыы*. Металлическую бляху использовали и в качестве детского оберега, повесив ее над колыбелью, полагая, что ее блеск отпугивает злых духов [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 4].

В прошлом у якутов широко бытовал обычай пришивать на одежду маленького ребенка металлические пластинки, бубенчики. Один из таких амулетов *дьайаа* пришивали на спинку детской одежды. Медная бляха по краям имела три отверстия, в середине – изображение льва. Подобные бляхи дети обычно носили с того возраста, когда они могли сидеть, и до семи лет, затем украшение снимали. Их назначение – предохранять детей от болезни спины. Иногда бляху заменяли другой металлической пластиной, называемой *киис тилэбэ* («*соболья лапка*») [Там же. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 6а. Л. 14].

В материалах дела «Одежда и украшения» значительное место занимают описания старинных видов якутских украшений. Эти записи датированы 1937–1941 гг., судя по всему сюда

вошли также материалы виллюйской и северной экспедиций. Наряду с подробными описаниями традиционных комплектов головных, наспинно-нагрудных, набедренных, наручных украшений, здесь приводятся не менее интересные их названия, многие из которых в то время были почти забыты. Материалы также содержат описания таких аксессуаров, которые дополняли женский комплект украшений: шейный ободок *хабарба симэбэ*, подвески-гривны *кылдыбы быата*, защелка для волос *ас куустарар*. Внимание заслуживает декорирование женского традиционного платья различными элементами: вышитый нагрудник *уолук симэбэ*, брошь-фибула *тиил/туорум тимэх*, наплечные вставки *сүүрэрэ*, манжеты *бэлэнник симэбэ* из вышитых шелковых деталей, отделанные металлическими бляшками и бисером [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 18. Л. 2–5].

Эти материалы, прежде всего, ценны тем, что они содержат малоизвестные сведения о роли и месте тех или иных украшений в обрядовой практике, их ритуально-магических свойствах и значениях. Весьма уникальны материалы об украшениях, которые имели сугубо религиозно-магическое назначение, таких, как амулеты и обереги. Например, детский оберег *дьай-аа*, подвески-амулеты: *саһыл тумса*, *үүс тилэбэ*, *көмүс ат*, *көмүс хатат*, налобная металлическая бляха *туоһахта*, подвески натазников невесты *кыабака симэбэ*, нагрудный крест *сүрэх*, которые А.А. Саввин относил к категории особых оберегов – «ымыы». Во многих традиционных названиях украшений собирателем отмечены некоторые территориальные различия. Например, названия разновидностей женских серег, по материалам виллюйской экспедиции, несколько отличаются от записанных другими исследователями, в частности Э.К. Пекарским, П.В. Слепцовым.

В полевых материалах имеются редкие описания технологий местного ювелирного производства (*көмүһү кутуу* (литье), *тардыы* (расковка), *ойуулуу* (орнаментация), *кыһыл*, *хара солотуу* (золочение, чернение)), названия инструментов и др. Немало сведений в них об *охсуу симэх* – нашивных штампованных бляшках различной конфигурации, которые служили важным приемом декорирования деталей верхней одежды, головного убора и обуви. А.А. Саввин

дает подробные их описания, приводит рисунки и более 10 традиционных названий. Эти названия, впервые встречающиеся в материалах П.В. Слепцова, имеют довольно интересную семантику, технология их изготовления, художественные особенности бляшек носят весьма архаичный и устойчивый характер.

В 1939 г. после работы на Виллюе А.А. Саввин в составе Северной экспедиции Института совершает не менее длительную восьмимесячную поездку по трем северным районам республики. Северная экспедиция занимает особое место в собирательской деятельности исследователя. На Севере, как и в виллюйских районах, собирается материал и по традиционной одежде. В Верхоянье, Абые и Аллаихе его внимание, несомненно, привлекает яркое своеобразие местной культуры, хранящей в себе столь неповторимое богатство северных традиций, а также характерная особенность старинной одежды северных якутов, ее ритуальное и обрядовое значение. Здесь он, как уже опытный полевик, целенаправленно собирает сравнительный материал. Описывает образцы местной одежды, делает их зарисовки, записывает интереснейшие рассказы местных жителей, связанные с происхождением и бытованием тех или иных характерных видов одежды северян. В записях экспедиции немало интересных сюжетов легенд и преданий об особенностях местной одежды, которые в какой-то степени раскрывают этногенетическое происхождение северных якутов. Например, рассказ, записанный в Верхоянском районе, где говорится, что будто бы одна девушка из рода Байды однажды столкнулась с духом оспы. Дух оспы на бляшке девушки сделала метку-письмо, сказав при этом: «И впредь не буду трогать потомков твоего рода, узнавая их по этому письму». Девушка после этого вышла замуж и уехала в другой улус, там образовался род Байды. С тех пор женщины этого рода во время вспышки эпидемии оспы на шапки пришивали бляшки *туоһахта*, чтобы болезнь по этому знаку узнавала их и не трогала. Таким образом, чтобы уберечься от оспы, байдинки и другие женщины из соседних местностей стали пришивать в свои шапки бляшки *туоһахта* либо серебряную пуговку [Саввинов, 2001, с. 111]. Там же в Суордахском наслеге был записан другой сюжет легенды о рогатой шапке. Соглас-

но этой легенде, в старину, еще до крещения, предок рода Тумат наткнулся на оспу. Оспа просит его «переправить» наледь, т.к. она там обморозила ноги. Путник говорит ей, что переправит в том случае, если она не будет трогать людей его рода. Оспа соглашается и предупреждает, что, когда она будет у них, пусть его родовичи надевают шапку с рожками из беличьих ушек, так она будет узнавать их и не будет насылать на них болезнь. На этом и договорились. С тех пор, говорят, туматцы, с целью уберечься от оспы, стали носить шапку с рожками [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 466].

Рассматривая общие и особенные черты традиционной одежды северных якутов, он обнаруживает здесь бытование в прошлом немало своеобразной архаики: головных уборов с султаном, рогатых шапок, старинной ровдужной одежды, женских шуб *тангалай* из конской шкуры и др. Носили меховые шапки из шкур головы рыси или волка с торчащими звериными ушами, глазные прорезы декорировались вставками из черных, иногда красных тканей. Женщины носили *сарыы тангалай* – летнюю одежду из ровдуги, которая по краям бортов, подола и заднего выреза имела широкую окантовку из темных коровьих шкур. Борта соединялись ровдужными вязками. Шубы, сшитые из белых жеребьих шкур, имели окантовку из темных шкур. На спинке из темных шкур делали бахрому. На тарбаганьей шубе также делали бахрому из шкур росوماхи. Женская свадебная шуба из рысьих шкур имела на спине вставку из росомашьих шкур.

В полевых записях Северной экспедиции содержатся также сведения о бытовавшем в старину у местных якутов обрядовом головном уборе (*сабах бэргэһэ*), надеваемом будто бы для обряда насылания проклятия в отместку за причиненное зло. Со слов информатора, шапка была небольшой, округлой, наподобие усеченной полусферы, покрытой сверху мехом, на тонкой подкладке, имела характерное отверстие на макушке [Там же. Ед. хр. 41].

В материалах А.А. Саввина имеются и другие записи, относящиеся к северным народам. Например, по рассказам одного из чурапчинских информаторов, жившего в свое время на Анабаре, там мужчины-долганы носили серьги. В основном носили по одной, а более состоя-

тельные по две серьги. Например, у местного богача Болдьюмаара были две золотые серьги. Кроме того, местные пожилые мужчины заплетали волосы в косы. Анабарские якуты также носили снежные очки из серебряной пластины с узкими щелями, предохраняющими глаза от снежной слепоты, они их называли «*калаччы-маан*» [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 48].

Как видно из материалов, А.А. Саввин придавал огромное значение изучению материальной культуры, понимая, что все эти полевые материалы могут послужить важным подспорьем при разработке главного вопроса – изучения неразгаданных тайн истории происхождения народа саха. Его прекрасное владение сибирским материалом по археологии и этнографии давало ему возможность все больше убеждаться в том, что якутские истоки имеют глубокую связь со степными культурами Южной Сибири и Центральной Азии. В его записных тетрадях можно найти немало выписок из трудов известных авторов, также и собственных заметок по сравнительному изучению данного вопроса в южносибирских материалах. Ему удавалось находить немало близких параллелей якутской одежды с традициями костюма сибирских тюрок.

Он живо интересуется якутской орнаментикой, приводит названия традиционных мотивов. Находит весьма близкие их сходства в южносибирских материалах, в частности, им впервые была отмечена общность характерных черт якутских мотивов и орнаментики изделий из погребений Пазырыкских курганов. Например, орнаменты, расположенные рядами по горизонтали в виде ромбов, встречающиеся на *чоронах*, чашах – *кытах* и чепраках. Он отмечает, что весьма схожий орнамент наблюдается на глиняных горшках карасукского времени Алтая. Также лировидный орнамент «*көбүөр ойуу*», наиболее распространенный на Лено-Алданском междуречье и встречаемый в украшении чепраков, верхушки женской шапки *чончуур* и т.д. Приблизительно такой же мотив, как он пишет, присутствует в орнаментации предметов хакасских *чаатас* – древних каменных захоронений в Южной Сибири. Таким образом, еще в свое время ему на основе новых данных сибирской археологии удалось обнаружить южные элементы в орнаментике якутов [Там же. Ед. хр. 1].

Изучая материалы о золотых изделиях Пазырыкских курганов Алтая, А.А. Саввин делает весьма любопытное замечание, что будто бы они изготовлены из белого золота. Он пишет, что *«якутские старинные серебряные украшения: шейные гривны, покрышки седельных луков, серьги, бляхи поясов, уздечек, подвески нагрудные... и пр., вероятно, были некогда сделаны из алтайского белого золота и имеют южное, центрально-азиатское происхождение»* [Там же. Ед. хр. 28. Л. 5].

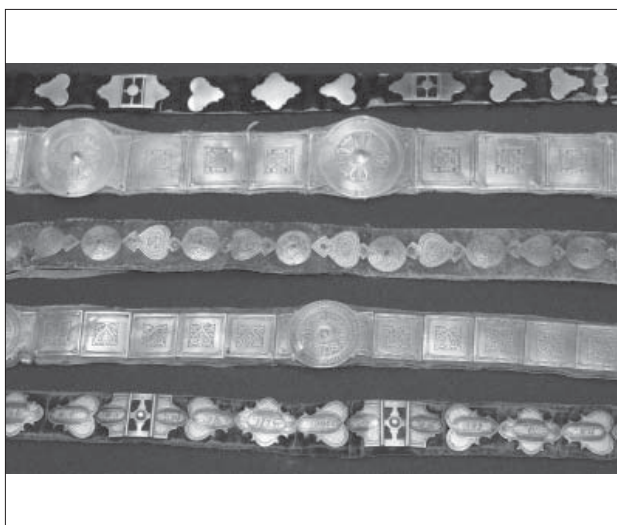
При изучении сравнительных материалов по южносибирским народам его внимание особенно привлекала культура киргизов и сойотов*, в которой он находит наиболее близкие якутские аналогии. Например, интересен языковой материал из области бытовой терминологии: *сон – тон, быһах – бычак*, огниво – *оттык*, курительная трубка – *ганза*, игольник – *инелик*, головной убор *«баштанга»* и др. Бытующее у вилюйских якутов слово *өрбөх* «материя, ткань» имеет киргизский аналог *орбох* «материя, тканая из верблюжьей шерсти» [Там же. Ед. хр. 29. Л. 42]. В тувинских материалах А.А. Саввин находит и другие схожие слова. В частности, он впервые обратил на упоминавшееся у Ф. Кона название *«баштанга»* – женской свадебной матерчатой накидки, сравнив его с весьма созвучным якутским *бастына* – также названием женского головного убора [Саввинов, 2001, с. 44]. Он приводит и другое тувинское название *тумалай* – своеобразной свадебной фаты, которая, кроме головы и плеч, закрывала часть лица невесты. Также он указывает общее между меховым покрывалом лица якутских женщин *амнах/аннах* и среднеазиатской *паранджой*, точнее, *чачван* – сеткой из черного конского волоса, закрывающей лицо. Само якутское название сближает с широко известным у тюрков-турок словом *«амник»* [Там же. Ед. хр. 53].

Работая над музейными предметами, свое внимание он обращает на графические рисунки металлических изделий: луков седел, серебряной утвари, пластин наборных поясов. В свое время им были обнаружены своеобразные

знаки на серебряной пластинке старинной конской узды из Ботурусского улуса, хранящейся в Чурапчинском музее, которые, по его предположению, представляют буквы орхоно-енисейского рунического письма [Там же. Ед. хр. 10. Л. 44–45]. В фондах музея нам без труда удалось найти эту деталь конской упряжи, хотя сотрудники о наличии на ней этой загадочной надписи не знали, и предмет, видимо, еще не попадал в поле зрения специалистов. Старинная кожаная уздечка с роскошно обложенными орнаментированными серебряными пластинами имеет хорошую сохранность. Судя по всему, предмет был изготовлен в 1880 г., поскольку эта дата, наряду с монограммой «СПК», изображена на одной из пластин. Экспонат в коллекции музея числится с 1928 г. под инвентарным номером КП.522/1-3. На одной незаметной пластине находим ту самую надпись, действительно весьма напоминающую руноподобное письмо. Надеемся, что эта малоизвестная старинная надпись привлечет интерес специалистов.

В фондах Чурапчинского краеведческого музея коллекция традиционной одежды и украшений представлена достаточно богато. Как известно, при А.А. Саввине музей получил самостоятельный статус, и он был его первым директором. Еще до назначения на эту должность А.А. Саввин живо интересовался музейным делом. В районной газете «Сана олох» он часто выступал со статьями и заметками о значении памятников старины, о необходимости создания музея, собирательской деятельности и хранения коллекций. За столь короткий период своей работы в музее он сумел многое сделать, прежде всего, была налажена собирательская деятельность. Благодаря его стараниям, в музее собрана хорошая этнографическая коллекция. Об этом направлении деятельности музея А.А. Саввин писал так: *«... при составлении плана сбора учтены специфические условия местного района. В прошлом веке (XIX в.) здесь в значительной степени были развиты различные виды ремесла. Производство изделий из железа, меди, серебра, золота, дерева кости имело довольно широкий размах. Ювелирное ис-*

* Сойоты – потомки саянских самодийцев, впоследствии подвергшиеся тюркизации со стороны тувинцев-урянхайцев, позже перешедшие на бурятский язык. В настоящее время – коренное население Окинского района Республики Бурятия.

Коллекция якутских наборных поясов второй пол. XIX – нач. XX в.

Эвенский женский кафтан. Ровдуга, мех, ткань, бисерная вышивка. Инв. № ЧКМ 331/То-29. Фото автора

кустство, керамика, одежда, расшитая серебром и бисером, церковная живопись, представленные работами самих якутских художников-иконописцев, находились на высоком уровне развития...» [Архив ЧМИИЭ, б/н].

Как видно из архивных материалов, с самого начала формирования этнографических коллекций особое внимание было уделено предметам традиционной одежды и украшений [Чурапчинский улус..., 2005, с. 354]. Работа по сбору музейных предметов впервые была поставлена на научную основу, каждое новое поступление тщательно документировалось, записывались не только имена дарителей экспонатов и дата их приобретения, но и, по мере возможности, легенда о каждом из предметов. В сохранившихся старых инвентарных книгах музея немало записей, составленных А.А. Саввиным как собирателем. Среди новых поступлений старинная одежда и украшения, переданные в дар музею местными жителями, составляли особую коллекцию. Фонды музея пополнились уникальными изделиями старых мастеров ювелирного дела. Благодаря данному собранию музею удалось восстановить немало забытых имен мастеров-серебряников прошлого. Одним из первых крупных поступлений старинных украшений является серебряный мужской пояс *харах комус кур* работы яркого представителя ботурусских мастеров И.П. Захарова, датированный 1854 г. На кованых пластинах пояса имеется надпись

«Иван Захаровъ зделал». Об уровне его мастерства свидетельствует качество работы, выполненной в искусном сочетании различных технических приемов с использованием весьма сложных, таких, как чернение и позолота (ЧМИИЭ, колл. № КП. 815). Другое не менее интересное поступление этого периода – неполный набор наспинных подвесок *кэлин кэбиһэр*, выполненный неизвестным мастером, состоящий из трех длинных ажурных полос со вставками из цветного стекла (ЧМИИЭ, колл. № КП. 545/а, б, в). В 1950 г. музей принимает новое поступление – это часть женского украшения, состоящая из широких полос мелких ажурных литых бляшек, на верхней детали выгравирована дата «1885 г.». Предмет был оценен в 300 руб. В акте приема экспоната от 31.12.1950 г. А.А. Саввиным он был записан как нагрудное украшение *илин кэбиһэр*, однако, на наш взгляд, это скорее часть наспинного украшения *кэлин кэбиһэр*. На обороте инвентарной карточки его рукой записана следующая легенда: «Сделана якутским мастером-ювелиром Ульяной Платоновой “Уус Ылдьаана” в 1885 г. Ульяна Платонова родом из 2-го Бологурского наслега Батурусского улуса. Украшение сделано для дочери улусного головы Гурия Васильевича Попова Елизаветы Гурьевны Поповой, из Батурус. ул.» [Архив ЧМИИЭ, б/н]. В музее хранится другая работа этого мастера, также, видимо, часть наспинного украшения. На верхней пластинке, как и на первом

украшении, имеется дата и монограмма «1887Го ЕП», судя по всему она была сделана для той же Елизаветы Поповой (колл. № КП. 698/а,б). Эти роскошные изделия – творения рук серебряных дел мастера Уус Ылдьааны-Ульяны Платоновой, известной своими неповторимыми изделиями, характеризуют ее как мастера с яркой творческой манерой и разносторонним талантом.

За неполные четыре года работы А.А. Саввина директором музея коллекция одежды и украшений, как видно из старых инвентарных книг, каждый год пополнялась новыми поступлениями. Следует отметить, что большинство из этих многочисленных изделий: серьги с подвесками, косоплетки, кольца-печатки, гривна с подвесками, кресты «сүрэх», нагрудно-наспинные украшения, наборные пояса, набедренные подвески, набор серебряных пуговиц, были переданы музеем в дар от жителей района. Изучение коллекций музея показывает, что поступление такого большого количества серебряных изделий было отмечено именно в период работы А.А. Саввина. Безусловно, эти богатые музейные коллекции ярко свидетельствуют о давних традициях серебряного производства на чурапчинской земле.

Говоря о местных ювелирных дел мастерах, нельзя не вспомнить Американскую (Джезуповскую Северо-Тихоокеанскую) экспедицию, работавшую здесь в 1902 г. Именно здесь экспедиция приобретает большую этнографическую коллекцию, в которой особое место занимают предметы одежды и украшений. Среди них женские шубы архаичного кроя, старинные виды женских натазников, редкий вид мужских передников – *бэлэпчи*. Особой гордостью собирателей были якутские старинные серебряные украшения. Так, собиратель В.И. Иохельсон в своем письме другу, известному антропологу Франсу Боасу, организатору экспедиции, сообщает о приобретенной им здесь богатой коллекции, состоящей из более чем 50 серебряных украшений: «Вряд ли другие зарубежные музеи имеют подобную коллекцию» [Сибирская коллекция..., 2011, с. 18, 51–58]. Нет сомнения, что эти уникальные экспонаты, хранящиеся сегодня в американском музее, представляют лучшие образцы искусства серебряных дел мастеров, с именами которых связана история традиций якутского ювелирного дела.

В материалах А.А. Саввина можно найти описания сложной технологии изготовления старинных видов одежды. В свою бытность работы в музее нам не раз приходилось сталкиваться с непростой задачей – попыткой выявить, из какого материала была сшита та или иная вещь. Например, сложно было определить, из какого же меха сделана оторочка богатой женской шубы. Только изучив материалы А.А. Саввина, стало ясно, что это был мех морского котика. В его записях читаем, что его использовали для отделки женской шапки *дьабака*. Его называли *балык*, он считался самым дорогим из мехов. У Э.К. Пекарского находим другое его название – *буотака* / *буотака балык* – морской котик, мех которого использовали для отделки задней части женской шапки, воротника, для опушки рукавиц и т.д. В словаре есть и другой вариант названия этого морского зверя – *ытыы* [СЯЯ, стб. 359, 563, 3845]. В прошлом этот мех был весьма дорогим и редким товаром, ввозимым якутскими купцами, выезжавшими на Аянскую ярмарку. Во второй половине XIX в. на Охотском побережье резко сокращается их добыча в связи с истреблением морских животных промышленниками Русско-Американской компании. Таким образом, этот мех, широко пользовавшийся в свое время большим спросом на российском рынке, имел особую популярность как ценный товар и для отделки нарядных шуб и шапок состоятельных якутов.

В наше время трудно переоценить вклад в науку Андрея Андреевича Саввина, его рукописное наследие становится сегодня тем востребованным уникальным источником, без которого немыслимо современное изучение якутской этнографии. И надо сказать, что благодаря бесценным архивным материалам собирателя сегодня делаются важные шаги по изучению и реконструкции архаических особенностей комплекса якутской одежды, этапов ее развития и этнокультурных традиций.

Литература и источники

Боло Сэһэн. Лиэнэбэ нуучча кэлиэн иннинээби саха олобо. Урукку Дьокуускай уокурук сахаларын быллыргыттан кэпсэннэринэн. – Дьокуускай, 1994. – 352 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М. и др. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Цен-

тральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1 (36). – С. 44–63.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск, 1998. – 141 с.

Ионов В.М. Орел по воззрениям якутов // Сб. МАЭ. – СПб., 1913. – Т. XVI. – С. 1–13.

Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Яна», 1994. – 407 с.

Кирьянов Н.С. Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконе (XVII–XVIII вв.) (Инди-гирка, Северо-Восточная Якутия) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1 (36). – С. 33–43; Он же. Материальная культура Вер-хоянских якутов XVIII–XIX вв.: одежда, украшения, инвентарь (по данным погребений) // Изв. Алтайск. гос. ун-та. – 2017. – № 5 (97). – С. 203–206.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII веков // Сб. науч. статей Якутского краеведче-ского музея. – Якутск, 1955. – Вып. 1. – С. 84–137.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сб. МАЭ. – Т. XI. – 1949. – С. 255–323.

Раритеты Якутии. Художественное наследие: Чу-рапчинский улус. – М., 2014. – 223 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX– начала XX века. Историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: На-ука, 2001. – 170 с.

Саха төрүт өйүн-санаатын чинчийээчи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. – Якутск, 2016, – 205 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографическо-го исследования. – М., 1993. – 713 с.

Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории. Циркумполярная цивилиза-ция в музеях мира: вчера, сегодня, завтра / авт.-сост.: З.И. Иванова-Унарова. – Якутск, 2011. – 252 с.

Словарь якутского языка / сост. Э.К. Пекарский. – Т. 1. – М., 1958. – Стб. 563.

Стрелов Е.Д. Одежда и украшение якутки в по-ловине XVIII века (По археологическим материа-лам) // СЭ. – 1937. – № 2–3. – С. 75–99.

Чурапчинский улус: история, культура, фоль-клор. – Якутск, 2005 – 437 с.

Архивные материалы

Архив ЧМИиЭ.

Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН (Ф. 4. Оп. 12. Личный фонд А.А. Саввина)

Принятые сокращения

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

РФ – Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН

СЭ – ж. Советская этнография

СЯЯ – Словарь якутского языка (сост. Э.К. Пе-карский)

ЧМИиЭ – Чурапчинский музей истории и этно-графии им. А.А. Саввина

A.I. Savvinov

A. Savvin's Ethnographic Materials: Clothing and Jewelry

The study of traditional clothing and jewelry as a unique ethno-cultural heritage of the Sakha people at the present time remains one of the urgent tasks of modern science. As you know, in the archival materials of A.A. Savvin, there are many valuable records on traditional clothing and jewelry of the Yakuts, which were collected by him during ethnographic studies in 1930-1940 in a number of Central, Vilyuisk and Northern regions of Yakutia. The article deals with the field materials of the collector on the study of archaic types of Yakut clothing and jewelry, their territorial variants and traditional names. The researcher for the first time touched upon the origin and comparative study of Yakut clothing, as well as its religious and ritual functions. As a collector and researcher, A. A. Savvin made a huge contribution to the further scientific study of the traditions of Yakut clothing and jewelry, to the formation of museum ethnographic collections.

Keywords: Sakha Ethnography, traditional clothes, jewelry, field notes, archival materials, museum collections, vocabulary, terms, materials processing, customs, rituals.

Первый опыт Якутского областного правления по внедрению кредитной кооперации в Якутии (вторая половина XIX века)

В статье раскрываются мероприятия Якутского областного правления по организации среди крестьян ссудо-сберегательных товариществ, вовлечению населения в кредитно-финансовые отношения, предпринятые во второй половине XIX в. Анализ архивных документов, включающих текущую переписку, донесения, отчеты, инструктивные письма, касающиеся вопросов развития кредитного дела в области, обсуждение положений проектов Уставов дают возможность оценить взгляды Иркутского генерал-губернаторства и областной администрации на развитие учреждений мелкого кредита в условиях Якутии. Показано, что распространение кредитного дела в Якутской области, начавшееся в 60-е гг. XIX в., имело свои особенности, связанные с отдаленностью и малодоступностью территории. Сделан вывод о том, что социально-экономические условия, сложившиеся в Якутской области во второй половине XIX в., неразвитость рыночных, денежно-финансовых отношений еще не могли предоставить крестьянам практической возможности для организации полноценных кооперативных организаций.

Ключевые слова: мелкий кредит, вспомогательная касса, ссудная касса, ссудо-сберегательное товарищество.

Реформы второй половины XIX в. оказали огромное влияние на развитие кредитных отношений в экономике России. В этот период постепенно увеличивалась численность кредитных учреждений, повышалась доступность кредитов для простых граждан и их объединений. Усилиями царского правительства ссудные и кредитные отношения получили распространение и в Сибири. Мелкое кредитование постепенно входило в повседневную жизнь сибирских крестьян и инородцев, способствуя развитию хлебопашества и торговли, появлению ремесел и промыслов. Решающее значение для внедрения в хозяйственную жизнь ссудных и кредитных отношений имела активная деятельность Иркутского генерал-губернаторства, направленная на организацию учреждений мелкого кредита в губернии.

В Якутской области XIX в. ссудные и кредитные операции получили довольно широкое распространение среди крестьян, благодаря финансовым операциям, связанным с деятельностью хлебозапасных общественных магазинов. В 60-е гг. XIX в. в Якутии стали создаваться учреждения мелкого кредита в форме вспомогательных касс. Первые из них были образованы

при сельских крестьянских обществах Олекминского округа. Официальное разрешение на открытие вспомогательных касс было дано 25 ноября 1866 г. Главным управлением Восточной Сибири. В правовом отношении деятельность вспомогательных касс Олекминского округа регулировалась Положениями о вспомогательных и сберегательных кассах государственных крестьян, утвержденными Министерством государственных имуществ 7 марта 1840 г. В соответствии с требованиями Положений, ссудный капитал вспомогательных касс составлялся из средств, вырученных от продажи хлеба, выращенного на общественных запашках крестьян, а также из благотворительных пожертвований частных лиц [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 6353. Л. 13об.; Д. 13436. Л. 32, 34; Оп. 2. Д. 541. Л. 53об.].

Новый толчок в развитии учреждений мелкого кредита был связан с распространением кооперативного движения и берет начало с деятельности кредитных и сельскохозяйственных кооперативов середины 60-х гг. XIX в. В России они начали создаваться по инициативе либерально настроенных представителей дворян. В 1865 г. под руководством В.Ф. и С.Ф. Лугиных был основан первый в стране сельский кредитный

кооператив в с. Дароватове Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии. В 1865–1866 гг. начали свою деятельность Петербургское, Псковское, Харьковское, Рижское и Ревельское потребительские общества. В связи с благоприятными социально-экономическими условиями, сложившимися после отмены крепостного права, кооперативное движение постепенно внедрялось в хозяйственную жизнь страны [Файн, 2002, с. 125; Корелин, 2009, с. 26]. Обратив внимание на большие перспективы развития кредитной кооперации для экономики страны, в начале 70-х гг. XIX в. царское правительство развернуло работу по распространению в России идей кооперации. На этой волне появились первые кооперативные товарищества на востоке страны. Так, в 1871 г. были образованы ссудо-сберегательные товарищества в Пермской, в 1873 г. – в Тобольской губерниях [Пьянков, 2015; Вычугжанин, 2011].

Весной 1872 г. на имя губернатора Якутской области поступила направленная Главным управлением Восточной Сибири копия предписания министра финансов России № 1944 от 28 февраля 1872 г. В ней сообщалось о необходимости создания на местах народных, всесословных кредитных учреждений по типу первого ссудного товарищества, созданного в 1865 г. в с. Рождественское Костромской губернии. К предписанию, поступившему в Якутское областное правление, прилагался примерный устав ссудо-сберегательного товарищества, в котором была подробно определена его цель. Согласно примерному Уставу, товарищество в своей деятельности, во-первых, предусматривало содействие своим членам в получении процентов на сберегаемые суммы; во-вторых, позволяло занимать необходимые им деньги на возможно менее обременительных условиях. В документе было заявлено о том, что каждому жителю, без различия сословий, предоставлялось право вступления в члены товарищества. Членами товарищества могли стать другие товарищества, артели, женщины. Условием для включения в состав ссудо-сберегательного товарищества являлось изъявление согласия большинством голосов членов Поверочного совета товарищества «по закрытой баллотировке шарами» [НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 6]. Товарищество имело право принимать вклады у

населения, выдавать деньги в ссуду и заключать договора займа. Ссуды могли быть выданы на сроки не свыше шести месяцев. Каждое вступающее в члены товарищества лицо, иные товарищества, артель обязывались внести на свое имя пай в размере от 60 коп. до 50 руб. Обратный капитал товарищества составлялся из взносов по паям, вкладов, из ссуды (в случае, если таковая была дана товариществу при учреждении), из занятых товариществом сумм, а также запасного капитала [Там же. Л. 6–23 об.].

Несмотря на большую работу, проведенную Якутским областным правлением в течение 1872–1876 гг., население области не поддержало инициативу властей по организации ссудо-сберегательных товариществ. В условиях Якутии 70-х гг. XIX в. крестьяне области еще не были готовы к образованию кооперативов. В результате широкого обсуждения вопросов организации кредитных товариществ население высказало мнение о возможности создания учреждений мелкого кредита лишь в форме государственных ссудо-сберегательных касс, как более известных и понятных крестьянам. Поэтому во второй половине XIX в. в Якутской области получили распространение лишь сословно-общественные учреждения мелкого кредита: вспомогательно-сберегательные кассы, ссудная касса якутов и ссудо-сберегательные кассы. Сельские кредитные кооперативы в Якутской области появились только в начале XX в.

Тем не менее первый, хоть и не удавшийся, опыт распространения кооперации в Якутии позволил администрации реально оценить существующие проблемы как в распространении кредитных отношений, так и в целом в определении уровня социально-экономических отношений в крае. Результатом работы, развернувшейся в начале 1870-х гг. по вопросам организации кредитных учреждений, заметно активизировалась деятельность Иркутского генерал-губернаторства по развитию учреждений мелкого кредита. Так, в донесении из Иркутска, поступившем 29 февраля 1876 г. якутскому окружному исправнику, сообщалось о том, что господин генерал-губернатор, в соответствии с циркулярным предписанием министра внутренних дел от 13 марта 1875 г., признает необходимость иметь полные сведения об оборотах существующих

ссудо-сберегательных касс и просит сделать распоряжение, чтобы ежегодно, при предоставлении кассами отчетов в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, копии с них одновременно предоставлялись и ему [Там же. Д. 2681. Л. 1–1об.].

Администрация Якутской области, видя бедственное положение местного населения, постепенно приходило к пониманию того, что в условиях Якутии «учреждение ссудных касс в наслеге, на местах кочевых инородцев, в их стойбищах, столь необходимо, что осуществление этого благоначинания неотложно» [Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 13436. Л. 9, 48]. В 1886 г. иркутский генерал-губернатор сообщал якутскому губернатору о том, что, ввиду тяжелых условий кредита у частных лиц, устройство кредитных учреждений для сельского населения представляет предмет особой заботы правительства. Работу по созданию сети ссудных касс для инородцев Якутской области возглавил якутский губернатор В.Н. Скрыпицын. По его инициативе, в 1895 г. был подготовлен проект Устава ссудных касс Якутской области.

Осенью 1895 г. Якутское областное управление направило проект Устава ссудных касс на рассмотрение и утверждение иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину. В 1899 г. проект был возвращен на доработку. В сопроводительном письме генерал-губернатора указывалось на «необходимость более правильной организации сельскохозяйственного кредита» и предлагалось разработать новый проект устава. При этом обязательным условием для создания нового проекта являлся учет требований «Положения об учреждениях мелкого кредита» от 1 июня 1895 г., определившего основную задачу учреждений мелкого кредита следующим образом: помощь малоимущим слоям деревни, поднятие среднего уровня крестьянских хозяйств и повышение общей платежеспособности деревни. Положение закрепило общие черты и организационные принципы единой системы учреждений мелкого кредита России. Согласно ему, выделялись три основных вида кредитных учреждений: 1) кредитные товарищества; 2) ссудо-сберегательные

товарищества и кассы; 3) сельские волостные или станичные банки и кассы. Положение не распространилось на вспомогательные и сберегательные кассы, сельские банки и другие, крестьянские сословно-общественные учреждения, состав и устройство которых определялись старыми законами и уставами [Там же. Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 541. Л. 9, 22]. В связи с новыми требованиями, Иркутское генерал-губернаторство настаивало на том, чтобы областная администрация Якутии при разработке внутренних положений постаралась учесть процесс изменения правовой базы образования учреждений мелкого кредита в стране.

Таким образом, организационная деятельность по развитию учреждений мелкого кредита в Якутской области развернулась во второй половине XIX в. по инициативе и при непосредственном, заинтересованном участии Иркутского генерал-губернаторства и Якутского областного управления. В этот период были заложены основы для развития в Якутии системы мелкого кредита и сделаны первые практические шаги в деле вовлечения населения в кредитно-денежные, рыночные отношения.

Литература и источники

Вычужжанин А.Л. Краткий курс кредитной кооперации на примере Тобольской губернии (1873–1918 гг.) // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2. – С. 128–135.

Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009. – 391 с.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 6353; Д. 13436; Оп. 2. Д. 541; Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555; Д. 2681; Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 13436; Д. 541.

Пьянков С.А. Создание и функционирование сельских учреждений мелкого кредита на Урале в конце XIX – начале XX века (на материалах Пермской губернии) // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2015. – № 24 (379). – С. 38–49.

Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. – 600 с.

N.I. Burnasheva

The First Experience of the Yakut Regional Government on the Introduction of Credit Cooperation in Yakutia (the Second Half of the XIX Century)

The article describes the activities of the Yakut regional government on the organization of savings and loan partnerships among peasants, the involvement of the population in credit and financial relations, undertaken in the second half of the XIX century. The analysis of archival documents, including the current correspondence, reports, instructive letters concerning the development of credit system in the region, discussion of the provisions of the project of Statutes provide an opportunity to assess the views of the Irkutsk Governor-General and the regional administration on the development of small credit institutions in Yakutia. It is shown that the spread of credit business in the Yakut region, which began in the 60s of the XIX century, had its own characteristics associated with the remoteness and inaccessibility of the territory. It was concluded that the socio-economic conditions prevailing in the Yakut region in the second half of the XIX century, the underdevelopment of market, monetary and financial relations could not provide farmers with practical opportunities for the organization of full-fledged cooperative organizations.

Keywords: small credit, auxiliary cash desk, loan office, savings and loan partnership.

Жумакул Абсеметова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.005

УДК 94(574)"192"

Обвинение казахской интеллигенции в национализме в 20-е годы XX века: причины и последствия

В статье рассматриваются сложный период строительства советской власти на окраинах бывшей Российской империи; причины возникновения обвинения в национализме казахских партийных и советских работников, что впоследствии явилось одним из оснований для политики массовых репрессий 1937–1938 гг.

Массовые репрессии под руководством партии большевиков начались с обвинения представителей казахской интеллигенции в национализме фактически с момента установления советской власти на территории Казахстана.

Казахи в период казачьей и крестьянской колонизации потеряли огромные пастбища. Советская власть вернула эти земли казахам. Однако при формировании казахской территориальной автономии, впоследствии национально-территориального размежевания среднеазиатских республик территориальные границы этих республик советская власть определяла волевым методом. Это и вызвало протест казахских партийных и советских работников.

На основе архивных материалов, автор рассматривает процесс возникновения обвинения казахской интеллигенции в национализме.

Ключевые слова: казахская государственность, интеллигенция, национализм, великодержавный шовинизм, размежевание, партийный, президиум, постановление.

© Ж. Абсеметова, 2018

Когда мы говорим о массовых репрессиях в отношении казахской интеллигенции в 1937–1938 гг. и далее, то надо обратить внимание на тот факт, что эти репрессии не возникли на пустом месте. Им предшествовали обвинения разного характера на различных этапах строительства и укрепления советской власти на территории Казахстана, в частности, в национализме, «национал-уклонизме», групповщине типа «мендешовщина», «ходжановщина», «садвакасовщина», «рыскуловщина» и др., а также в шпионаже, космополитизме и т.д.

Нам предстоит выяснить, когда и при каких обстоятельствах зародилось обвинение в национализме представителей казахской интеллигенции, то есть казахских партийных и советских работников.

Проблема формирования казахской государственности в начале XX в., естественно, волновала первым делом самих казахов. Этот процесс проходил в очень сложных условиях, в основном это было связано с земельным вопросом. До октябрьского периода в Казахстане все земли казахского населения считались российской государственной собственностью. Из землепользования казахского населения изымались не только земли, пригодные для хлебопашества, но и пастбищные угодья. Все они были распределены между переселенцами-крестьянами. Кроме этого колониальное государство обеспечивало земель и казачьи войска. Поэтому крестьянская и казачья колонизация являлись основной причиной эскалации земельных противоречий в Казахстане.

Главной задачей и партийных, и советских органов Казахстана в этот период было объединение казахских земель в единую казахскую автономию. Но надо отметить, что не всегда партийные органы являлись исполнителями этих задач. Особенно на данном этапе, где ярко проявился великодержавный шовинизм некоторых большевистских кадров. Например, 23 июля 1921 г. на заседании Президиума Киробкома был рассмотрен вопрос о неправильных действиях Уральского губернского комитета РКП (б), выразившихся в том, что ими был поднят вопрос об отделении Уральской губернии от КАССР (II губпартконференция, май 1920 г.). Принимается постановление об отзыве из Уральска в распоряжение Киробкома членов

губкома Стародубцева, Кулакова, Егорова, а также о вызове секретаря Уральского губкома Карасева с докладом в обком [АПРК. Ф. 139. Д. 13а. Л. 38].

Протокол заседания Президиума Киробкома от 15 августа 1921 г. показывает, что доклад секретаря Уральского губкома РКП (б) Карасева был заслушан. Однако принятые по докладу решения свидетельствуют, что характер доклада был абсолютно в ином аспекте. Они касались вопросов об усилении помощи голодающим, а также дополнений в комиссию по очистке партии [Там же. Л. 44].

Основной вопрос о линии поведения Уральского губкома (хотя было известно о том, что 16 августа прибывшие из Уральска уезжают) на этом заседании не был заслушан. Карасев заявил, что он подробного доклада не сделает, так как сделал его секретарю обкома Костелевской. Самое главное в этом было то, что на 16 августа было назначено заседание Президиума для заслушивания только лишь объяснения секретаря Уральского губкома Карасева [Там же. Л. 45].

Секретарь Казобкома М. Мурзагалиев к протоколу заседания Президиума от 15 августа внес протест: «Вопрос о выделении казачьей территории Уральской губернии, который поставлен Уральским губкомом, и признание за казачьим населением всех особых прав (исключительное право на улов рыбы на Урале, непризнание декрета КЦИК о левом берегу реки Урала и т.д.), считаю глубоко важным и принципиальным. На сегодняшнее заседание я попал случайно, вызван на заседание комиссии помощи голодающим, что Костелевская старалась этот вопрос замять в Президиуме, считая, что он уже разрешен. Это лишний раз доказывает отсутствие желания коллективной работы и тенденции: все делать от своего имени и за спиной Президиума от имени его» [Там же. Л. 45–46].

Но и 16 августа при заслушивании объяснения секретаря Уральского губкома Карасева решение губкома не получило резкого осуждения на Президиуме. Было принято лишь постановление об отклонении этого решения и об отзыве секретаря Карасева в распоряжение Киробкома [Там же. Л. 47].

Об этом Мустафа Шокай писал так: «Я мог бы рассказать и провести неопровержимые доказательства того, как ...всесильная российская

коммунистическая партия, как сам всесильный “пророк” и отец – покровитель всех угнетенных Ленин, прикрывали своим авторитетом московских колонизаторов в Туркестане, даже тогда, когда эти колонизаторы отказывались подчиниться прямому требованию московского центра...». Далее он приводил выписку из постановления ЦК РКП от 29 июня 1920 г., где говорится следующее: «Отношение между пришлым европейским населением и коренными народами (Туркестана) за два с половиной года Советской власти, находившейся в руках тонкой прослойки русских рабочих, зараженных колонизаторской психологией, не только не изменились к лучшему. Но еще более обострились, благодаря своеобразным “коммунистическим” действиям, рассматриваемым поработанным коренным населением, как продолжение действий агентов старой царской власти и по существу являющихся таковыми» [Шокай, 1993, с. 34–35].

Однако указанное в постановлении положение имело силу не только в начале 20-х гг. XX в. но и в последующий период. Ярким примером такого подхода к проблеме государственности национальных окраин является обсуждение на XII съезде РКП (б) национального вопроса. На съезде, в отличие от сталинской постановки вопроса, для большинства главным элементом независимости было четкое разграничение сфер ведения Союза и местного самоуправления на всех уровнях. Все упиралось в различное понимание идеи государственного единства.

Одни, во главе со Сталиным, видели эту единую государственность в федеральной автономии, обеспечивающей нерушимость унитарного государства, другие – в федерализме, через свободное и самостоятельное развитие его субъектов. И это второе направление Сталиным было охарактеризовано как «национализм оборонительный, превращающийся в наступательный». Здесь же член коллегии Наркома по делам национальностей М. Султан-Галиев заметил, что борьба с национализмом должна быть непременно конкретизирована с указанием на то, «с чем мы должны бороться. ...Если местный национализм есть проявление борьбы против ... великодержавного шовинизма, это не национализм, а это просто борьба с проявлением великодержавного шовинизма» [XII съезд РКП (б)..., 1968, с. 383].

Именно в вопросах формирования казахской государственности большевики проявили «великодержавный шовинизм», формируя автономию на советской основе, не учитывая ни общественное, ни социально-экономическое развитие края, особенности края.

Решение XII съезда было воспринято национальными работниками края как директива к изменению сложившегося положения. Однако, как показывают архивные материалы, большевистское руководство края по собственному видению принимало решение съезда. В строго секретном письме секретаря Казобкома в ЦК ВКП (б) отмечалось, что «казахскими работниками решение XII съезда партии в национальном вопросе совершенно неправильно понято», что они это решение поняли так, что теперь являются полными хозяевами автономной республики, поэтому должны «действовать по своему усмотрению, не считаясь с ответственными на этот счет органами». Далее указывалось, что «реагирование Киробкома на подобные действия его членов имело целью призвания к порядку зарапортовавшихся товарищей и на будущее предупредить их от повторных выступлений» [АПКР. Ф. 141. Д. 153. Л. 13]. Как мы видим, в своем письме секретарь Казобкома осуждает казахских партийных работников за то, что они восприняли решение съезда, как правильную постановку национального вопроса в отношении казахского народа.

В период национального размежевания среднеазиатских республик вопросы территориальной целостности и единства казахского народа опять стали волновать казахских работников. В особенности их сопротивление вызвало постановление Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б), где были утверждены границы Узбекистана и Казахстана. По этому постановлению члены территориальной комиссии С. Мендешев, С. Ходжа-нов, С. Ескараев, А. Алибеков, А. Сергазиев выразили особое мнение. Они считали, что осевших земледельческих казахов относить к узбекам неправильно. «Этим решением в корне нарушается принцип национального размежевания, ибо этим актом наиболее культурная и экономически устойчивая часть казахов искусственно отделяется от остальной части казахского населения Ташкентского уезда. Мы счита-

ем, что для казахов, еще находящихся в периоде национального формирования, с неустойчивым хозяйственным бытом отрыв от наиболее культурной оседлой части является существенным ударом, не дающим возможности дальнейшего развития и создания сколько-нибудь крепкого государственного ядра культурной территории» [РГАСПИ. Д. 138. Л. 16].

Казахские работники не ограничились этим. На заседании бюро Крайкома, обсуждая резолюцию к тезисам доклада на V конференции по вопросу «Итоги размежевания и ближайшие перспективы развития Казахстана», они внесли предложение о том, что в целях постановки партийной, советской и культурно-просветительной работы целесообразно выделить казахского населения Ташкентского уезда в особую административную единицу с непосредственным подчинением Ташоблисполкому [АПРК. Ф. 141. Д. 61. Л. 231].

Как следует из вышеизложенного, при формировании казахской государственности советская власть, возвращая казахам исконные земли, решала эти вопросы административными, волевыми методами. Особенно это касалось деятельности Среднеазиатского бюро. Этот партийный орган был контролирующим органом Центра в этом регионе. Он в основном действовал по указке ЦК РКП (б). Такие волевые решения Среднеазиатского бюро по вопросу размежевания обострили межнациональные отношения. О сложившемся в крае положении Ходжанов информировал ЦК РКП (б), Сталина. В телеграмме С. Ходжанов просил дать указание Среднеазиатскому бюро, чтобы оно прекратило печатную и устную травлю казахских, каракалпакских работников через уполномоченных со стороны узбеков. Далее он настаивал сделать Среднеазиатское бюро нейтральным в вопросах размежевания [Там же. Ф. 139. Д. 12136. Л. 23].

Однако, как показывает архивные материалы, процесс формирования и становления казахской государственности не ограничился этими трудностями. Особенно обострились взаимоотношения между казахскими и европейскими работниками по вопросу землеустройства. Утвердилось мнение о «насилии местных органов власти и местного населения над пришлыми». Такое положение создалось после решения V партийной конференции о первостепенном

обеспечении земель представителей казахского населения.

О сложностях по этому вопросу, о деятельности некоторых представителей земельных органов края, а также о деятельности административной комиссии во ВЦИКе С. Асфендиаров пишет Сталину и секретарю ВЦИК, Киселеву [РГАСПИ. Ф. 1235. Д. 127. Л. 5]. В письме он, что указывает пришлые элементы, которые недовольны были новой формой землеустройства, жаловались именно в Москву и «имели» там во ВЦИКе своих «доброжелателей», которые в пылу борьбы с местными казахскими работниками допустили «много необдуманных шагов», таких, как советы казакам «больше подавать жалоб, особенно по земельному вопросу» [Там же].

Советская власть свою политику проводила через кадры, которые направлялись по партийной линии. Однако частые переброски кадров не только не создавали условий для изучения особенностей того или иного региона, но благоприятствовали усилению пренебрежительного отношения к нуждам и потребностям населения.

Это ярко характеризует отношение большевиков к политике коренизации. Они считали эту политику орудием укрепления национальной советской государственности, а не методом решения национальной политики партии в крае. Поэтому они не стремились обеспечить самостоятельность в решении насущных вопросов советских органов, а во что бы то ни стало установить контроль за деятельностью казахских кадров. Это исходило не только от краевой партийной организации, но и было директивой Центра, который через кадры, присланные из Центра, осуществлял этот контроль. Однако это не всегда получалось сделать надлежащим образом. Например, Казкрайком жаловался на то, что «аппарат, говорящий на русском языке, почти бессилён контролировать действие своих сотрудников из казахов» [АПРК. Ф. 141. Д. 506. Л. 24].

Ярким примером такой кадровой политики является деятельность Максима Кировича Аммосова, советского государственного и партийного деятеля, активного участника борьбы за установление советской власти, уроженца Якутской области. Он с 1917 по 1928 г. работал в Якутии, затем его направили в ЦК ВКП (б) и вместо того, чтобы использовать его опыт рабо-

ты на месте, направили в Казахстан. В марте-мае 1932 г. он работает первым секретарем Оргбюро Казкрайкома ВКП (б) по Западно-Казахстанской области; с июня 1932 г. по март 1937 г. – первым секретарем Западно-Казахстанского, Карагандинского и Северо-Казахстанского областных комитетов ВКП (б). Северо-Казахстанская область была образована 29 июля 1936 г. из части Карагандинской области. Данные биографии М.К. Аммосова говорят о том, что он владел свободно казахским языком, однако такой короткий период работы, на наш взгляд, не позволил ему полностью реализоваться на месте. С другой стороны, работник с таким опытом работы принес бы больше пользы у себя на Родине. Он был вовлечен в орбиту актуальных вопросов, рассматриваемых в регионе, что и позволило впоследствии обвинить его в «буржуазном-национализме» [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/63484>: дата обращения: 24 апреля 2018 г.].

После детального изучения архивных материалов, мы пришли к следующему выводу. Все вопросы, рассмотренные на заре советской власти, так или иначе затрагивали интересы казахского народа. Казахские партийные и советские

работники высказывали свое мнение по рассматриваемым вопросам, защищая интересы казахского народа. Это и послужило для большевистской власти поводом обвинить их в национализме. Когда наступило время массовой репрессии, большевики под лозунгом врагов народа припомнили эти «грехи» представителям не только казахской национальной интеллигенции, но и других народов СССР.

Источники и литература

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/63484> (дата обращения: 24 апреля 2018 г.).

АПРК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1213б; Ф. 141. Оп. 1. Д. 153; Д. 61; Д. 506.

Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 139. Оп. 1. Д. 13а.

ХII съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. – М., 1968.

Шокай Мустафа. Туркестан под властью Советов. – Астана, 1993. – 125 с.

Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 1235. Оп. 140. Д. 138; Д. 127.

Zhumakul Absemetova

The Accusation of the Kazakh Intelligentsia in Nationalism in the 1920 s: Causes and Consequences

The article deals with a difficult period of the construction of Soviet power on the outskirts of the former Russian Empire. In the work the author considers the reasons for the accusation of nationalism of Kazakh party and Soviet workers, which subsequently became one of the bases of the policy of mass repressions of 1937-38.

Before the policy of mass repression, carried out by the Soviet government under the leadership of the Bolshevik Party, began with the accusation of representatives of the Kazakh intelligentsia in nationalism.

This accusation against the Kazakh intelligentsia began almost from the moment of the establishment of Soviet power in the territory of Kazakhstan.

These allegations were caused by links with the protection of representatives of the Kazakh intelligentsia of the interests of the indigenous population.

The Kazakhs lost a huge pasture in the period of Cossack and peasant colonization. The Soviet government returned these lands to the Kazakhs.

However, in the formation of the Kazakh territorial autonomy, following the national-territorial delimitation of the Central Asian republics, the Soviet authorities defined the territorial boundaries of these republics as a willful method. This provoked a protest from Kazakh partisans and Soviet workers.

Based on archival materials, in the context of these issues, the author examines the process of the accusation of the Kazakh intelligentsia in nationalism.

Keywords: Kazakh statehood, intelligentsia, nationalism, great-power chauvinism, division, party, presidium, resolution.

Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): практика и проблемы*

Проблемы взаимоотношений, возникающих в ходе промышленного освоения между промышленными компаниями и местными сообществами, всегда находились в центре внимания исследователей. Известен советский опыт освоения Арктики, когда был создан фундамент для ускоренного социально-экономического развития районов проживания коренных народов Севера. Новый период освоения арктических и северных территорий, к сожалению, демонстрирует нарастающий объем негативных проявлений такого взаимодействия.

Одним из механизмов решения подобных проблем является проведение этнологической экспертизы, которая выступает инструментом обеспечения прав народов Севера на сохранение традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности, гарантированное им федеральным законодательством. В Республике Саха (Якутия) накоплен достаточный опыт по определению ущерба, наносимого традиционному образу жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в результате промышленного освоения территорий их проживания.

Практика проведения этнологической экспертизы наряду с позитивными примерами взаимодействия компаний-недропользователей и местных сообществ народов Севера показала наличие многих проблемных моментов. Это несовершенство методики исчисления ущерба, наносимого традиционному образу жизни КМНС, отсутствие федерального закона об этнологической экспертизе, что влияет на соблюдение обязательности её проведения.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, традиционный образ жизни, промышленное освоение, этнологическая экспертиза, взаимодействие, промышленные компании, мониторинг, методика расчета убытков, Республика Саха (Якутия), Арктика.

Арктика, где в настоящее время идет достаточно интенсивное промышленное освоение, представляет собой один из основных ареалов расселения коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), сохраняющих уникальный традиционный образ жизни и традиционные способы хозяйствования. В Республике Саха (Якутия), по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность КМНС составляла 39,9 тыс. человек, которые были расселены в основном в 21 муниципальном районе, в 70 населенных пунктах, имеющих статус мест компактного проживания КМНС. Удельный вес КМНС составляет около 4% в общей численности жителей Якутии; во многом

это связано с демографическими проблемами этноса, особенно с более высокой смертностью населения в северных и арктических районах республики [Мостахова, 2015, с. 67].

Освоение природных ресурсов всегда приводит к изменению традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера. Интенсивно сокращается и усиливается деградация оленьих пастбищ; происходит загрязнение водоемов и воздушного пространства, нарушение почвенного покрова; изменяется среда обитания животных, обедняется их видовой состав, сокращается численность [Пахомов, Мостахова, 2014, с. 39]. Подобная ситуация актуализирует дальнейшее совер-

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ №17-02-00619 «Сравнительный анализ источников формирования доходов и проблема бедности в традиционных общинах северных регионов России, США и Канады».

шенствование механизмов защиты традиционного образа жизни КМНС, одним из элементов которого выступает этнологическая экспертиза.

В качестве материалов для исследования послужили информационные данные, характеризующие проведение и организацию этнологической экспертизы в Якутии, в том числе материалы Министерства по развитию институтов гражданского общества РС (Я). На основе изучения научных публикаций дана характеристика сущности этнологической экспертизы в республике, обосновано ее отличие от экспертиз в других регионах.

Как отмечают исследователи, «набирающий высокие темпы процесс промышленного освоения обусловил противоречие между техногенными и традиционными отраслями экономики в части использования природно-ресурсного потенциала, выражающееся в причинении вреда оленям пастбищам и речным экосистемам и нанесении прямого и косвенного экономического ущерба ведущим отраслям традиционного сектора хозяйства» [Логинов и др., 2017, с. 397].

Процессы промышленного освоения существенно изменяют картину локализации этносов КМНС и их традиционной хозяйственной деятельности, что выражается в сужении территорий, на которых они ведут традиционный образ жизни [Мостахова, 2016, с. 143].

Вопросы взаимоотношений с промышленными компаниями в ходе промышленного освоения выступают сегодня одними из наиболее актуальных проблем в развитии КМНС. Новый период освоения арктических и северных территорий, к сожалению, демонстрирует нарастающий объем негативных проявлений такого взаимодействия. В качестве примера можно привести ситуацию, которая наблюдалась в Республике Коми, где отсутствовало понимание между местным населением и компанией «Лукойл-Коми». Согласно опросу общественной организации «Комитет спасения Печоры», 65% местных жителей считали, что вред, наносимый нефтяной промышленностью, значительно превышает ее выгоды. Другой пример – это ситуация в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО – Югры. Местное население высказывало серьезные опасения в связи с тем, что озеро Имлор, считающееся

священным у ханты, попадало под нефтедобычу. Люди обоснованно полагали, что действия добывающей компании приведут к гибели озера. В настоящее время Министерство культуры РФ зарегистрировало Имлор как объект культурного наследия местного значения. Широко известен трагический случай с обвинением главы с. Ивановское Селемджинского района Амурской области, эвенкийского лидера Сергея Никифорова, который организовывал противостояние экспансии золото-промышленных организаций, стремящихся занять родовые оленьи пастбища и промысловые охотучастки.

Были примеры отсутствия взаимодействия между промышленниками и местным населением и в Республике Саха (Якутия). В Анабарском районе для доразведки Прончищевской нефтегазонасыщенной площади ООО «РТ-Глобальные Ресурсы» планировало сократить площадь особо охраняемой природной территории «Терпей Тумус». Другой пример противостояния наблюдался между жителями села Таас-Юрях (Мирнинский район) и компанией «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» по поводу строительства водозабора, требуемого для обеспечения пресной водой Среднеботуобинского нефтяного месторождения, лицензией на которое обладает ООО «Тас-Юрях Нефтегазодобыча», дочернее предприятие «Роснефти».

Решение проблемных вопросов во взаимоотношениях КМНС и промышленных компаний актуализирует более строгий контроль за соблюдением федерального и регионального законодательства в отношении прав КМНС.

Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» коренным малочисленным народам Российской Федерации, проживающим на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющим традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, гарантируются права на безвозмездное пользование землями различных категорий в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов; льготы по землепользованию и природопользованию для защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов; участие в

осуществлении контроля за соблюдением федерального и регионального законодательства об охране окружающей среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов, строительстве и реконструкции хозяйственных и других объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. Кроме того, федеральное законодательство наделяет КМНС такими правами, как право на возмещение убытков, причиненных в результате нанесения ущерба исконной среде их обитания хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами; право на участие в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов; а также право на получение материальных и финансовых средств, необходимых для социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и т.д.

Проведение этнологической экспертизы выступает в данном контексте механизмом осуществления прав КМНС, гарантированных федеральным законодательством.

Как правовое понятие институт этнологической экспертизы впервые был введен в практику российского законодательства в ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В данном законе этнологическая экспертиза была определена как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса». В Республике Саха (Якутия) данное понятие было закреплено отдельным Законом Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 г. 820-З № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». В совокупности с по-

рядком проведения этнологической экспертизы, утвержденной постановлением Правительства РС (Я), созданием республиканской комиссии по этнологической экспертизе, утверждением регламента проведения экспертизы это составляет организационно-правовой механизм реализации Закона РС (Я) «Об этнологической экспертизе».

В отличие от других регионов РФ, где этнологическая экспертиза представляет исключительно научные исследования, в РС (Я) сложилась несколько иная практика её проведения. Исследователи отмечают, что по сравнению с другими субъектами Российской Федерации в Республике Саха (Якутия) она является государственной этнологической экспертизой [Слепцов, 2015, с. 18].

Проведение этнологической экспертизы в современных условиях особенно актуально в связи с расширением промышленного освоения территории республики. На начало 2017 г. в распределенном фонде Республики Саха (Якутия) находилось (без общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод) 404 участка недр (лицензий) 155 недропользователей, из них – 144 недропользователя в 20 районах с присутствием коренных малочисленных народов Севера.

Среди выданных данным компаниям лицензий наибольшее число выдано в сфере добычи алмазов – 50, углеводородов – 19, железных руд – 4. Лицензионные участки определены за компаниями: АК «АЛРОСА» (Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) и Булунский районы); ОАО «Алмазы Анабара» (Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) и Оленекский эвенкийский национальный районы); ОАО «Нижне-Ленское» (Оленекский эвенкийский национальный и Булунский районы); ЗАО «Горно-металлургическая компания “Тимир”» (Алданский и Нерюнгринский районы); ООО «Нерюнгри-Металлик» (Олекминский район); ЗАО «Прогноз» (Кобяйский улус); ООО «Восток Инжиниринг» (Оленекский эвенкийский национальный район); ОАО «Сургутнефтегаз» (Олекминский район); ООО «Газпром Трансгаз Томск» (Алданский и Нерюнгринский районы); ООО «Транснефть Восток» (Алданский и Нерюнгринский районы). Также данные компании ведут свою деятельность и в других районах Ре-

Характеристика лицензионных участков в Республике Саха (Якутия)

Районы	Количество лицензионных участков	Характеристика участков
Абыйский	2	Поиски и оценка рудного золота
Алданский	47	43 – рудное и рассыпное золото, 1 – уран, 3 – самоцветы
Анабарский	13	12 – алмазы, 1 – углеводородное сырьё
Булунский	11	4 – золото, 5 – алмазы, 2 – углеводородное сырьё
Верхнеколымский	4	3 – золото, 1 – уголь
Верхоянский	22	20 – золото, 1 – серебро, 1 – углеводородное сырьё
Жиганский	2	Углеводородное сырьё
Кобяйский	6	1 – золото, 1 – серебро, 1 – благородные металлы, 3 – углеводородное сырьё
Мирнинский	13	3 – алмазы, 10 – углеводородное сырьё
Момский	10	Золото
Нерюнгринский	48	25 – золото, 2 – минеральные воды, 2 – камнесамоцветное сырьё, 13 – каменный уголь, 5 – железные руды, 1 – кварц и горный хрусталь
Нижнеколымский	1	Золото
Оймяконский	122	120 – золото, 2 – золотосурьмяные руды
Оленекский	8	6 – алмазы, 1 – чароит, 1 – редкоземельные металлы
Среднеколымский	1	Золото
Томпонский	5	4 – золото и серебро, 1 – каменный уголь
Усть-Майский	23	20 – золото, 2 – полиметаллы, 1 – углеводородное сырьё
Усть-Янский	9	8 – золото, 1 – углеводородное сырьё
Эвено-Бытантайский	1	Углеводородное сырьё

спублики Саха (Якутия), вне мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Это Мирнинский, Вилюйский, Верхневилюйский, Ленский, Нюрбинский и Сунтарский районы.

В лицензионных соглашениях пункт о содействии в области социально-экономического развития носит рекомендательный характер. Однако компании-недропользователи имеют ряд договоров о сотрудничестве с Правительством Республики Саха (Якутия) в области социально-экономического развития (пять компаний – АК «АЛРОСА, ОАО «ГМК «Тимир», ОАО «Сургутнефтегаз», ООО «Газпром Трансгаз Томск», ООО «Транснефть Восток»). Кроме того, два договора находятся в стадии согласования (ЗАО

«Прогноз» и ООО «Восток Инжиниринг»). С муниципальными образованиями Республики Саха (Якутия) заключили договоры практически все компании. Дополнительно к существующим договорам заключены отдельные или трехсторонние соглашения между родовыми общинами, наслегам и т.д. Например, ООО «Нерюнгри-Металлик» заключил договор с кочевой родовой общиной «Тяня», а ЗАО «Прогноз» – с МО «Ламыньхинский национальный наслег».

Содержание договоров о сотрудничестве в области социально-экономического развития пока еще полностью не унифицировано, однако в них присутствуют в основном такие направления, как содействие в организации профессиональной подготовки и переподготовки кадров

на предприятии из состава местного и коренного населения с целью привлечения его к работе на предприятиях недропользователя; содействие торгово-экономическим связям в реализации сельскохозяйственной продукции местного производства и народного промысла; софинансирование программ проектных и строительных работ социальных объектов; определение целевого назначения использования материальной помощи.

С момента принятия закона 820–3 № 537–IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» в республике проведено более 10 экспертиз. Общая сумма оцененных Экспертной комиссией этнологической экспертизы и утвержденных распоряжениями Правительства РС (Я) убытков, нанесенных и наносимых в будущем объединениям коренных малочисленных народов Севера РС (Я), составила почти 338 млн. рублей. Из них выплачены компенсации на общую сумму почти 65 млн. рублей. Ожидаются выплаты на сумму 243 млн. рублей. Вместе с тем от двух хозяйствующих субъектов получены отказы в выплатах на сумму почти 30 млн. рублей.

Однако, как было указано выше, лицензионных участков, на которых осуществляется та или иная хозяйственная деятельность, в т.ч. геологоразведочная, гораздо больше. Такая ситуация свидетельствует о сохранении необязательного отношения компаний-недропользователей к требованиям республиканского законодательства и соответственно к правам КМНС.

В заключениях по проведенным экспертизам отмечается, что промышленное освоение имеет как положительные, так и негативные последствия. В частности, в экспертном заключении по магистральному газопроводу «Сила Сибири» было указано, что «вероятны и определенные негативные последствия строительства газопровода. К их числу можно отнести наличие техногенного воздействия на экосистемы Олекминского, Алданского и Нерюнгринского районов, ухудшение качества водных ресурсов, используемых населением в качестве питьевой воды, появление рисков адаптационных процессов коренного населения, утрата этнического

своеобразия, трансформация шкалы традиционных ценностей в аборигенном сообществе, снижение престижа традиционной занятости в оленеводстве и промыслах Севера, возможное повышение уровня заболеваемости социально значимыми болезнями, появление медико-социальных заболеваний, обусловленных нервно-психическими и стрессовыми ситуациями. Эти риски связаны, главным образом, с судьбами коренных народов Якутии, касаются их этно-социальной адаптации к новым условиям современности» [Пахомов, Мостахова, 2016, с. 135–136].

В 2017 г. на заседании республиканской комиссии по этнологической экспертизе было рассмотрено заключение по проектной документации месторождения «Вертикальное», расположенного в Кобяйском районе. В адрес АО «Прогноз», которое осуществляет этот проект, экспертами было рекомендовано создать Комитет по корпоративной социальной ответственности с участием муниципальных образований «Кобяйский улус (район)», «Ламыньхинский национальный наслег» для определения политики социальной ответственности на территории деятельности и согласования компенсационных выплат по оценке воздействия на этнологическую среду.

Результатом проведения ряда экспертиз стало выявление некоторых проблемных вопросов в сфере организации и проведения этнологической экспертизы. В первую очередь это касается необходимости доработки и адаптации к региональным условиям Методики исчисления размера убытков, причиненных коренным малочисленным народам Севера в результате промышленного освоения территорий, разработанной еще Министерством регионального развития РФ.

Осознавая необходимость уточнения методологических вопросов исчисления ущерба, наносимого промышленным освоением местным сообществам КМНС, в республике постоянно ведется работа по совершенствованию этнологической экспертизы. Актуальные вопросы нормативного правового обеспечения и реализации действующего законодательства в области организации и проведения этнологической экспертизы поднимались как на республиканском, так и на федеральном уровнях. В частности, вопро-

сы этнологической экспертизы рассматривались на «правительственном часе» в Государственном Собрании (Ил Тумэн) РС (Я) (май 2013 г.), на Парламентских слушаниях при Государственном Собрании (Ил Тумэн) РС(Я) – «Правовое регулирование вопросов взаимодействия промышленных компаний-недропользователей и коренных малочисленных народов Севера в местах компактного проживания этих народов» (май 2015 г.), на заседании Координационного Арктического Совета при Главе Республики Саха (Якутия) – «Об обеспечении прав на исконную среду обитания, традиционный образа жизни, хозяйствование» и промыслы коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (сентябрь 2016 г.), на круглом столе комитета Государственной Думы РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока на тему «Совершенствование законодательства в сфере социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (март 2017 г.), на круглом столе Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ на тему «Законодательное обеспечение прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в области земельных отношений и допуска к возобновляемым природным ресурсам» (апрель 2017 г.), на международном семинаре-практикуме «Российское законодательство по правам коренных малочисленных народов. Практика реализации и перспективы взаимодействия» в рамках Совета Баренцева Евро-Арктического региона в г. Петрозаводск, где был представлен «Региональный опыт этнологической экспертизы промышленных проектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (май 2017 г.). Кроме того, Министерством по развитию институтов гражданского общества РС (Я) был организован новый формат диалога недропользователей и представителей общественности КМНС – переговорные площадки, который был реализован в 2017 г.

Проблемным моментом в проведении этнологической экспертизы является то, что некоторые промышленные компании игнорируют не-

обходимость исполнения региональных правовых актов, в частности по Закону РС (Я) по этнологической экспертизе. В качестве доводов приводится то, что они работают в едином федеральном правовом поле, уплачивают налоги в уровни разных бюджетов. Представляется, что подобное мнение ошибочно, так как в Российской Федерации действует единое правовое пространство. Защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей находится в совместном ведении Российской Федерации и Республики Саха (Якутия). Соответственно законы Республики Саха (Якутия), принятые по данным вопросам, имеют одинаковую силу наравне с федеральными законами на территории Республики Саха (Якутия).

Одной из целей этнологической экспертизы можно считать не только установление размеров компенсационных выплат, но и создание условий для преодоления подобного отношения компаний-недропользователей к их деятельности на территории проживания КМНС. Это представляется одним из значимых моментов в этнологической экспертизе, поскольку у компаний-недропользователей зачастую складывается «...представление (отчасти преувеличенное) о своей роли в развитии страны» (имеются в виду стандарты социальной деятельности промышленных компаний, осуществляющих деятельность в районах проживания коренных малочисленных народов [Север и северяне..., 2012, с. 24]. Этнологическая экспертиза в этом аспекте выступает не только как инструмент согласования интересов инвестора, местного населения и органов власти, но и как способ реализации социальной ответственности бизнеса на промышленной осваиваемой территории [Потравный, Баглаева, 2015, с. 44–45].

В качестве примера можно привести положительный опыт сотрудничества некоторых добывающих компаний, ведущих свою деятельность в местах компактного проживания КМНС Якутии. Отметим, в частности, установление договорных отношений муниципального образования «Тянский национальный наслег» Олёкминского района с ООО «Нерюнгри-Металлик», имеющим лицензию на разведку и добычу рудного золота на месторождении Таборное. В соглашении обозначены не только финансовая

помощь, но и подготовка кадров, трудоустройство местных жителей на предприятии, поставка сельхозпродукции для золотодобытчиков, закупка стада оленей в количестве 100 голов. В 2008 г. работой в компании было обеспечено 30 жителей сел Тяни и Куду-Кюель, в 2009 г. – 48 чел. Стоит отметить положительный опыт сотрудничества ООО «Газпром Трансгаз Томск» с КРО «Бугат» из Нерюнгринского района. Совместно с общиной согласован раздел земельного участка, принято решение о заключении соглашения о возмещении убытков, о привлечении к подрядным работам.

Таким образом, компании-недропользователи должны проводить гибкую политику в отношении коренных малочисленных народов Севера, на территории которых реализуются промышленные проекты. Одним из принципов деятельности добывающих компаний должен быть принцип социальной корпоративной ответственности, а задачей – установление партнёрских отношений, стремление найти пути минимального воздействия промышленного освоения на коренные этносы.

Важнейшим остается проведение экологического и этнологического мониторинга, включая обязательное участие в нем КМНС. При необходимости по результатам мониторинга должны приниматься корректирующие решения, которые впоследствии включаются в действующие долговременные трехсторонние соглашения.

Последний этап, связанный с завершением эксплуатации ресурсов, должен включать восстановление нарушенных природных экосистем, в т.ч. рекультивацию возвращаемых в хозяйственный оборот угодий (сельскохозяйственных, лесных, охотничьих, рыбопромысловых). Восстановлению подлежат земли, нарушенные при разработке месторождений полезных ископаемых; подразумевается, что на этих территориях должны вновь развиваться оленеводство, ведись охотничий промысел, ловиться рыба, собираться ягода. И здесь также важно участие общин: так, представители местного сообщества могут привлекаться компаниями к восстановительным и рекультивационным работам, представители общественности должны участвовать совместно с природоохранными структурами в оценке восстановления природных ландшафтов.

Анализ практики проведения этнологической экспертизы на региональном уровне позволяет сформулировать некоторые проблемы в данной области. Во-первых, отсутствие федерального закона, который регулировал бы вопросы этнологической экспертизы; отсутствие такого законодательного акта, к сожалению, в значительной мере влияет на позицию хозяйствующих субъектов. Имеются попытки игнорировать действующее региональное законодательство в части обязательности проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха Якутия. В 2017 г. Федеральным агентством по делам национальностей был подготовлен проект ФЗ по этнологической экспертизе, который совершенно не удовлетворил ни регионы, ни тем более общественность КМНС.

Во-вторых, это исполнение принятых распоряжений Правительства РС (Я). Законодательные механизмы, способные «заставить» исполнять хозяйствующие субъекты решения Правительства РС (Я), отсутствуют. Кроме этого, определенную проблематичность создает выбор исполнителя этнологической экспертизы в соответствии с требованиями ФЗ-44. В результате проведения открытого конкурса может победить участник, далекий в практическом плане от проблем КМНС. С целью избежать этого в требованиях конкурса обозначаются некоторые не стоимостные критерии, а именно: опыт участника по успешному выполнению работ сопоставимого характера и объема; квалификация трудовых ресурсов (руководителей и экспертов экспертных групп), предлагаемых для выполнения работ, оказания услуг; научно-исследовательская активность экспертной группы. Достаточно серьезным затруднением в осуществлении этнологической экспертизы на основе проведения открытых конкурсов становится удлинение сроков ее проведения, что вызывает справедливые нарекания со стороны заказчиков – промышленных компаний.

Таким образом, перспективы организации и проведения этнологической экспертизы связаны с совершенствованием законодательства и нормативного правового регулирования в данной сфере. Еще в 2006 г. О.А. Мурашко предла-

гала «включить в российскую законодательную систему международные стандарты, принятые в системе ООН, в частности, руководство для стран – участниц Конвенции по сохранению биоразнообразия в отношении территорий, занимаемых и используемых коренными малочисленными народами» [Мурашко, 2006, с.122].

Современная практика убеждает в том, что необходимо совершенствование механизма взаимодействия недропользователей и местного населения, обеспечения партнерских отношений в процессе промышленного освоения. В этом механизме обязательно должны присутствовать принципы, обеспечивающие защиту прав коренных народов на сохранение традиционного образа жизни и традиционного хозяйствования. Необходимы модернизация формата и совершенствование условий заключаемых договоров, внутреннее содержание которых сформировалось еще в 90-х и начале 2000-х гг. Этнологическая экспертиза должна быть нацелена не только на определение размеров компенсационных выплат, но и на формирование механизмов согласования интересов инвестора, местного населения и органов власти. В конечном итоге она должна стать инструментом повышения социальной ответственности бизнеса на промышленной осваиваемой территории.

Литература

Логинов В.Г., Игнатъева М.Н., Балащенко В.В. Вред, причиненный ресурсам традиционного природопользования, и его экономическая оценка // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – № 2. – С. 396–409.

Мостахова Т.С. Смертность населения в северных и арктических районах Республики Саха (Якутия) в аспекте демографической безопасности // Якутский медицинский журнал. – 2015. – № 4 (52). – С. 66–69.

Мостахова Т.С. Социально-демографические аспекты освоения арктических районов: проблемы воспроизводства населения, промышленное освоение и локализация этносов КМНС // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.П. Башмаковой, Е.Е. Торопушиной. – Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. – С. 337–344.

Мурашко О.А. Что такое этнологическая экспертиза в России // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: науч.-информ. бюллетень Комитета по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации. – Вып. 4. – М., 2006. – С. 112–123.

Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Арктические территории: проблемы развития и освоения (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика Востока России. – 2014. – № 2 (2). – С. 33–42.

Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Этносоциальные проблемы территорий Якутии в зоне строительства газопровода «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 3 (91). – С. 133–142.

Потравный И.М., Баглаева В.О. Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории // Горизонты экономики. – 2015. – № 5 (24). – С. 44–47.

Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н.И. Новикова, Д. А. Функ. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2012. – 204 с.

Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI в. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1(4). – С. 15–24.

T.S. Mostakhova, A.A. Pakhomov

Ethnological expertise in the republic of Sakha (Yakutia): practice and problems

The problems of relationships between industrial companies and local communities in the course of industrial development have always been the focus of the scientific community. The Soviet experience of Arctic exploration is well-known, which has created the Foundation for the accelerated socio-economic development of areas inhabited by indigenous peoples of the North. Unfortunately, the new period of development of the Arctic and Northern territories demonstrates the growing volume of negative manifestations of such interaction.

Carrying out ethnological expertise, which is a tool to ensure the rights of the peoples of the North to preserve the traditional way of life and traditional economic activities, guaranteed to them by Federal law, is one of the mechanisms

for solving such problems. Sufficient experience of carrying out ethnological examination, i.e. determination of damage caused to the traditional way of life of indigenous peoples of the North as a result of industrial development of territories of their residence is accumulated in the Republic of Sakha (Yakutia).

The practice of carrying out ethnological expertise along with positive examples of interaction between companies-subsoil users and local communities of the peoples of the North has shown the presence of many problematic issues. This is the imperfection of the method of calculating the damage caused to the traditional way of life of the indigenous minorities of the North, the absence of a Federal law on ethnological expertise, which affects compliance with the obligation to conduct ethnological expertise.

Keywords: indigenous peoples, the traditional way of life, industrial development, ethnological expertise, interaction, industrial companies, monitoring, method of calculation of damages, the Republic of Sakha (Yakutia), the Arctic.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С.А. Иванов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.006

УДК 81'373.2=512.157

Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству

Лексика традиционного занятия якутов скотоводством, коневодством, охотой и рыболовством заслуживает специального изучения. Некоторая часть якутов до недавнего времени занималась также разведением оленей. Давно установлено, что основные термины оленеводства являются словами тюркского происхождения. В данной статье рассматриваются названия-термины, относящиеся только к якутскому скотоводству, а именно: названия крупного рогатого скота по продуктивности и непродуктивности, половозрастным изменениям, внешним признакам и повадкам, а также по их масти. Приведенные ниже названия в какой-то мере отражают длительное историческое развитие народа саха, его былые связи с другими племенными группами. Мы старались зафиксировать все замеченные нами в лексикографических работах и диалектных описаниях названия, относящиеся к якутскому скотоводству. Некоторые из них снабжены краткими этимологическими справками для того, чтобы наглядно показать вышесказанное утверждение. Тем самым мы хотим увековечить создаваемые веками якутским народом традиционные названия, связанные с разведением крупного рогатого скота, так как некоторые из них в настоящее время уходят в пассивный словарный состав якутской лексики и даже находятся на стадии забвения.

Ключевые слова: дойная корова, крупный рогатый скот, бык-производитель, рабочий бык, молочные и мясные продукты, бычья упряжь, заболевания скота, сенокосно-пастбищное хозяйство.

Вводные замечания

Существует мнение крупных ученых, согласно которому «находки предметов тюркской культуры в археологических слоях эпохи раннего железа, рунических надписей и рисунков быков и лошадей на писаницах Лены позволили выдвинуть предположение о появлении в Якутии тюрко-монгольских скотоводов в IV–VI вв. н.э.» [Генетическая история..., 2015, с. 17].

Действительно, якуты испокон веков традиционно держали крупный рогатый скот, коров и быков. Перед этим они занимались разведением преимущественно коней и лошадей, кобыл и жеребцов. При благоприятных природно-климатических условиях южных широт некоторые тюрки-скотоводы, видимо, имели в своем хозяйстве бесчисленное количество рогатого скота и лошадей. Об этом свидетельствует высказывание: *jilqim sansiz erti* 'табунных животных у

© С.А. Иванов, 2018

меня было бесчисленное множество' [ДТС, с. 267, статья *jilqi*]. Поэтому не беспочвенны изречения *хара сүүрүк* (букв. 'черное течение', т.е. 'бесчисленное множество рогатого скота') и *үрүн сүүрүк* (букв. 'белое течение', т.е. 'бесчисленное множество конного скота'), что зафиксировано даже О.Н. Бётлингом [1989, с. 644] и Э.К. Пекарским [Пек., стб. 2412].

Однако следует отметить, что якутское слово *сүүрүк*, соответствующее др.-тюрк. *sürüg* 'стадо, табун' [ДТС, с. 518]; п.-монг. *sürüg* 'стадо, стая' [Тодаева, 1981, с. 195] и сохранившееся в языке якутов в устойчивых словосочетаниях *хара сүүрүк*, *үрүн сүүрүк*, как плоды гибриболического представления о степных скотоводческих богатствах древних их предков, давно стало архаизмом, так как в суровых климатических условиях Ленского края бесчисленного множества рогатого и конного скота не могло быть.

В то же время существуют непроверенные сведения о том, что некоторым якутским скотоводческим хозяйствам удавалось содержать сотни голов рогатого и конного скота.

Если судить по фонетическому облику, то древнетюркское *sürüg* 'стадо, табун' попало в язык якутов через древнемонгольские идиомы и стало омонимизироваться с якут. *сүүрүк* 'течение' и *сүүрүк* 'бегун (спортсмен)', которые имеют совершенно иную этимологию, связанную с якут. *сүүр*- 1) 'бегать; бежать'; 'убежать, забежать вперед'; 2) 'течь, струиться' [ЯкутРС, с. 352], восходящим к др.-тюрк. *jügür* 1. 'бежать'; 2. 'бежать, течь' [ДТС, с. 284].

Др.-тюрк. *sürüg* 'стадо, табун' [ДТС, с. 518]; п.-монг. *sürüg* 'стадо, стая' [Тодаева, 1981, с. 195], входящие в состав якутских фразеологизмов *хара сүүрүк* 'стадо крупного рогатого скота', *үрүн сүүрүк* 'табун лошадей', как выше отмечено, были известны О.Н. Бётлингу и Э.К. Пекарскому. Однако в их лексикографических работах мы находим, с точки зрения современного состояния изученности якутской лексикологии, несколько неудачные семантические и этимологические толкования [см.: Бётлингк, 1989, с. 644; Пек., стб. 2412]. Фонетический облик этих слов, как выше было отмечено,

подсказывает нам, что якут. *сүүрүк* 'стадо, табун' – монголизм в якутском языке, но в монгольских языках – заимствование из какой-то древнетюркской идиомы. Др.-тюрк. *sürüg* 'стадо, табун' развивалось из др.-тюрк. глагола *sür-* 'гнать' [ЭСТЯ, 2003, с. 367–368], что сохранилось в якутском языке в виде *үүр*- 'гнать; прогонять'.

Якутские скотоводы держали преимущественно дойных коров, племенного быка, для хозяйственных работ – вола, для перевозки людей и грузов – рабочую и верховую лошадь. Кроме того, в некоторых хозяйствах держали оленей, которых использовали для дальних поездок по таежной зоне Якутского края в зимнее время, когда наступал охотничье-промысловый сезон.

В настоящее время скотоводство у якутов – это, можно сказать, широко распространенное, довольно развитое хозяйство, в основном ориентированное на разведение крупного рогатого скота для получения молока, говядины и других продуктов. Основополагающими факторами развития этого хозяйства являются содержание дойных коров, быка-производителя и организация устойчивого сенокосно-пастбищного хозяйства. На основе изучения динамики развития скотоводства XVII–XIX вв. ретроспективно было установлено, что количественное преобладание рогатого скота над лошадьми началось в первой трети XVI в. [Иванов, 1966, с. 386].

Названия крупного рогатого скота по продуктивности

Рассмотрим общеп якутские и диалектные названия крупного рогатого скота, которыми пользуются якуты, так как в диалектах также употребляются общеп якутские слова:

Ынах~анах – веляризованный вариант, возникший на почве якутского языка от общетюркского *inek~enek*. Существует несколько этимологических версий этого слова [см.: ЭСТЯ, 1974, с. 359–360; СИГТЯ, 2001, с. 436–437].

По способности или неспособности приносить приплод и давать молоко коровы отличаются и называются*:

*Эти названия и названия по возрасту и цвету шерсти домашних животных в настоящее время значительно варьируются и находятся почти на стадии забвения.

баайтаһын ынах ‘прогулявшая лето корова’, ‘яловая корова’; в центральных говорах – *байтаһын ынах*; если речь идет о быке, то его называют *кур обус* ‘откормленный за год или за несколько лет (для убоя)’ [ЯкутРС, с. 190];

буос ынах или *уулаах ынах* ‘стельная корова’; *кытарах ынах* ‘не стельная, яловая корова’; ‘стародойка’ [Пек., стб. 1443];

кэс ынах ‘отелившаяся корова’ [Пек., стб. 1059];

манхаай (есей., в.-вил.), *манхай* (вил., лен., нюрб.) ‘бесплодная’ – о самках домашних животных – ср. эвенк. *ванггай*, *вангхай*, эвен. *мангай* ‘яловая важенька’ [ДСЯЯ, I, с. 157];

үтүрүм ынах ‘дойная корова’ [Пек., стб. 3204];

ыанар или *ыанньык ынах* ‘дойная корова’;

үүттээх ынах ‘молочная корова’;

үүтэ суох ынах ‘корова, дающая мало молока’;

эримэх (в.-кол., ср.-кол.) ‘бесплодная’: *эри-мэх ынах* ‘бесплодная корова’ [ДСЯЯ, I, с. 321–322];

эскэл кытарах (арх. ойм.) ‘два года подряд яловая корова’ [ДСЯЯ, I, с. 323].

Названия, связанные с половозрастными изменениями крупного рогатого скота

Наименование *ынах~анах* ‘корова’ почти не имеет диалектных эквивалентов. Зафиксированы только такие лексические единицы:

корооба~коруоба (долг.) ‘корова’ – русифицированный вариант от рус. *корова*. В связи с этим в долганском диалекте употребляются словосочетания *коруоба дьиэтэ* ‘коровник, хлев’; *коруоба тугута* ‘теленки’ [ДСЯЯ, I, с. 115];

тыһы (есей.) ‘корова’; если встречаются *тыһы ат* (долг., есей.), *тыһы сылгы* (есей.) ‘кобыла’ [ДСЯЯ, I, с. 255], то, вероятно, в долганском диалекте и есейском говоре сохранилось первоначальное значение ‘особь женского пола (людей, животных)’ [СИГТЯ, 2001, с. 315];

хонолу (Пек.) ‘самая старая корова (вожак стада)’ [ДСЯЯ, I, с. 290];

ньирэй~ньиэрэй, ньырай~ньыырай ‘теленки’, ‘только что родившийся теленок’ [Пек., стб. 1701], этот монголизм иногда идентифицируют с тюрк. *торбос*-ом или *торбуйах*-ом, но *торбос*, *торбуйах~тарбыях* ‘теленки взрослые’;

‘теленки по первому году’ [Пек., стб. 2736, 2737].

Диалектными эквивалентами этого названия являются: *коруоба тугута* (долг.) [ДСЯЯ, I, с. 115]; *ньылба* 1. (горн.) ‘теленки’; 2. (в.-вил.) ‘выкидыш, преждевременно родившийся теленок или жеребенок’ [ДСЯЯ, I, с. 181]; *ынах тугута* (есей.) ‘теленки’ [ДСЯЯ, I, с. 313]; *ынах обото* (у.-янк.) ‘теленки’ [ДСЯЯ, II, с. 242]; *туппах ньирэй* (ойм.) ‘теленки, отделенный от матки сразу же после отела и вскармливаемый из соски’ [ДСЯЯ, II, с. 195];

борооску~боруоску ‘теленки после четырех или пяти месяцев’; ‘годовалый теленок’ [Пек., стб. 506], диалектным эквивалентом которого является *бороон* (канг., токк.) ‘теленки в первую зиму’, что считается монголизмом в якутском языке [ДСЯЯ, I, с. 65];

диалектизм *бороон* давно проник в якутский литературный язык: *борооннообут борооно буобураба холоонноох* ‘теленки, за которым ухаживала она, равноценен бобру’;

тыһабаас ‘годовалые двухтравные бычки или телки’ [ЯкутРС, с. 422], диалектными эквивалентами чего являются *тый ынах* (ср.-кол., в.-кол.) ‘двухлетняя телка’ [ДСЯЯ, I, с. 253]; *тый обууча* (кол.) ‘двухтравный бычок’; *тый тыһабаас* (кол.) ‘бычок на втором году’ [ДСЯЯ, II, с. 198]; в колымских говорах в слове *тый*, по всей вероятности, сохраняется древнее значение ‘молодая, молодой’; так как в др.-тюрк. *taj* имеет также значение ‘молодой, молодая’ [ДТС, с. 527];

бургунас ‘еще не телившаяся трехгодовалая, трехтравная корова’; различают *түөртээх байтаһын бургунас* ‘корова по третьему году летом’ = *түөртээх кэс бургунас* ‘осенью, в сентябре’ = *түөртээх үтүрүм бургунас* ‘отелившаяся четырехтравная корова’ [см.: Пек., стб. 567, 3204]; *тунуй бургунас* ‘первотельная, первотелка’ [ЯкутРС, с. 402];

тиһэбэ, тингэнэ ‘трехгодовалый, трехтравный бык (корова)’; только с осени этого года у них выпадают молочные зубы, поэтому они называются также *тиһиһир тингэб(н)э* [Пек., стб. 2886], что иногда идентифицируется с понятием *өнүрүмэр, өнөрөмөр, өбүөрүмэр*, но последние два имеют несколько иное значение:

өнүрүмэр ‘рогатый скот в возрасте между тремя и четырьмя годами’, ‘четырёхтравная

корова' [Пек., стб. 1953], в этом возрасте корова дает приплод и молоко; в этом отношении данное название напоминает п.-монг. *ögi-уе-тер* (<*ögi-ge-ter*) «подающий, даритель» или *ögü-уе-тер* «id.» [Владимирцов, 1989, с. 313] и синонимизируется со словом *кытылыыр* (в.-кол.) [ДСЯЯ, I, с. 141].

Названия крупного рогатого скота по его внешним признакам и повадкам

бээгэй: *бээгэй ынах* 'коротконогая корова' [ЯкутРС, с. 101; Пек., стб. 418];

улахандьаа ынагандьаа (уд., жиг.) 'здоровенная корова' [ДСЯЯ, II, с. 202]: *ынах+-ндьаа* (эвенк. и эвен. суффикс увеличительного значения);

унүүк (ср.-кол.) вл. лит. *кэйиик* 'бодливый': *бу ынах унүүк* 'эта корова бодливая' [ДСЯЯ, I, с. 269] – от *ун-* (ср.-кол.) 'бодать' [ДСЯЯ, I, с. 268], восходящего к др.-тюрк. *йиң* 'сверлить' [ДТС, с. 626];

кроме того, *кэйиик* имеет еще следующие диалектные эквиваленты: *күүкээйи* (вил., долг., ес., олен.) 'бодливый' – обычно об олене-самце или *күүркээйи* (бул.) – от эвенк. *кукээйи* 'бодливый' [ДСЯЯ, I, с. 134]; *кыстай* (Пек.) 'бодливый, 'лягающийся' – о корове [ДСЯЯ, I, с. 139]; *сүргүөһүннээх* (сакк.) 'бодливый' [ДСЯЯ, I, с. 218] – от образного глагола *сүргэй-* 'разрушать городьбу рогами (о быке)' [Пек., стб. 2408].

Названия крупного рогатого скота по масти

Рогатый скот делится по цвету шерсти, т.е. по масти, и имеет нижеследующие общеизвестные названия, некоторые из них зачастую распространяются и на лошадей, коней, кобыл, жеребят и жеребцов:

ала 'белобокий, белополосатый (бык)'; *ала ынах* 'белобокая корова'; *ала кутуруктаах ынах* 'корова с пестрым хвостом' [Пек., стб. 62];

в якутских диалектах обнаружены: *алакаас* (амг.) 'пегий' – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 43]; *курдаах* (абый.) 'белобокий' – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 127]; *курдуустаах* (ср.-кол.): *иннэ хара эбэтэр кыһыл, ортото үрүг дьүһүннээх* 'пегий' – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 127]; *кушаактаах* (абый.) 'белобокий, пегий' – о масти

коровы [ДСЯЯ, I, с. 129]; *ынгыырдаах* (абый.) 'белобокий' – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 314]; *эрэбэдэйдээх* (абый.) 'белобокий' – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 322];

бахырбастаах-бахарбастаах 'белоногий, белоножка' – о корове, о лошади [Пек., стб. 399] – от *бахырбас* (арх. ср.-кол., в.-кол.) 'низкие домашние торбаса' [ДСЯЯ, I, с. 60];

в диалектах встречаются *олооччулаах* (абый., ср.-кол.) 'белоногий' – о животных [ДСЯЯ, I, с. 185] – якут. *олооччу* 'вид примитивной короткой якутской обуви' [ЯкутРС, с. 270] – от эвенк. *олоот* 'унты (короткие, рабочие, мужские, ровдужные)' [ССТМЯ, II, с. 16; ЭРС, с. 464–465]; *шуокалаах* (ср.-кол.) – о белых чулках – о скотине [ДСЯЯ, I, с. 309]; *этэр-бэстээх* (в.-кол.) 'в белых чулках' – о масти коровы, лошади [ДСЯЯ, I, с. 325];

эбириэн: *эбириэн ынах* 'пятнистая корова'; *күөх эбириэн ынах* 'корова с голубыми пятнами'; 'красно-пестрая корова' соответствует лошадиной масти *соһо чуоһур* [Пек., стб. 221];

эриэн 'серо-пестрый, на темно-красном поле пестрый': *кугас эриэн* 'желто-пестрый', *хара-эриэн* 'черно-пестрый'; 'пестрота': *икки атахтаах эриэнэ иһигэр, көтөр кынаттаах эриэнэ таһыгар* 'у двуногого (человека) пестрота внутри, а у птицы – снаружи' [см.: Пек., стб. 298–299], что унаследовано из далекого прошлого, так как оно соответствует др.-тюрк. *kiši alası içtin, jilqı alası taştın* т.е. 'хитрость человека изнутри, пестрота животного снаружи' [ДТС, с. 201];

в диалектах встречаются *биэстэрэй* (ср.-кол.) 'ребристый, волнистый' [ДСЯЯ, I, с. 63]; *дуобалаах-туобалаах* (из Словаря Э.К. Пекарского) 'полосатый, пестрый' – о коровьем хвосте [ДСЯЯ, с. 89, 248]; *издьэгэй эриэн* или *бырыы эриэн* 'грязно-пестрый' – о масти коровы [ДСЯЯ, с. 110]; *таллан* (вил.) 'пестрый, полосатый' [ДСЯЯ, I, с. 234–235]; *эриэгий* (сад.), *эриэгийэ* [Пек., стб. 298] 'пестрый' – о масти коровы [ДСЯЯ, II, с. 251];

дьэнкир: *дьэнкир муостаах-туйахтаах ынах* 'корова с прозрачными (собственно: перламутрового блеска) рогами и копытами' [Пек., стб. 811];

кубас: *кубас ынах* 'рыжая корова, корова красной масти'; *кубас тыһабаһ* 'рыжий теленок' [Пек., стб. 1191];

в диалектах: *арабас* (татт.) ‘рыжий’ – о масти лошади и коровы [ДСЯЯ, I, с. 49]; *даргыл* (мом.) ‘рыжая масть’ [ДСЯЯ, I, с. 86]; *куба арабас* (сунт.) ‘рыжий’ – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 119]; *кыһыл* (абый., в.-кол.) ‘рыжий’ – о масти коровы, лошади [ДСЯЯ, I, с. 139];

күөх: *күөх обус* ‘сивый бык’; *күөх эбириэн* с ‘голубыми пятнами’, ‘красно-пестрый’ – о корове; *күөх эриэн обус* ‘голубо-пестрый (зелено-пестрый) бык’ [Пек., стб. 1323];

күрүн~күрэн: *күрүн обус* ‘серый бык’; *күрүн эриэн* ‘на темно-красном поле пестрый’; *күрүн хара атыыр обус* ‘искрасна черный пороз’; *буор күрүн обус* ‘глиняно-красный бык’ [Пек., стб. 1335–1336]; вариативное употребление, видимо, унаследовано от монгольских идиом [см.: Пек., стб. 1327, 1335; Kalużyński, 1961, s. 54, 57];

кычылымаан (в.-кол., ср.-кол.) ‘корова красно-рыжей масти’ [ДСЯЯ, I, с. 141];

мангаас~мабаас: *мангаас ынах* ‘белобрысая корова’; *хара мангаас ынах* ‘черная корова с наполовину белой головой’ [Пек., стб. 1523];

в диалектах употребляются *малааннаах* (абый., вил., верх., ср.-кол., олекм., сунт.) ‘беломордый’; *малаанньыктаах* (олекм.), *малаан* (долг.) – т.е. *мангаас* [ДСЯЯ, I, с. 156];

өрүөстээх бартахтаах (*бастаах*) *ынах* ‘черная корова с белой каймой на морде’ [Пек., стб. 1968];

саадьябай: *саадьябай ынах* ‘корова с белой полосой вдоль хребта’. Э.К. Пекарский данное слово сближает с п.-монг. *ᠰᠢᠶᠠᠵᠠᠭᠠᠢ* ‘сорока, пестрый’ [Пек., стб. 2023], что, видимо, принято Ст. Калужинским [Kalużyński, 1961, s. 32]; «Сорока птица сем. вороновых, с белыми перьями в крыльях...» [СРЯ, IV, 1984, с. 203]; встречаются такие разновидности этой масти животных: *эргиллэ саадьябай* ‘пестрая вокруг’; *салбырбас саадьябай* ‘узорчато-пестрый (о рогатом скоте)’; *кугас саадьябай* ‘рогатая скотина рыжего цвета с белой полосой вдоль хребта’; *хара саадьябай* ‘рогатая скотина черного цвета с узкой белой полосой вдоль хребта’; *үрүн саадьябай* ‘рогатая скотина белой масти с черными боками и широкой белой полосой вдоль хребта’ [Пек., стб. 2023];

саадьябай в абыйском и колымских говорах синонимизируется с названием *дьарбаалаах* ‘с белой полосой вдоль хребта, с белой спиной’ [см.: ДСЯЯ, I, с. 95];

мордурбастаах (вил., нюрб.) или *өрүөстээх* (о масти крупного рогатого скота: пестроголовый наподобие чирка-клоктуна; с белой каймой на морде) [ДСЯЯ, II, с. 124–125];

саптыйалаах: *буутугар саптыйалаах* ‘с мешочками (т.е. пятнами в виде мешочков) на задних ногах (бык)’ [Пек., стб. 2091];

чулкулаах атахтаах ынах ‘белоногая корова’ или *баһырбастаах атахтаах* [см.: Пек., стб. 3684].

В диалектных материалах обнаружены также нижеследующие названия:

кыалыктаах (лен.) ‘с пятнами на бедрах’ – о масти коровы [ДСЯЯ, I, с. 134] от *кыалык* ‘мешочек для хранения трута’ – соответствует *саптыйалаах*;

суумматах (в.-кол.) ‘серовато-темный’ – о масти животных [ДСЯЯ, I, с. 216];

харааччийа (инд.) ‘корова черной масти’ – о крупном рогатом скоте [ДСЯЯ, II, с. 217].

Мы постарались учесть все создаваемые в течение длительного периода якутскими скотоводами половозрастные названия и наименования мастей крупного рогатого скота, но не уверены, что они все учтены.

Названия продуктов, получаемых от рогатого скота

а) молочные продукты

үүт ‘молоко’ – общетюркское слово, различные фонетические варианты которого отмечены во многих тюркских языках [см.: СИГТЯ, 2001, с. 448–450; ЭСТЯ, 2003, с. 346–348], хотя они все восходят к др.-тюрк. *sūt* или *süüt*. Последнее, как предполагают, в монгольских языках сохранилось в виде *süü*, *süü(n)*, где элементы *n* и *t* в якутском *үүт* являются древними показателями множественности.

Якут. *үүт* почти не имеет диалектной разновидности, встречаются только *молокоо* (долг.) – от рус. *молоко* [ДСЯЯ, I, с. 160]; *эмий* (долг.) ‘молоко’ – отсюда *эмий ыгааччы* ‘доярка’ [ДСЯЯ, I, с. 320] или *бөлүөкэ* (горн.) ‘снятое молоко, обрат’ [ДСЯЯ, II, с. 52]; *быртах үүт* (кол.), или *быттах үүт* (инд.) ‘молоко с молозивом’ [ДСЯЯ, II, с. 58, 59];

с молока снимают *чөчөгөй* ‘сливки’, из которых получают *сүөгэй* ‘сметану’; *чөчөгөй* имеет диалектальный вариант *үрүмэ* (у.-янск.) ‘жидкие

сливки' [ДСЯЯ, II, с. 209], а *сүөгэй – чөкөт* (ойм.) 'сливки', 'сметана' [ДСЯЯ, I, с. 301];

из *чөчөгөй* получают *күөрчэх* 'сбитые сливки', что имеет диалектальные варианты: *бордургас* (лен.) [ДСЯЯ, I, с. 65]; *дагда* (абый., амг., бул., вил., горн., жиг., м.-канг., нюрб., ойм., олекм., сунт., татт., токк., у.-алд., чур.) [ДСЯЯ, I, с. 84]; *көбүкү* (бул., сакк.), что варьируется в виде *көбөкө* (горн.), *көбөкү*, *көбөөк* (нюрб.), *көбүккү* (верх.), *көөк* (вил.), *көппөкү* (верх.), *көптөө* (вил.), *көпүкү* (сакк.) [ДСЯЯ, I, с. 116]; *күөбэдэк* (олекм.) 'жидкие взбитые сливки' [ДСЯЯ, I, с. 131];

из сметаны получают *арыы* 'масло', которое в долганском диалекте переименовано в *маасла*, иногда *һыа* [ДСЯЯ, I, с. 155, 229]; из *арыы* делают *чохоон* (слово имеет этимологическую связь с рус. *чухонское масло* и якут. *чохуонускай арыы* (олекм.) [ДСЯЯ, II, с. 234] или *көбүөр* 'сливочное масло, взбитое с молоком и застывшее' [ЯкутРС, с. 175], диалектальные варианты которого встречаются в виде *бөһүүкэ* (вил., в.-вил., сунт.), *бөһүөр* (ойм.) [ДСЯЯ, I, с. 69]; *ньомоллоон* (чур.) [ДСЯЯ, I, с. 179];

получают также *хаҕах*, диалектный синоним которого зафиксирован в виде *мөһөр* (ойм.) со значением 'замороженное якутское белое масло, получаемое путем взбивания сливочного масла с кипятком и молоком' [ДСЯЯ, I, с. 163];

якут. *хайах~хаҕах* [Пек., стб. 3245] по фонетическому облику соответствует др.-тюрк. *qajaq~qanaq~qijaq* 'сливки' [ДТС, с. 406];

из кипяченого молока делают *суорат* 'заквашенное кипяченое молоко' – широко распространенное тюркское слово, но не имеет диалектных вариантов; из него заготавливают на зиму так называемый *тар* 'замерзшая простоквашина (приготовленная из снятого кипяченого молока)' [ЯкутРС, с. 375]; напоминает п.-монг. *taray* 'сыворожка, простокваша' [Пек., стб. 2564]; совр. монг. *тараг* 'род простокваши' [МонгОТ, с. 392]; совр. бур. *тараг* 'простокваша' [БурРС, с. 414];

из заквашенного кипяченого молока с прибавлением кипяченой воды изготавливают напиток *умдаан~ымдаан*, заменяющий *кумыс*, – напиток из кислого кобыльего молока; якут. *умдаан* соответствует п.-монг. *umdan* 'напиток, питье' [Тодаева, 1981, с. 215];

из молока при его сквашивании получают сыворожку, которая называется *издъэгэй*, что является словом монгольского языкового происхождения [Kalużyński, 1961, s. 29], но не имеет диалектных синонимов, кроме названий его разновидностей: *иншир издъэгэй* (у.-май.) 'творог особого приготовления' [ДСЯЯ, I, с. 107]; *бытархай издъигэй* (лен.) 'сухой творог' [ДСЯЯ, II, с. 59];

б) мясные продукты

эт 'мясо' – широко распространенное древнее многозначное слово [см.: ДТС, с. 186; СИГ-ТЯ, 2001, с. 455; ЭСТЯ, 1974, с. 311–312]; в языке якутов существуют: *ынах этэ* 'говядина', *сылгы этэ* 'конина', *таба этэ* 'оленина', *убаһа этэ* 'жеребятина', *кус этэ* 'утятина' и т.д.;

слово *эт* не имеет диалектальных синонимов, встречаются только слова эвфемистического характера употребления:

кытарар (в.-кол.) 'мясо' [ДСЯЯ, I, с. 140];

нэк (в.-кол., ср.-кол.) 'мясо' [ДСЯЯ, I, с. 176];

хоччохой (Пек.) 'говядина' [ДСЯЯ, I, с. 294];

сүөһү иһэ, *буотарах* 'потроха' синонимизируются с диалектальными *ис тонобо* (ср.-кол.) [ДСЯЯ, I, с. 108]; *тонох* (верх.) [ДСЯЯ, I, с. 242]; но в якут. лит. языке *тонох* употребляется в значении 'говяжий сбой' [ЯкутРС, с. 390];

По примеру русской кухни из мяса готовят котлеты, пельмени, борщ, бульон, рагу, щи и другие продукты питания.

Размножение крупного рогатого скота немислимо без содержания быка-производителя. Для ведения сельскохозяйственной работы немаловажное значение имеет рабочий бык – вол. Быки именованы общим названием *обус*:

якут. *обус~угус* – веляризованный вариант др.-тюрк. *ögüz* 'вол, бык' [ДТС, с. 382], что считается Г. Дёрфером «собственно тюркским словом»; однако существуют различные версии по поводу происхождения этого наименования, где тюрк. *ögüz* считается каким-то древнейшим заимствованием [об этом более подробную этимологическую справку см.: ЭСТЯ, 1974, с. 521–523; СИГТЯ, 2001, с. 439–440].

У якутов существует архаичный афоризм: *саха саара, ураанхай буура*, употребляемый в значении 'наилучший, отборный из людей', что весьма верно констатировано Г.В. Ксенофонтон-

вым, где мы находим монголизм *шар*, имеющий значение ‘кладеный бык, вол’ [см.: Ксенофонов, 1992, с. 180; МонГОТ, с. 646]; вышеприведенный афоризм явно свидетельствует о том, что в Якутии с давних времен проживали якуты-скотоводы и уранкай-оленоводы; в нынешнем якутском скотоводческом хозяйстве традиционно существуют *ат обус* ‘холощенный бык’; *атыыр обус* ‘бык-производитель’; *кур обус* ‘вол, находившийся в нагуле в течение года’; *кунан обус* ‘трех (четырёх)травый бычок’ [Пек., стб. 1787; ЯкутРС, с. 266] и некоторые другие;

в диалектах встречаются *морохоно* (м.-канг., канг.) ‘бык-производитель’ [ДСЯЯ, I, с. 161]; *оууча* (в.-кол.) ‘молодой бык’: *тингэнэ оууча* ‘трехлетний бычок’; *тый оууча* ‘двухлетний бычок’ [ДСЯЯ, I, с. 184], т.е. ‘молодой бычок’.

Общее название рогатого скота – *ынах сүөһү*, где *ынах* – исконно тюркское слово, *сүөһү* – древний монголизм, не имеющий ясной этимологии [Kalużyński, 1961, s. 35]; в возвышенной, поэтической речи – *ураа муостаах* ‘имеющие длинные остроконцы рога’ [см.: Пек., стб. 3057], или *хоробор муостаах* ‘с выпрямленными рогами’ [там же, стб. 3506], которые не имеют диалектных синонимов.

Существует словосочетание *субай (субан) сүөһү* монгольского происхождения с семантикой ‘яловый скот’, т.е. всякий скот, не дающий молока.

Названия бычьей упряжи

В сани запрягают обычно вола. Вола или быка, запряженного в сани, называют *сыарбалаах обус*, где *сыарба* ‘сани’ соответствует п.-монг. *ṣirṣa*, совр. монг. *чарга*, совр. бур. *шарга* [Kalużyński, 1961, s. 22]. В якутском лингвистическом пространстве встречаются варианты *сырба*, *һырга*, *сыарба*, *сарба*, где отражаются стадии исторического видоизменения монг. *ṣ* в *i*.

Основными частями бычьих саней являются *арал* ‘верхняя часть бычьего хомута’ [Пек., стб. 130], *адарай* ‘настил из тонких листовенных жердочек, просунутых через поперечные скрепы бычьих саней’, *бурбалды-борбалду* ‘нижняя часть бычьего хомута’, *ылах* ‘поперечные скрепы, переклади-

ны между копыльями’ [Пек., стб. 3780]. Эти названия с некоторыми смещенными значениями сохранились в речи якутов от монголизмов средневекового периода. В настоящее время молодые скотоводы стали путать наименования и функции вышеуказанных главных частей бычьих санок.

Кроме того, монголизмами являются *дөрө-төрө* ‘носовое кольцо (у быка)’; ‘поводок, прикрепляемый к носовому кольцу (быка)’ [ЯкутРС, с. 117]; *чурумчу* ‘кольцо (прутяное, вдеваемое в нос быка)’ [ЯкутРС, с. 514].

Некоторые названия частей бычьей упряжи имеют диалектные эквиваленты, однако не вызывающие особенного интереса. Зафиксированы в диалектологических материалах только такие наименования:

арал в метатезированном варианте *алар* употребляется в сунтарских говорах [ДСЯЯ, II, с. 38]; в колымских говорах *арал* употребляется в значении ‘оглобли у саней для быка’ [ДСЯЯ, II, с. 40]; встречаются омонимичные ему слова: *арал* (мом., у.-алд.) ‘шест в настиле саней’ [ДСЯЯ, I, с. 49]; *арал* (вил.) ‘долина речки’ [ДСЯЯ, I, с. 49]; *арал* (бул.) ‘мелководье, образовавшееся на песчаном побережье моря’ [ДСЯЯ, II, с. 41]; *бурбалды*, по Э.К. Пекарскому, ‘нижняя часть бычьего хомута’, синонимизируется с *дьүккүйэр* (вил., коб.), но со значением ‘верхняя часть бычьего ярма’ [ДСЯЯ, I, с. 100]; *дөрө-төрө* ‘поводок, прикрепляемый к носовому кольцу (быка)’, синонимизируется в говорах с названиями *мурун быата* (верх.) ‘бычий повод’ [ДСЯЯ, I, с. 167] или *обус муннун быата* (татт.) ‘бычий повод’ [ДСЯЯ, I, с. 184]; *чурумчу* в индигирских говорах называется *чуомчуур* [ДСЯЯ, II, с. 235], иногда путают с *төрө* (верх., в.-вил., в.-кол.) [ДСЯЯ, I, с. 245];

ылах ‘поперечные скрепы саней’, что считается монголизмом в якутском языке [Kalużyński, 1961, s. 286], в диалектах синонимизируется со словами: *бэскиэ* (ойм.), *мөһөөк* (абый., алл., у.-янк.) – от рус. диал. *вязок* [ДСЯЯ, I, с. 163]; *ыллык* (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 312], что возникло, по видимому, под влиянием слова *ыллык* ‘полозья саней’ [ЯкутРС, с. 525].

Создается впечатление, что запрягать волов и быков в сани и использовать их тягловую силу в своей каждодневной практической деятельности предки якутов, древние коневоды-всадники,

научились у монголов-скотоводов. Вообще говоря, в названиях-терминах якутского скотоводства явно ощущается взаимовлияние якутского и монгольского скотоводческого хозяйства, что в свое время довольно подробно рассмотрено Н.К. Антоновым [1971, с. 36–55].

Названия заболеваний крупного рогатого скота и лошадей

Крупный рогатый скот, как всякое живое существо, подвергается разнообразным болезням, от которых страдают и зубы, и ноги, и органы пищеварительного тракта, половые и иные органы. Обнаруженные болезни получили, к примеру, нижеследующие наименования:

атах ыарыыта ‘мокрец’ – «мокрый лишай на конечностях у лошади и крупного рогатого скота» [СРЯ, II, 1982, с. 289];

бутука (ойм.) или *ыыраахсыт* ‘копытная болезнь у оленей и коров’ [ДСЯЯ, I, с. 73];

бүрүсүлүөс – *ынах сүөһү, сибииннэ сыстыганнаах ыарыыта, кинилэртэн киһиэхэ эмиз сыстар* – от рус. *бруцелез* «заразное заболевание коз, овец, крупного рогатого скота, свиней, способное передаваться от них человеку» [СРЯ, 1981, I, с. 118];

бөтөбөһүт (ойм.) ‘желудочное заболевание скота’ (болезнь лошадей, при которой вздувается живот и они перестают принимать пищу) [ДСЯЯ, II, с. 53];

бурупааһай (нюрб.) *сүөһү ыарыыта* ‘болезнь скота’ – от рус. *пропастной, пропащий* [ДСЯЯ, II, с. 55]; однако, что за болезнь *бурупааһай*, не объясняется;

быар ыарыыта ‘эхинококк’ «...личинка его может встречаться в различных органах (гл. обр. в печени) травоядных млекопитающих и человека» [СИС, 2007, с. 804];

куччаҥа ‘сухая, зудливая накожная сыпь на теле’ [Пек., стб. 1274]; *куччаҥалаах торбос* ‘теленки, страдающий паршой’, ‘паршивый’; ср. *модьуун*;

модьуун ‘парша’ – «инфекционная кожная болезнь, при которой на коже обычно под волосами появляются гнойные струпья» [СРЯ, 1983, III, с. 28];

сагыа (Пек.) *сүөһү дьаҥа* ‘разновидность повальной болезни скота’ [ДСЯЯ, I, с. 200], ‘актиномикоз’; якут. *сагыа* от п.-монг. *saqayui*

‘нарыв в горле’, которое освоено в якутских говорах в виде *сагыа-собуо* со значением ‘болезненный желвак у скота’ [Пек., стб. 2259]. Кроме того, Э.К. Пекарский якут. *сагыа-собуо* сближает со словами *быллыа* ‘твердый шишковидный нарост, желвак’ [Пек., стб. 612] и *ур* ‘нарост на теле, шишка на теле’ [Пек., стб. 3055];

сотуун өлүү ‘сибирская язва’ – «острое заразное заболевание животных и человека» [СРЯ, 1984, IV, с. 88]; данное слово Э.К. Пекарский сближает с рус. *шатун* ‘нечистый, злой дух, черт, шайтан’ [Пек., стб. 2294];

сүөк ыарыыта ‘болезнь шерсти на конце кожи у бычьего полового члена’;

сыптаран өлүү ‘болезнь, при которой скот страдает поносом’: *сыптаран ынах* ‘одержимая поносом корова’ [Пек., стб. 2474];

торбос кэбиһи ‘преждевременный выкидыш плода коровы в результате неблагоприятного стечения обстоятельств’;

хамсык, хапсык (ср.-кол.) ‘легочное заболевание домашних животных’ [ДСЯЯ, I, с. 278, 280];

харыанчыка-хоруончука ‘болезненный нарост на хвосте (? – С.И.) лошади’ [ЯкутРС, с. 502] – *меланосаркома* [мелано ‘темный, черный’ + *саркома* ‘злокачественная опухоль из соединительной ткани’]; *харачыакка* (бул.) [ДСЯЯ, II, с. 218];

хатарча өлүү (Пек.) ‘хроническая болезнь скота’ [ДСЯЯ, I, с. 285] – *сухотка* «болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело» [СРЯ, 1984, IV, с. 312], и некоторые другие.

Вышеприведенные 16 наименований заболеваний крупного рогатого скота преимущественно являются словами исконно якутского происхождения. Они возникли в результате обыкновенного визуального наблюдения, а не научного.

Заемствованными являются только *бүрүсүлүөс* от рус. *бруцелез*, видимо, иноязычного происхождения [см.: СРЯ, 1981, I, с. 111] – эта новая болезнь, раньше не известная в якутском скотоводстве, стала возможной в результате соприкосновения якутских коров и быков с зараженными этой болезнью коровами, привезенными из центральных областей Российской Федерации; *сагыа-собуо* – от п.-монг. *saqayui* ‘нарыв в горле’ [Kalużyński, 1961, s. 31]; *сотуун*,

по Э.К. Пекарскому, – от рус. *шатун* [Пек., стб. 2294] и *эхинококк*, что проникло в язык якутов через русский язык, в свою очередь туда оно попало через какие-то языки, по-видимому, из древнегреческого [см.: СРЯ, IV, 1984, с. 772].

В заключение следует заметить, что скотоводство у якутов – широко распространенное и довольно развитое традиционное хозяйство, унаследованное от далекого прошлого. Оно со своей характерной терминологией сохраняется до сих пор как отрасль животноводства, обеспечивающая жизненно важные средства существования. В суровых условиях среднеленского края требовалась, однако, постоянная мобилизация физического и умственного труда для того, чтобы содержать необходимое количество крупного рогатого скота и других домашних животных, кроме того, организовывать для этого устойчивое сенокосно-пастбищное хозяйство.

В условиях многовекового контактирования и взаимовлияния в язык якутов-скотоводов проникли многие иноязычные термины, относящиеся к этой отрасли хозяйства. При скрупулезном изучении терминов даже якутского скотоводства высококвалифицированные исследователи-компаративисты вполне могут констатировать наличие признаков взаимовлияния скотоводческих племен и народов евразийского континента.

Литература

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 175 с.

Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 646 с.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – 2-е изд. – М.: Наука, 1989. – 449 с.

Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни. – Новосибирск: Наука, 2015. – 328 с.

Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов: XVII в. – Якутск: Кн. изд-во, 1966. – 386 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. изд-во

Республики Саха (Якутия), 1992. – Т. I, кн. 1. – 416 с.

Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии: материалы и словарь. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 276 с.

Kalużyński St. Mongolische Elemente en der jakutischen Sprache. – Warszawa, 1961. – 170 s.

Источники

БурРС – Бурятско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1973. – 804 с.

ДАЯЯ, I – Диалектологический атлас якутского языка: Сводные карты / сост. С.А. Иванов. – Якутск: Изд-во СО АН, Якут. филиал, 2004. – Ч.1: Фонетика. – 128 с.

ДАЯЯ, II – Диалектологический атлас якутского языка: Сводные карты / сост. С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – Ч. 2: Морфология и лексика. – 178 с.

ДСЯЯ, I – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

ДСЯЯ, II – Диалектологический словарь якутского языка / сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

МонГОТ – Монгол орос толь. – М., 1957. – 715 с.

Словарь якутского языка: в 3 т. / сост. Пек. Э.К. – М.: Наука, 1958–1959.

СИГТЯ, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

СИС – Словарь иностранных слов. – 4-е изд. – М.: Русский язык Медиа, 2007. – 817 с.

СРЯ – Словарь русского языка. – Т. I–IV. – М.: Рус. яз. – 1981–1984 гг.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. – Т. I. – 672 с.; 1977. – Т. II. – 992 с.

ЭРС – Эвенкийско-русский словарь / под ред. А.Н. Мыреевой. – Новосибирск: Наука, 2004. – 796 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М., Наука: 1974, 1978, 1980, 1989, 1997, 2000, 2003.

ЯкутРС – Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М., 1972. – 608 с.

Сокращения

абый. – абыйский говор
амг. – амгинский говор

арх. – архаическое	нюрб. – нюрбинский говор
бул. – булунский говор	ойм. – оймьяконский говор
верх. – верхоянский говор	олекм. – олекминский говор
вил. – виллюйский говор	олен. – оленекский говор
в.-вил. – верхневиллюйский говор	п.-монг. – письменно-монгольский язык
в.-кол. – верхнеколымский говор	рус. – русское
горн. – горный говор	сад. – садынский подговор
др.-тюрк. – древнетюркский язык	сакк. – саккырырский поговор
долг. – долганский диалект	совр. – современный
есей. – есейский говор	ср.-кол. – среднеколымский говор
жиг. – жиганский говор	сунт. – сунтарский говор
id – идэм ‘то же самое’	татт. – таттинский говор
инд. – индигирский говор	токк. – токкинский говор
канг. – кангаласский говор	у.-алд. – усть-алданский говор
коб. – кобяйский говор	уд. – говор удских якутов
кол. – колымский говор	у.-май. – усть-майский говор
лен. – ленский говор	у.-яnsk. – усть-янский говор
лит. – литературный	чур. – чурапчинский говор
м.-канг. – мегино-кангаласский говор	эвен. – эвенский язык
мом. – момский говор	эвенк. – эвенкийский язык
монг. – монгольский язык	якут. – якутский язык
нам. – намский говор	

С.А. Иванов

General and Dialect Names Related to Cattle Breeding

The vocabulary of the traditional Yakut occupation of cattle breeding, horse breeding, hunting and fishing deserves special study. Some of the Yakuts until recently were also engaged in reindeer breeding. It has long been established that the basic terms of reindeer husbandry are the words of Turkic origin. This article discusses the names-terms relating only to the Yakut cattle breeding, namely the names of cattle on productivity and unproductivity, gender-age changes, appearance and habits, as well as their suit. The following names to some extent reflect the long historical development of the Sakha people, their past ties with other tribal groups. We tried to fix all the noticed by us in lexicographical works and dialect descriptions of the name relating to the Yakut cattle breeding. Some of them are provided with brief etymological references in order to demonstrate the above statement. In this way we want to perpetuate the traditional names of the Yakut people, associated with the breeding of cattle, as some of them are now going into the passive vocabulary of the Yakut lexicon and are even at the stage of oblivion.

Keywords: milking cow, cattle, manufacturing bull, working bull, dairy and meat products, bull harness, diseases of cattle, hay-grazing economy.

И.Б. Иванова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.008

УДК 811.512.157

Лексические средства выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке: имена существительные со значением единичности и совокупности

В якутском языке для системного изучения функционально-семантической категории количественности необходимо уточнить вопросы, связанные с лексическим значением имен существительных, которые образуют единое смысловое поле количественности и активно функционируют как в устной, так и в письменной речи народа. В статье в качестве объектов исследования использованы лексические средства выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке – имена существительные, обозначающие единичные в своем роде предметы или совокупность дискретных предметов. Данные лексемы представляют интерес для исследователей тем, что их лексические значения не всегда полностью представлены в толковых словарях. Предполагаем, что данное явление может быть связано с тем, что функционально-семантическая категория количественности представлена более разнообразно в разговорной речи, устном фольклоре, чем в художественной литературе или публицистике. Например, зафиксированы существительные, которые в своем прямом значении не обозначают количество, а имеют совсем иные лексические значения, а в сочетании с категоризирующим существительным могут демонстрировать его количество. В разговорной якутской речи часто встречаются также калькированные варианты выражения множественности, заимствованные из русского языка, которые в толковых словарях не нашли отражение. Ввиду того, что идея неточного множества часто находит свое отражение в именах совокупностей, в статье зафиксированы их функциональные варианты, встречающиеся в устной речи.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая категория, количественность, лексические средства выражения, имена существительные, единичность, собирательность, часть целого.

В настоящее время в якутской лингвистике имеются основополагающие труды по морфологической структуре имени существительного, о способах и средствах образования имен, роли имен в терминологическом образовании, заимствованных именах и т.д. Изучение имен существительных в якутском языке началось с работы О.Н. Бётлингк «О языке якутов» [Бётлингк, 1990]. Первые сведения об именах содержатся в учебных пособиях для школ, учителей, филологов в разделе «Морфология» [Харитонов, 1947], «Грамматике современного якутского литературного языка» [Грамматика..., 1982]. Первое специальное этимологическое изучение имен в якутском языке принадлежит профессору Н.К. Антонову [Антонов 1953; 1971 и др.]. Среди учебников отличаются своей лаконичностью и информативностью пособия для школьников, студентов вузов, учителей, фило-

логов П.С. Афанасьева «Саха билинни тыла. Лексикология» [Афанасьев, 1996] и «Саха билинни тыла. Морфологуя» [см.: Филиппов, 2009]. Современные исследователи якутского языка П.А. Слепцов [Слепцов 1986; 1990; 2007 и др.], Е.И. Оконешников [Оконешников 2004], С.А. Иванов [2010; 2017 и др.] в своих работах решают теоретические проблемы и ищут пути развития изучения существительных в связи с вопросами истории языка, терминологического образования, диалектологии. Несмотря на это, в настоящее время исследование существительных в функционально-семантическом аспекте до сих пор является одним из недостаточно разработанных разделов якутского языкознания.

Для того, чтобы выявить, имеет ли существительное отношение к функционально-семантической категории количественности, т.е. имеет ли оно в своем толковании лексическое значе-

ние количественности, были зафиксированы его лексические значения из «Толкового словаря якутского языка» или «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского, затем рассмотрены функциональные варианты из устной речи.

Имена существительные, обладающие семантикой количественности, можно разделить на следующие лексико-семантические группы:

1. Имена, обозначающие единичные предметы и понятия.

В эту группу входят имена, обозначающие единственные в своем роде (уникальные) предметы и явления, выражающие тем самым абсолютную единичность предмета [Иванова, 2011, с. 41]. Это собственные имена, существительные, представляющие собой индивидуальное наименование отдельного лица, предмета или явления, позволяющее отличать его от других однородных с ним лиц, предметов и явлений. К ним относятся антропонимы – личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы и прозвища людей, а также клички животных: *Баһылай, Уйбаан, Суорун Омоллоон, Эрилик Эристиин...* Сюда входят и топонимы – наименования населенных пунктов, городов, краев, областей, стран и государств, гидронимы и наименования различных географических объектов (морей, океанов, озер, гор, долин и т.д.), названия отдельных общественных организаций и т.д., а также многих космических объектов (Марс, Юпитер и т.п.) [Грамматика..., 1982, с. 108–109]: *Дьокуускай, Саха сирэ, Сунтаар, Халыма, Ый*. Якуты известным им созвездиям давали разные названия: *Үргэл* ‘Плеяды’, *Куйбан кутурук* ‘созвездие Лебедь’, *Аранас сулус* ‘Большая Медведица’, *Тонус аранас сулуһа* ‘Малая Медведица’ и др. [Иванов, 2017, с. 154]. Некоторые из них в разговорной речи могут использоваться по-разному, происходит расширение или сужение лексического значения слова. Например, лексема *үргэл* (тюрк. *үлгэр, үркэр*) представляется обычному якутскому человеку как ‘звезда’. Но в словарях зафиксировано лексическое значение ‘плеяда, созвездие’ [ТСЯЯ, XII, с. 522; СЯЯ, III, стб. 3170]: *Үргэлинэн сабаҕалаатахха, түүн үөһэ чугаһаата быһыылаах*. Амма Аччыгыйа ‘Судя по плеяде звезд, уже наступает полночь’. Слово *Мэндэнэ* – *мэндэги* ‘Орион (созвездие)’ в своем номенклатурном значении подразумевает три близко расположенные

крупные звезды [Иванов, 2017, с. 153; ТСЯЯ, VI, с. 405].

Единичность является первичным значением для следующих наименований людей: *тулаайах, төгүрүк тулаайах* ‘сирота; ребенок или подросток, человек, у которого нет родителей’, *одьунаас* ‘одинец, лучший из лучших’, *огдообо* ‘вдова, вдовец; человек у которого умер муж (жена)’, *аңаардам* ‘холостой, одинокий человек’, *сулумах* (субстантивированное имя существительное) ‘холостяк’ и др. Данные существительные определяют положение человека в семье или обществе как одинокого, лишенного родителей, супруга и т.д.

Выделена группа слов, обозначающих наименования единичных предметов Солнечной системы, таких, как *күн* ‘солнце’, *ый* ‘луна’, *халлаан* ‘небо’. Наименования с семой *дойду* ‘место; родина’: *ийэ дойду, аан ийэ дойду, төрөөбүт дойду* и т.д. с конкретным, номинативным значением могут быть наделены модальным оттенком бесценного чувства уважения, гордости, любви и т.д. к единственному во всем мире месту. Если рассмотреть наименование небесного тела *күн* ‘солнце’, то мы говорим: *күн тыгар* ‘солнце светит’, *киирэр* ‘заходит’, *тахсар* ‘выходит; рассветает’, *сандаарар* ‘сияет’, көсп. *көрөр* ‘светит’, *үөрэр* ‘радуется’, *милчийэр* ‘улыбается’, *ойор* ‘восходит’, *күөрэйэр* ‘восходит’, *угуттуур* ‘согревает душу’, *күнү таптыыбын* ‘люблю солнце’, *күнтэн састым* ‘спряталась от солнца’, *күннээх күн* ‘солнечный день’ и т.д. [Сахалыы тыл ситимин..., 2009, с. 6]. С.А. Иванов пишет: «*Күн* ‘солнце’ у древних якутов имело огромное жизненно важное значение, поэтому неизменно почитали, поклонялись ему... Но, несмотря на это, солнце почти не имеет табуистических и эвфемистических названий» [Иванов, 2017, с. 151–152]. Понятие *күн* в значении ‘солнце’ используется всегда в единственном числе, обозначая при этом целое конкретное понятие, имеющее большое значение не только для одного человека, но и для всего человечества. Абстрактными для существительного «күн» являются значения «определенный момент, в который что-то происходит, отрезок времени», «время» [ТСЯЯ, IV, с. 630].

Наименования абстрактных понятий, относящихся к психологии жизни, человека, такие, как *таптал* ‘любовь’, *дьол* ‘счастье’, *доруубуйа*

‘здоровье’, *ойёбул* ‘поддержка, помощь’, *ойдөһүү* ‘взаимопонимание’ и др., тоже можно добавить в ряды средств выражения количественности, учитывая, что данные понятия несут в себе информацию об единичных и важных явлениях в жизни человека. Например, всегда в единственном числе в языке используется понятие *доруобуйа* ‘здоровье’: *доруобуйа харыстабыла* ‘здравоохранение’, *туруга* ‘состояние здоровья’; *бөбө* ‘физически крепкое, прочное’, *кытаанах* ‘крепкое’, *чэгиэн, чэгиэн-чэбдик* ‘здоровое’, *чиргэл* ‘сильный’, *үтүө* ‘лучшее’, *туйгун* ‘отличное’, *мөлтөх* ‘слабое’ *доруобуйа* ‘здоровье’; *доруобуйа туһугар* ‘за здоровье’; *доруобуйа туһалаах* ‘полезное для здоровья’, *буортулаах* ‘вредное для здоровья’, *кутталаах* ‘опасное для здоровья’; *доруобуйаҕар буустар* ‘получить удар для здоровья’; *доруобуйабын көрүн* ‘следить за здоровьем’, *бөбүргөт* ‘улучшить здоровье’, *харыстаа* ‘беречь здоровье’, *сүтэр* ‘потерять здоровье’; *кытаанах, алмаас курдук, үчүгэй, үтүө доруобуйаны баҕар* ‘желать крепкого, как алмаз, хорошего, доброго здоровья’, *доруобай сырыт* ‘будь здоров’, *муус доруобай буол* ‘стать здоровым’ [Сахалы тыл ситимин..., 2009, с. 79–80].

Существительное *дойду* ‘мир; родина; страна’ (монг. *дайду* ‘езде’, бур. *дайда* ‘земля, свет, местность’ [Афанасьев, 1996, с. 82]) в сочетании с различными адъективами (*абааһы* ‘абаасы’, *үөһээ* ‘верхний’, *орто* ‘средний’, *аллараа* ‘нижний’, *анараа* ‘потусторонний’, *күн* ‘светлый’, и др.) представляет собой фразеологические или сложные словосочетания, которые несут в себе информацию о понятии единственности, важности этого мира. Например, в сочетании с адъективами *ийэ, аан ийэ* ‘мать; материнская; изначальная; вся’, *төрөөбүт* ‘родившая; родная’ обозначает единственное и родное для человека понятие Родины: *ийэ дойду, аан ийэ дойду, төрөөбүт дойду*, которые имеют значение: *Төрөөбүт-үөскээбит сир. Родина, родная сторона // Родная природа. Аан ийэ дойду тупсубута-киэркэйбитэ олус этэ.* Н. Заболоцкай ‘Как же похорошела родина-мать’ [ТСЯЯ, III, с. 158]. Аналогичные значения имеют словосочетания с компонентами *аба* ‘отец; отечество’ и *сир* ‘земля’: *аба дойду* ‘отечество’, *сир дойду* ‘земля, вся земля’.

Следует отметить, что в ряды лексических средств выражения единичности не входят наименования таких явлений природы, как *ардах* ‘дождь’, *буурба* ‘пурга’, *дьүкээбил* ‘северное сияние’, *кустук* ‘радуга’, *кырыа* ‘иней’, *муус* ‘лед’, *салгын* ‘воздух’, *туман* ‘туман’, *хаар* ‘снег’, *хаһын* ‘заморозки’, *холорук* ‘вихрь’, *чабылбан* ‘молния’, *этинг* ‘гроза’, *аам-даам* ‘зимняя стужа’ и т.д. Несмотря на то, что они используются в основном в форме единственного числа, в их функциональном употреблении значение единичности не прослеживается.

Таким образом, существительные со значением единичности, представляющие собой элемент функционально-семантического поля количественности, обладают самостоятельностью в плане выражения и в плане содержания. Сема единичности дорогих для человека понятий подчеркивается в разных моментах: при выражении любви, уважения, важности. Их основная смысловая суть заключается в усилении и ограничении единичности предмета. Приведенный фактический материал показал, что существительными со значением единичности считаются собственные имена, топонимы, антропонимы, также наименования небесных тел, абстрактных понятий.

2. Лексемы, указывающие на совокупность предметов.

В якутском языке совокупность считаемых предметов (когда их больше двух-трех) не всегда называют существительным множественного числа. Данное значение находит свое грамматическое выражение в отсутствии форм множественного числа и неспособности сочетаться с количественными числительными, имя при этом согласуется в основном с глаголом единственного числа. Для того, чтобы сказать, что предметов много, и при этом выразить свое отношение к этому, используют разного рода лексемы, подразумевающие понятие множественности, обилия и т.д. К таковым относятся собирательные существительные, обозначающие неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое, и существительные, выражающие раздельную множественность. В этих существительных значение собирательности является компонентом их лексической семантики: *дьон* ‘народ’, *норуот* ‘народ’, *ыччат* ‘молодежь’.

Следует отметить, что в группу существительных со значением совокупности предметов не входят имена существительные, обозначающие предметы, которые нельзя сосчитать (сыпучие предметы, жидкости, вещества и др.): *кумах куппунтар* ‘засыпали песком’, *саахар атыыластым* ‘(я) купила сахар’. В эту группу не входят также имена, обозначающие общие категоризирующие названия типа *үүнээйи* ‘растения’, *ас* ‘еда’, *миэбэл* ‘мебель’ и т.д., которые могут функционировать самостоятельно, не имея при себе категоризируемого существительного: *ас атыылыыллар* ‘продают еду’, *оууруот аһын үүннэри* ‘овощеводство’ и т.д. Иногда имена этой тематической группы могут обозначать единичный объект: *хортускабытын олортубут* ‘посадила картошку’ – *биир хортуска сымыт саба буолбут* ‘одна картошка выросла размером с яйцо’; *отоммун ыраастаатым* ‘ягоды почистила’ – *бу отон* ‘это ягодка’.

Отдельно можно выделить группу существительных, обозначающих совокупность дискретных предметов, имеющих лексическое значение совокупности одушевленных или неодушевленных предметов, собранных вместе каким-либо образом.

К первой группе относятся имена, обозначающие объединение, сообщество одушевленных предметов. Среди них слова, обозначающие совокупность одушевленных предметов, связанных кровными отношениями (*аймах* ‘родня’, *биис* ‘племя’, *уус* ‘род’) или социальными (*бөлөх* ‘группа’, *түмсүү* ‘сообщество’, *холбоһук* ‘сообщество’), а также скопление животных (*үөр* ‘стадо’, *ыстаада* ‘стадо’). На совокупность мелких животных, насекомых, рыб указывают слова типа *хараам* ‘скопление летающих насекомых’, *бөлүөх* ‘плотное скопление рыбы’. Они в основном используются в форме притяжательного словосочетания с аффиксом принадлежности 3-го лица, единственного числа. Наименования объединений людей могут переноситься на скопления животных, и наоборот, существительные, указывающие на группы животных, могут указывать на коллективы людей, моделируя при этом характерные свойства исходной совокупности. Например, существительное *үөр* обозначает ‘группу животных, птиц, насекомых одного вида: стадо, стая, табун, косяк’: *Хаас үөрэ* ‘стая гусей’, *үөр сүөһү* ‘стадо коров’. А в переносном

значении используется как ‘вражеская банда, орда, свора’: *фашист үөрэ* ‘свора фашистов’ [ТСЯЯ, XII, с. 482].

Лексема *аймах* имеет конкретное лексическое значение: ‘кровная родня, родня по крови; родственные отношения; родня по свойству’: *халын аймах* ‘большая семья’, *ыраабынан аймаҕым* ‘дальний родственник’. А функционально-семантическое понятие количественность проявляется, когда она служит в роли отыменной частицы *аймах* (*аат эбиискэ*), т.е. когда образует имена с собирательными значениями, сочетаясь с существительными при помощи примыкания (*кыыс аймах* ‘армия девушек’, *студент аймах* ‘студенчество’, *обо аймах* ‘детвора’), несет в себе функции суффиксов *-й-*, *-от* (а), *-ств-*: *дьахтар аймах* ‘бабье’, *дьадаҥы аймах* ‘беднота’ и др.

Существительное *уус* относится и к людям, и к животным, обозначает:

1) кровных родственников, людей из одного рода. *Бу Дьүлэй уустара* – *Былатыан Ойуунускай төрөөбүт таайдара*. Суорун Омоллоон. ‘Это род Джюляй – родные дяди Платона Ойунского’ [ТСЯЯ, XII, с. 383]; *аҕа ууһа* ‘род; большая семья; основная единица якутского самоуправления’ [ТСЯЯ, I, с. 251], *ийэ ууһа* ‘материнский род’ [ТСЯЯ, III, с. 592], *кун ууһа* ‘весь народ, все племя якутов’;

2) вид, род животных и растений. *Хаас ууһа* ‘род гусиных’. *Сэлиэһинэй туспа ууһа* ‘отдельный вид пшеничных’.

Архаизм *мөрөй* [ср. *мөрүөн*] со значением ‘куча, толпа’, относящийся и к людям, и к животным, зафиксирован в словаре Пекарского, в Толковом словаре якутского языка: *мөрүөнү мөрүөрдэр* ‘соединяющий в одно общество’ [СЯЯ, II, стб. 1613].

В группу слов, обозначающих совокупность одушевленных предметов, входят слова, заимствованные из русского языка, которые в разговорной речи, и то в переносном значении, обозначают совокупность людей или животных: *хамаанда* ‘команда’, *баанда* ‘банда’, *баартыйа* ‘партия’, *аармыйа* ‘армия’ и др. Например, *аармыйа* ‘большое количество людей, объединенных чем-либо’ (*көсп.* ‘скопление большого количества чем-л. объединенных людей’). Заимствованное имя *баартыйа* также в разговорной речи может иметь значение ‘большое количество товаров’.

Ко второй группе относятся существительные, обозначающие совокупность конкретных неодушевленных предметов.

Лексемы *хайа* 'гора', *муора* 'море' обозначают количество только тогда, когда используются в форме скрытых метафор, другими словами, в виде сравнений без послелого *курдук* 'как'. Их количественный компонент образован в процессе вторичной номинации путем метафорического переноса, т.е. они являются именами существительными с вторичным метафорическим значением количества [Иванова, 2016, с. 84]. В Толковом словаре якутского языка лексема *муора* имеет переносное значение – 'обилие жидкого вещества': **МУОРА** 1. Море. 2. *перен.* Обилие, изобилие. *Сэбирдэх муората оргуйан, силигили чэлгийдэ ийэ тыам.* С. Зверев 'Море листьев забурлило, и лес (мой) ожил' [ТСЯЯ, VI, с. 359]. Например, *муора харах уута* 'море слез', *муора хаан* 'море крови'. А лексема *хайа* в Толковом словаре якутского языка не имеет значения количества, означает только 'значительную возвышенность, поднимающуюся над окружающей местностью; гору'. *Маннай хайа аннынаабы хахыйахтар көстүбэт буоллулар.* Амма Аччыгыйа 'Сначала исчезли из виду березки, которые росли у горы'. Значение *хайа* 'груда мелких вещей' может встречаться только в разговорной речи, как прямое калькирование из русского языка: *хайа сурук* 'гора писем' и др.

В лексических толкованиях названий, обозначающих совокупность мелких вещей (мусор, ключи, заколки, листья, сено и др.), количественное значение является основным, первичным. В якутском языке зафиксировано много лексем, представляющих мелкие предметы, собранные в небольшую груду, кучку, клубок и т.д. В качестве примера здесь можно представить существительные *чөмөх* 'небольшая груда мелких вещей', *чохчо* 'куча чего-л.', *барча* 'что-л., собранное, сбившееся в груду', *бугул* 'копна', *бөөччөх* 'что-л., сбившееся в клубок' и др. Для обозначения связки тонких мелких предметов, помещающихся в ладонь, используются лексемы *тутум* 'маленькая связка чего-л. (например, сена), уместающаяся в кулаке, пучок' [ТСЯЯ, XI, с. 211], *удьурба* 'связка однородных предметов, пук, пучок (напр., лучинок)', *дьөрбө* 'букет'. *Биир удьурба тымтык* 'Связка лучинок'.

Лексема *ситим* 'связка, система' имеет первичное значение 'связь', а также обозначает 'совокупность предметов, которые находятся в этой самой связи', другими словами, 'цепь, вереницу каких-либо взаимосвязанных элементов, являющихся продолжением друг друга; систему организаций, однородных по своим задачам, или учреждений, организационно объединенных в одно целое' [ТСЯЯ, VIII, с. 459–460].

Существительное *бөх* в разговорной речи в большинстве случаев используется для обозначения 'мусор; куча ненужных вещей'. В Толковом словаре якутского языка зафиксировано с пометой *кэпс.* 'разг.': 'белье, одежда и другие мелкие вещи повседневного пользования, пожитки, манатки' *Бөх бөбөтүн атыыластым. Бөххүн хомуна тарм!* [ТСЯЯ, II, с. 469].

Отыменные лексемы в притяжательной форме *эгэлгэтэ*, *арааһа* 'обилие чего-либо', *ийэтэ-абата* 'большое разнообразие чего-либо', *уйата* 'место, облюванное кем-, чем-либо', в сочетании с существительным обозначают не совокупность, а обилие, разнообразие той самой совокупности предметов.

Таким образом, имена существительные являются основными доминирующими лексическими средствами выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке, особенно в категории с нечеткими семантическими границами, такими, как собирательность, совокупность. Совокупность – это понятие, не имеющее грамматических признаков множественности, более того, в форме единственного числа обозначает конкретную множественность через категориальность. Рассмотренные выше лексемы, дискретные языковые знаки, называющие категориальную особенность той или иной единицы, визуализируют, конкретизируют само понятие совокупность. Лексическое значение каждого имени существительного может или не может иметь количественное значение. Существуют слова, у которых количественное значение является ядерным, первичным, и слова, у которых количественное значение является метафорическим, переносным. При этом имя может не иметь отдельной маркировки, или же оно может использоваться с частицами, числительными, прилагательными. Перспективой такого исследования является построение лексико-семантического поля количественности в якутском языке.

Литература

Антонов Н.К. Именное словообразование в якутском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Л., 1953. – 264 с.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. – 174 с.

Афанасьев П.С. Саха билинни тыла. Лексикология. – Дьокуускай: СГУ изд-во, 1996. – 191 с.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – 495 с.

Иванов С.А. Диалектологический атлас якутского языка. Ч. 2: Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.

Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.

Иванова И.Б. Функционально-семантическое поле количественности в якутском языке (на материале микрополя единичности) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 59, № 28 (243). – С. 41–44.

Иванова И.Б. Языковые средства выражения меры объема и веса в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 80–85.

Кулаковский А.Е. Труды по якутскому языку / сост. Л.Р. Кулаковская. – Якутск: Медиа-холдинг Якутск, 2017. – 280 с.

Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха: на материале общей и отраслевой лексикографии. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. – 195 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки и становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 277 с.

Слепцов П.А. Саха тылын историята. – Якутск, 2007. – 290 с.

Филиппов Г.Г. Саха билинни тыла. Морпулуугуя. – Якутск, 2009. – 288 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Якутск, 1947. – 306 с.

Словари

Сахалыы тыл ситимин тылдьыта: аат тыл / хомуй-ан онордулар: Афанасьева Е.Н., Готовцева Л.М. – Дьокуускай: Саха ун-тын изд-во, 2009. – 110 с.

СЯЯ – Словарь якутского языка / сост. Э.К. Пекарский. Т. II, вып. 5–9. 1959. – 2058 стб.

СЯЯ – Словарь якутского языка / сост. Э.К. Пекарский. Т. III, вып. 10–13. 1959. – 3858 стб.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. I (Буква А) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. II (Буква Б) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. III (Буквы Г, Д, Ы, И) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. IV (Букв К) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. VI (Букв Л, М, Н) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. VIII (Буква С – сөллөбөр) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. XI (Буква Т) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. XII (Буква У–Ү) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.

I.B. Ivanova

Lexical Means of Expressing the Functional-Semantic Category of Quantity in the Yakut Language: Nouns with the Meaning of Singularity and Collection

In the Yakut language for the systematic study of the functional-semantic category of quantity it is necessary to clarify the issues related to the lexical meaning of nouns, which form a single semantic field of quantity and actively function both in oral and written speech of the people. The article as objects of research presents lexical means of expression of the functional-semantic category of quantity in the Yakut language – nouns denoting single objects of its kind, or a set of discrete objects. These lexemes are of interest to researchers because their lexical meanings are not always fully represented in dictionaries. We assume that this phenomenon may be due to the fact that the functional-semantic category of quantity is presented more diverse in colloquial speech, oral folklore than in fiction or journalism. For example, fixed nouns, which in its direct meaning does not indicate the number, and have a very different lexical meanings, and in combination with a categorizing noun can demonstrate its number. In the spoken Yakut speech, there are also often calculated variants of plurality expressions borrowed from the Russian language, which are not reflected in the explanatory dictionaries. Due to the fact that the idea of an inexact set is often reflected in the names of sets, the article noted their functional variants, found in oral speech.

Keywords: Yakut language, functional-semantic category, quantity, lexical means of expression, nouns, singularity, collective, part of the whole.

В.И. Харабаева

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.014

УДК 811.512.157

Микрополе неравенства категории компаративности в якутском языке

В статье на материале якутского языка рассматриваются языковые единицы, представляющие собой в совокупности микрополе неравенства категории компаративности. В её рамках наряду с микросистемой равенства выделяется микросистема средств, служащих для выражения значения неравенства. Микрополе неравенства категории компаративности характеризуется выражением различия признаков предметов и явлений действительности. Данное микрополе представляют разные типы степеней сравнения: сравнительная степень, превосходная степень, степени признака. Семантика сравнительной степени заключается в том, что здесь констатируется факт преобладания какого-либо качества в одном предмете по сравнению с другим. Превосходная степень определяет высокую степень качества в одном предмете из множества подобных предметов и явлений. Слова, выражающие степени признака предметов и явлений, показывают отношение субъекта к качеству предмета.

Морфологические средства выражения сравнительной степени в якутском языке представлены аффиксами исходных и сравнительных падежей. Лексические средства выражения сравнительной степени представляют: наречия качества, прилагательные, глаголы с компаративной семантикой. Конструкции, выражающие превосходную степень, представлены конструкциями с наречиями, прилагательными данной семантики, суперлативными конструкциями с существительными и причастиями. К периферии микрополя неравенства относятся аффиксы, представляющие степени признака в якутском языке.

© В.И. Харабаева, 2018

Ключевые слова: категория компаративности, микрополе неравенства, якутский язык, функционально-семантическое поле, сравнительная степень, превосходная степень, степени признака, морфологические средства, лексические средства.

Сравнение как лингвистическая единица рассматривается как сопоставление двух предметов, имеющих общий признак, с целью выяснения их сходства и различия, а также устанавливает изменение интенсивности признака предмета, степень этого изменения, с помощью средств различных уровней языка (лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических).

С точки зрения функциональной грамматики, термину *сравнение* предпочитается термин *компаративность*, который понимается значительно шире первого. При этом учитывается тот факт, что семантика компаративности представляет собой синтез категорий качественности и количественности. Принимая во внимание пересечение этих двух категорий, А.В. Бондарко предлагает отнести компаративность к сфере качественности, «поскольку квантитативный элемент меры (степени) накладывается на качественную основу, причём результат взаимодействия указанных признаков – это именно качество: количественный элемент меры (степени) по отношению к определённому (“исходному”) качеству порождает новое качество» [см.: Теория функциональной грамматики..., 1996, с. 7].

План содержания функционально-семантической категории компаративности составляет совокупность компаративных отношений (равенство / неравенство). План выражения данной категории представляют формальные средства выражения компаративных отношений. Содержание функционально-семантического поля компаративности семантически неоднородно, что позволяет выделить два микрополя внутри данного поля: микрополе равенства и микрополе неравенства. Микрополя также, как и другие поля семантических полей, моделируются по принципу оппозиции «центр-периферия». Ядерные средства характеризуются такими необходимыми критериями, как эксплицитность, специализированность, самостоятельность, регулярность.

Сравнение в языке имеет два принципиально разных результата – установление равенства

или установление неравенства. Равенство подразумевает, что некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени, в противоположность этому конституенты микрополя неравенства устанавливают более высокую или более низкую степени качества по сравнению с исходной формой. Микрополю неравенства присуще «объединение сравниваемых предметов (явлений, лиц) при качественном тождестве какого-либо свойства и не тождественности количества этого свойства в этих предметах (явлениях, лицах)» [Казанцева, 2005, с. 181]. Микрополе неравенства представляют различные типы степеней сравнения: сравнительная степень, превосходная степень, степени признака.

В общем виде функцию компаратива определяют как обозначение «относительной разницы между двумя сравниваемыми предметами по степени того или иного присущего им качества» [Грамматика русского языка, 1960, с. 24]. Обозначаемое компаративом несовпадение степени признака у объекта по сравнению со стандартом может конкретизоваться в двух вариантах: а) превышение стандарта: *үрдүк көрдөрүү* ‘высокий показатель’; б) недостижение стандарта: *намыһах олоппос* ‘низкий стул’.

Сравнительная степень в якутском языке может образоваться синтетическим способом. Слово, обозначающее то, с чем производится сравнение, стоит в форме исходного и сравнительного падежей. Аффиксы исходного падежа *-тан (-ттан)* и сравнительного падежа *-таабар* относятся к ядерным элементам микросистемы неравенства функционально-семантического поля компаративности. В сравнительных конструкциях, где эталон сравнения выражается падежными формами, сравнение идет «по наличию некоторого признака, общего у сравниваемых предметов, по степени этого признака, которая у сравниваемого предмета признается большей, чем у того, с которым он сравнивается» [Васильев, 1986, с. 96].

Конструкции с эталоном сравнения в форме исходного падежа – наиболее древние сравнительные конструкции. Аффикс якутского исходного падежа *-тан* после согласных и *-ттан* по-

сле гласных восходит к древнетюркскому падежу с аффиксом *-ta*, *(-tä)*, *-da* (*-dä*), который также выражал сравнительные значения [Кондратьев, 1970, с.15].

Исходный падеж при выражении сравнительных отношений обозначает предмет, который в каком-нибудь отношении уступает другому. Данный падежный аффикс выражает компаративное значение в следующих видах конструкций: 1) когда в качестве эталона сравнения выступает имя существительное (личное местоимение): *Рита Аляны үһэттэн аллара чинчийэ көрдө уонна киниттэн туох да үчүгэйдээбин булбакка, саннын ыгданнатын баран, түгнэри хайыста* (ЕР, 20) 'Рита посмотрела на Алю сверху вниз и, не найдя то, чем она может быть лучше *нее*, пожала плечами и отвернулась'; 2) когда сравниваются два действия одного лица: *Эн урут онгорбуккуттан бүгүн онгорбутун төһө эмэ ордук* 'По сравнению с тем, что ты сделал раньше, то, что сделал сегодня, намного лучше'.

Вторым типом сравнительных конструкций, в известном отношении подобных рассмотренному, являются сравнительные конструкции со сравнительным падежом. Здесь компаративный элемент оформляется аффиксом сравнительного падежа *-тааһар*. По мнению лингвистов, данный падеж возник на якутской почве [Böhtlingk, 1851; Васильев, 1986]. Выделил его и назвал сравнительным О.Н. Бётлингк [1851, § 595].

Выделяются следующие виды конструкций с падежным аффиксом *-тааһар*:

1) где в качестве эталона сравнения выступает имя существительное (или личное местоимение): *Сикейа доһорунааһар арыый аҕа буолан дуу, Арина кинини эдьийин курдук көрөрө* 'От того, что Сикейа была немного старше своей подруги, Арина смотрела на нее как на сестру' (БЭЭО, 207);

2) конструкции, в которых сравниваются два действия: *Наар үтүрүллэ-мөбүллэ олоруох-тааһар, эрдэ-сылла барбыт ордук* (ЕР, 31) 'Чем все время жить будучи попрекаемой, лучше поскорее уйти';

3) к конструкции сложного предложения, где аффикс *-тааһар* оформляет придаточное сравнительное предложение: *Ол соруудах туолара Колчак бүтүн бир дивизията түгнэри эргийбитинээһэр ордук суолталааһын умнуо су-*

охтааххын (ХС, 46) 'Ты не должен забывать, что исполнение этого поручения более ценно по сравнению с тем, как была разбита целая дивизия Колчака'.

Как видно из примеров, аффикс *-тааһар* «употребляется главным образом при сравнении – противопоставлении с некоторой долей оценкой сопоставляемого в положительную или отрицательную сторону» [Убрятова, 1976, С. 200–201].

Сравнительный падеж широко представлен в устойчивых сравнениях якутского языка, напр.: *Киһи тыла уоттааһар абытай* 'Человеческое слово сильнее огня'; *Кырдьык куннээһэр сырдык* 'Правда светлее солнца' (СФ, 125–126).

Степени сравнения в якутском языке также могут быть выражены наречиями. Наречия качества определяют «действие, указывая его качественный признак или способ (манеру) исполнения» [Грамматика современного якутского..., 1982, с. 344] и образуются от прилагательных с помощью аффикса *-тык*: *үчүгэйдик* 'хорошо', *куһаһаннык* 'плохо', *ыраастык* 'чисто', *суостаахтык* 'грозно' и т.д. Способ протекания действия, с которым производится сравнение, может быть либо вполне конкретным, напр., *Аня барыларымтан үчүгэйдик ылыыр* 'Аня лучше всех поет', либо являться нормой, чем-то обычным, напр., *Бүгүн тыал күүскэ үрэр* 'Сегодня ветер дует сильнее (т.е. сильнее, чем дует обычно)'.

Одним из основных способов выражения степеней сравнения являются прилагательные. При сравнении различных объектов или состояний сопоставление идет по линии какого-либо признака, которое и обозначается прилагательным: *үчүгэй* 'хороший', *үчүгэй собуһ* 'довольно хороший'. К ним относятся: 1) непроизводные имена прилагательные, обозначающие признак, непосредственно воспринимаемый органами чувств: *аһыы* 'горький', *ыарахан* 'тяжелый' и т.д. 2) имена прилагательные, образованные от именных и глагольных основ при помощи аффиксов *-мсах*, *-(ы)гас*, *-аһас*, *-ыган*, *-һар*, *-(ы)мтаһай*, *-ыык*, *-с*, *-к* и т.д.

По своему значению имена прилагательные качественные, выражающие сравнительную степень, подразделяются на ряд групп: слова, обозначающие вкусовые качества (*аһыы* 'горький', *солонный*, *кислый*), *минньигэс*

‘сладкий, вкусный’); слова, обозначающие вес, размер (*ыарахан* ‘тяжелый’, *чэпчэки* ‘легкий’, *улахан* ‘большой’); слова, обозначающие степень нагретости, температуру чего-либо (*итиш* ‘горячий, жаркий’, *ичигэс* ‘теплый’, *сөрүүн* ‘прохладный’); слова, обозначающие общую качественную оценку предмета (*сага* ‘новый’, *куһаҕан* ‘плохой’, *эдэр* ‘молодой’); слова, обозначающие привязанность, пристрастие, привычность, особую склонность (*оѳомсох* ‘чадолюбивый’, *этимсэх* ‘большой любитель мяса’, *тулуйумтуо* ‘выносливый’, *кыыһырым-таҕай* ‘гневный, раздражительный’, *кэйиик* ‘бодливый’), слова, обозначающие признак по особенности звучания (*бааҕынас* ‘низкий, густой, гудящий’, *курулас* ‘сильно бурлящий’) и т.д.

Глаголам компаративность свойственна в малой степени. В якутском языке есть глаголы, само значение которых состоит в указании на большую либо меньшую степень представленности признака у одного объекта по сравнению с другим: *куоһар-*, *баһый-* ‘превзойти, затмить’, *баһыйтар-*, *хаал-* ‘уступить, померкнуть перед кем-либо’ и т.д. Также к ним можно отнести глаголы, обозначающие изменения свойств или положения в пространстве. В данном случае объектом и стандартом сравнения является один и тот же предмет (явление), но в разные моменты и в разных условиях: *ыараа-* ‘дорожать’, *чэпчээ-* ‘подешеветь’, *кыараа-* ‘сужаться’, *уой-* ‘толстеть’, *тымный-* ‘холодать, охлаждаться’, *куйаар-* ‘становиться жарче’, *манхай-* ‘побелеть’ и т.д.

Наряду со степенями сравнения микрополе неравенства составляют конструкции, выражающие превосходную степень - суперлатив. Суперлатив – наивысшая степень какого-либо признака у объекта по сравнению с другими объектами [Берков, 1996, с. 111]. Характерными отличиями суперлатива от степени сравнения (компаратива) являются: а) ограничения на выбор и способы выражения стандарта сравнения; б) ограничения на денотативный (референциальный) статус объекта сравнения» [Князев, 1996, с. 135].

Центральную зону микрополя неравенства в отношении превосходной степени занимают конструкции с производными наречиями *наһаа* ‘слишком, чересчур, очень’, *олус* ‘слишком, очень, чрезмерно, чрезвычайно’, *адьас* ‘совершенно, совсем’, *сүүнэ* ‘очень’, *дьикти* ‘удивительно, необыкновенно’,

уһулуччу ‘исключительно’: *Бүгүн наһаа үчүгэй күн үүммүт* ‘Сегодня очень хороший день настал’; *Наһаа үрдүк хайа* ‘Очень высокая гора’; *Таһырдьа олус тымныы* ‘На улице очень холодно’. Основной пласт составляют сочетания названных слов с именами прилагательными. Высшая степень качества передается сочетанием заимствованного из русского местоимения *саамай* ‘самый’ с прилагательными: *Саамай эрэйдээх, саамай кыра туһалаах эрэри, саамай кэрэ бултааһын – сааланыы* (АА СК III, 49) ‘Самый интересный, хотя самый трудный и самый невыгодный промысел – охота с ружьем’.

В якутском языке для усиления признака очень часто употребляются прилагательные, в которых представлен максимум какого-либо качества: *сүрдээх* ‘очень, ужасный, внушительный’, *алдьархайдаах* ‘бедственный, страшный’, *сөбүмэр* ‘удивительный, невероятный, внушительный’, *сүҥкэн* ‘большой, огромный, величавый’, *сүдү* ‘великий, выдающийся, громадный, величавый, грандиозный’ и т.д.

Большая степень признака предмета выражается качественными прилагательными. Выделяются следующие формы и случаи передачи качественными прилагательными превосходной степени:

1) усилительная форма прилагательных, выражающая исключительность или особую характерность данного признака: *хап-хара* ‘черный-пречерный’, *кып-кыһыл* ‘очень красный’, *суп-суон* ‘очень толстый’;

2) двусложная форма усиления, образующаяся от первой при помощи прибавления элемента *-ыс (-ис, -ус, -ус)*: *тыбыс-тымныы* ‘совершенно холодный’, *көбүс-көнө* ‘очень прямой’;

3) значение превосходной степени может быть передано через повтор прилагательных (реже наречия) с частицей *да*: *Кини уһун да уһун остуоруйаны кэпсээтэ* ‘Она рассказала длинную-предлинную сказку’. *Халлаан үрдүк да үрдүк* ‘Небо высокое-превысокое’;

4) получение долготы гласного конечного слога первой основы прилагательного: *уһуун-уһун* ‘длинный-предлинный’, *нарыын-нарын* ‘нежный-нежный’: *Кыракый хараҥа балаҕаны сырдатан олоҕбут кырдьаҕыыс-кырдьаҕас доҕору ол курдук атаарар киһи буолла* (АА СК III выход, 165) ‘Он оказался человеком, который

таким образом провожает *старого-престарого* друга, озарявшего собою маленький темный балаган’;

5) функционирование аффикса исходного падежа для передачи семантики превосходной степени в сочетании с повтором основы прилагательного: *сырдыктан сырдык* ‘очень светлый’, *ыраастан ыраас* ‘очень чистый, весьма чистый’, *күндүттэн күндү* ‘самый дорогой’.

Суперлативность также может выражаться конструкциями с существительными, которые выделяют объект среди других однородных, как выдающийся, наиболее значительный и т.п.:

а) конструкция «существительное в основном падеже + то же существительное в притяжательной форме 3-го лица ед. ч.»: *учууталлар учууталлара* ‘учитель учителей’, *ньургуннар ньургуннара* ‘лучший из лучших’, *маастардар маастардара* ‘мастер из мастеров’;

б) конструкция «существительное в исходном падеже + то же существительное в основном падеже»: *дьиктиттэн дьикти* ‘чудо из чудес’, *кэрэттэн кэрэ* ‘прекрасное из прекрасных’, *үтүөттэн үтүө* ‘лучшее из лучших’;

в) конструкция «существительное в исходном падеже + прилагательное в притяжательной форме 3-го лица ед. ч.»: *дьиэттэн үрдүктэрэ* ‘высокий из домов’, ‘самый высокий дом’, *оҕолортон кыралаара* ‘самый маленький ребенок’, *дьонтон дьадаҥылара* ‘из людей самый бедный’, ‘очень бедный человек’.

г) конструкция «существительное в основном падеже + частица *да* + существительное в им. падеже»: *дьиэ да дьиэ* ‘вот дом так дом’, *кыыс да кыыс* ‘вот девушка так девушка’, *куорат да куорат* ‘вот город так город’;

Семантически синонимические конструкции могут образоваться с помощью функциональных модальных слов *хайдах курдук* ‘до чего, как, как это здорово’, *хайдахтаах, хайдахтаах курдук* ‘до чего, насколько’: *Хайдахтаах үчүгэй киинэний!* ‘До чего хороший фильм!’; *Салгын хайдах курдук ырааһый!* ‘До чего же чистый воздух!’. Данные модальные слова выражают эмоциональное усиление говорящим признака предмета высказывания в форме восхищения.

В якутском языке суперлатив может выражаться также конструкциями определенного типа:

1) «причастия + существительное в притяжательной форме 3-го л. ед. ч.»: *Kuһи тулуйбат итииһэ* ‘очень жарко’; *Kuһи эппэт ыарахана* ‘очень тяжело’; *Kuһи кулгааба чункунуур чуумпута* ‘Очень тихо, совершенно тихо’; *Ытыс таһынар ыас хараҥа* ‘Совершенно темно’;

2) «причастие + аффикс исходного падежа + существительное»: *Көрүүхтэн үчүгэй онһук* ‘Очень красивое изделие’; *Истиэхтэн кэрэ ырыа* ‘Прекрасная песня’ и т.д.

К периферии микрополя неравенства относятся аффиксальные образования, реализующиеся в языке как категория субъективной оценки. К данной группе относятся формы прилагательных и наречий, отличающихся от рассмотренных выше своим содержанием. Как пишет В.В. Виноградов, «подобные формы следует отделять от форм степеней сравнения, поскольку их значение состоит не в выражении соотношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета» [Виноградов, 1972, с. 199].

В якутском языке к ним относятся аффиксы, выражающие меньшую степень признака предмета. Аффикс *-тыҥы* присоединяется к прилагательным и придает им значение сравнительно слабой степени признака: *кыратыҥы* ‘мелковатый’, *кыһыллыҥы* ‘красноватый’. Аффикс *-сыар* указывает на недостаточность признака: *мөлтөһүүр* ‘слабоватый’, *курэнсиэр* ‘буроватый’. Слабая степень качества также выражается частицами *собус, абай*: *токур собус* ‘немного кривой’, *синньигэс абай* ‘довольно тонкий’ и т.д.

Исследованный материал показал, что конституенты микрополя неравенства способствуют созданию выразительности и экспрессивности языка, передаче богатства смысловых оттенков и нюансов значения. Микрополе неравенства в якутском языке характеризуется наличием предметных и ситуативных сравнений. Наиболее распространены сравнения, направленные на описание человека, окружающей среды, природных явлений, различных предметов. Микрополе неравенства категории компаративности в якутском языке имеет довольно обширный арсенал разноуровневых средств языка для выражения понятий неравенства, градации признака и разной степени качества предметов и явлений.

Литература

Берков В.П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики: Качество. Количественность: сб. – СПб.: Наука, 1996. – С. 107–129.

Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке / Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1986. – 112 с.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 2-е изд. / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.

Грамматика русского языка. – Т. I. / ред. кол. В.В. Виноградов и др. – М.: Изд-во СССР, 1960. – 719 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1: Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Казанцева И.В. Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2005. – 238 с.

Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 64 с.

Князев Ю.П. Степени сравнения и точки отсчета // Теория функциональной грамматики: Качество.

Количественность: сб. – СПб.: Наука, 1996. – С. 129–145.

Теория функциональной грамматики: Качество. Количественность: сб. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II: Сложное предложение. Кн. 1 / Е.И. Убрятова. – Новосибирск, 1976. – 214 с.

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten / O. Böhtlingk. – Spb, 1851. – 640 s.

Источники

АА СК III – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Якутск: Кн. изд-во, 1963. – 682 с.

ЕР – Елена Романова. Таптал: кэтэһии, таннары, эрэһии. – Дьокуускай: Бичик, 2016. – 128 с.

БЭЭО – Барыта эн эбээт, олох... – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 320 с.

СФ – Саха фольклора. – Новосибирск: Наука, 1996. – 336 с.

ХС – «Хотугу сулус», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган Союза писателей ЯАССР.

V.I. Kharabaeva

The Micro-field of Inequality of the Comparative Categories in the Yakut Language

The linguistic units are considered in the combination of the micro-field of inequality of the comparative category on the material of the Yakut language. The category of comparison along with the microsystem of equality is allocated microsystem of means that serve the expression of the values of inequality. The micro-field of the inequality of the comparative category is characterized by the expression of distinguishing features of objects and phenomena of reality. This micro-field represents different types of degrees of comparison: comparative degree, superlative degree, degrees of trait. The semantics of the comparative degree consists that the fact of the predominance of any quality in one subject in compared with another. Superlative degree determines a high degree of quality in one subject from a variety of similar objects and phenomena. Words expressing the degree of feature of objects and phenomena express the attitude of the subject to the quality of the subject.

Morphological means of expression of a comparative degree in the Yakut language are represented by affixes of initial and comparative cases. Lexical means of expression of a comparative degree are: adverbs of quality, adjectives, verbs with comparative semantics. Construction expressing the superlative degree, is represented by constructions with adverbs, the adjectives of the semantic superlative constructions with nouns and participles. To the periphery of the micro-field of inequality are affixes that represent the degree of trait in the Yakut language.

Keywords: comparative category, micro-field of inequality, Yakut language, functional-semantic field, comparative degree, superlative degree, degrees of trait, morphological means, lexical means.

Т.И. Григорьева

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.009

УДК 81.373.222

Гендерная стереотипизация в паремиологическом пространстве русского и якутского языков

В данной статье рассматривается паремиологическое пространство разносистемных языков как совокупности пересекающихся множеств ограниченных пространств каждой из паремий и выделений ментальных установок разных культур относительно оппозиции фемининности-маскулинности, вербализованных паремиями гендерной направленности. Паремиологический пласт любого языка таит в себе триаду «язык – культура – этнос» в связи с чем, безусловно, является наиболее привлекательным для лингвокультурного анализа и исследования. Приведенный в статье материал является аутентичным материалом для иллюстрирования этнокультурных особенностей и характеристики ярких национальных черт. Необходимо обозначить понятие паремиологическое пространство как некую хаотично организованную совокупность систем, состоящих из отдельных паремиологических единиц. Являясь консервативным, паремиологическое пространство национального языка представляет собой часть национальной картины мира, которая организует гендерные стереотипы, характерные для той или иной культуры.

В ходе анализа материала, представленного в статье, соблюдался следующий алгоритм исследования: определение ментальной установки той или иной паремии; выделение образа, лежащего в основе паремиологической единицы; анализ особенностей употребления рассматриваемых паремий. Сопоставление паремиологических пространств русского и якутского языков позволило наиболее ярко выявить особенности национальной картины мира исследуемых языков.

Ключевые слова: гендер, стереотип, фемининность, маскулинность, паремия, паремиологическое пространство, паремиологическая единица, картина мира, фразеология.

Социокультурная обусловленность пола, его ритуализация и институционализация делают правомерным изучение гендерных стереотипов в языке. Стереотипы – неотъемлемые компоненты массового и индивидуального сознания, благодаря которым происходит необходимое сокращение восприятия и иных информационных и идеологических процессов в сознании, что значительно экономит познавательные усилия человека.

Согласно положению Н.В. Уфимцевой, выделяются, во-первых, культурный стереотип, как инвариантный образ данного фрагмента мира, присущий тому или иному этносу, во-вторых, стереотип этнический [Уфимцева, 1995, с. 57]. Главное их отличие состоит в том, что этнические стереотипы не доступны саморефлексии «наивного» члена того или иного этноса и являются фактом поведения и коллективного бессознательного, им невозможно обучить, а культурные стереотипы доступны саморефлексии, являются фактами поведения, сознания

(индивидуального и общественного) и индивидуального бессознательного, им можно обучать.

Выявление гендерных стереотипов, отраженных во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского и якутского языков, позволяет определить, какие признаки приписывают представители разных культур женщинам и мужчинам, а также нормы, регламентирующие их гендерное поведение. Фемининность и маскулинность – это динамичные, исторически изменяемые понятия. Они присутствуют в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». Вместе с тем стереотипизация и аксиологическая шкала гендера не совпадают в разных культурах. Также различаются социальные роли мужчин и женщин. Как правило, они регламентированы; такая регламентация стереотипизируется, а затем функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное / неправильное».

© Т.И. Григорьева, 2018

Мужественность (маскулинность) и женственность (фемининность) являются основными атрибутами общественного сознания. По своей природе эта дихотомия универсальна и присутствует в любой культуре, вместе с тем включает в себе специфику, свойственную той или иной общности (этносу). Так, например, согласно В.Н. Телия, одной из базовых метафор в русской культуре является «малая ценность женского ума», например в выражениях: «женская логика», «женская литература», «дамский роман» [Телия, 1996, с. 83]. Или в поговорках: *Женские умы, что татарские сумы (переметные);* *Добрая кума живет и без ума; Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Перекати-поле – бабий ум* [Даль, 1998, с. 544]. Подобное отношение к женскому уму просматривается и в якутской культуре, примером может служить поговорка якутского языка: *Дьахтар оронуттаан туран уот оттуор диэри түүрт уон санааны саныыр 'Женщина, пока с кровати поднимется и разведет огонь, успеет передумать сорок разных мыслей'*. Та же мысль во ФЕ: *Оронугар барыар диэри дьахтар суус санааны саныыр 'Пока дойдет до постели, женщина передумает сто мыслей'* [Емельянов, 1965, с. 246]. Подобная метафора наблюдается и в русском материале, в ФЕ: *Пока баба с печи слетит, семьдесят семь дум передумает*. Данные поговорки демонстрируют не только поверхностное и чрезмерное вариативное мышление женщины, но и, определяя ограниченность ее жизненного пространства, подчеркивают недалекость женского ума.

Дьахтар санаата аһынааҕар кылгас 'Женская мысль короче ее волос'. Более полный вариант этой поговорки говорит о нетерпеливости женщины, согласно якутскому предположению о зависимости вспыльчивости от размера грудной клетки: *Дьахтар санаата аһынааҕар кылгас, көхсө сизэбинээбэр кыараҕас 'Женская мысль короче ее волос, полость туловища уже рукавов'* [Нелунов, 1998, с. 287].

Несмотря на то, что в исследуемых культурах прототипической чертой является ограниченность женского интеллекта, имеются некоторые расхождения, которые обусловлены национальным характером данных этносов. В якутской фразеологии не наблюдается значительного количества ФЕ с отрицательной кон-

нотацией женского ума, вместе с тем не найдено ФЕ с положительной оценкой. Интересно противопоставление интеллекта женщины и старика, а не мужчины и женщины: *Аҕам киһи санаата улуу сыһыы унуоргу өттүн туоруур, дьахтар санаата аһын саҕатын ааспат 'Думы старика на потусторонний край великой поляны переходят, думы женщины не длиннее ее волос'* [Кулаковский, 1979, с. 479]. На наш взгляд, здесь прослеживается презрительное отношение к женщине, ум которой уже ума мужчины, пережившего свой расцвет. Можно отметить несомненное совпадение в употреблении сугубо женского признака «длинные волосы» в связи с недалеким умом, который приобретает признак атрибута женской глупости: *Волос долог, да ум короток*. В русской культуре наличие ума у женщины не отрицается, но рассматривается с бытовой точки зрения. От него зависит благополучие семьи: *Женский ум лучше всяких дум; Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша; Утро вечера мудренее, жена мужа удалее; Умная жена, что нищему сума* [Даль, 1998, с. 396]. Однако эта небольшая часть пословиц русского языка, положительно оценивающая способность женщин мыслить, скорее отражает жизненный опыт женщины, практическое мышление, выражающееся в здравом смысле. Фразеологизмы без четкой гендерной маркировки соотносятся больше с маскулинностью, так как имеют, на наш взгляд, скрытую мужскую референцию. *Умному – намек, глупому – толчок; Птице – крылья, а человеку – разум; С умным разговариваться, что меду напиться; Умный рассудит, а глупый осудит; Умный человек слова на ветер не пускает* [Войнова, 1994, с. 487]. Большинство ФЕ со значением «ум» имеет мужскую референцию: *Ростом с Ивана, а умом с болвана; Не за бороду, за ум жалуют*.

В русской лингвокультуре находится обширный пласт ФЕ, характеризующий данный концептуальный признак, разделенный на оппозицию УМНЫЙ / ГЛУПЫЙ: *Дураки часто осмеивают умных, умные же всегда дураков жалеют; Ума не много надо, чтобы дураком назвали; Умному – намек, глупому – толчок; Умный любит учиться, а глупый – учить; Умный смиряется, глупый надувается; Умней себя наставлять – в реку воду таскать; Дурака учить – в*

решете воду носить. Согласно определению В.Н. Телия, под оценкой понимается «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства» [Телия, 1996, с. 109]. Данные фразеологизмы выступают в оценочных сочетаниях и обладают как пейоративным, так и мелиоративным значением: *Нос с локоток, а ума с ноготок; С умным разговариваться, что меду напиться; Умный рассудит, а глупый осудит; Умный слышит с полслова; Умный и согрешит, и поправит; Кто умен, тот силен; Кто умнее, тот победит скорее; Кто умен, тот скорее победу достанет*. В русском языковом сознании ум – привилегия мужчины: поэтому ФЕ содержат существительные, местоимения, глаголы мужского рода, а также атрибуты, относящиеся к мужчине, например, *борода: Борода выросла, а ума не вынесла; Ум бороды не ждет; Борода уму не замена; До седой бороды дожил, а ума не нажил* [Войнова, 1994, с. 42]. Эта гендерная асимметрия свидетельствует о существовании стереотипа о том, что ум – больше привилегия мужчины, нежели женщины. *Мужик берет силой да умом, баба – хитростью; Мужик-то сер, а ум-то у него не волк съел; Мужик в землю смотрит, а на семь сажень видит; Мужик хитрее черта; Мужик умен, да мир дурак*.

Также отметим, что ФЕ трансгендерной референции с кодом ментальной характеристики стоит отнести к характеризующим скорее маскулинность, чем фемининность, учитывая андроцентрическую направленность наивной картины исследуемых этносов.

В рассматриваемых культурах признак ума, разума или его отсутствие ассоциируется с головой: *дубовая голова, дырявая голова, садовая голова, куриные мозги, голова не варит, кумах мэйиш, хонхо бас 'мозг из песка, пустая голова'*. В качестве специфики ментальной характеристики у разных этносов можно отметить то что в русском языковом сознании смысловой компонент «голова – вместилище ума» более значим: *Голова без ума, что фонарь без свечи; Без ума голова – котел; Без ума голова – лукошко*.

В якутской паремии: *Килэбир харах, көппөбөр мурун, көндөй көбүс. 'Глаза выпученные, нос торчит, а туловище полое'* – достаточно отчетливо прослеживаются полярные значения УМНЫЙ, НАПОЛНЕННЫЙ / ГЛУПЫЙ, ПУСТОЙ. Но вместилищем здесь выступает

весь человек, значение *голова* имплицитно присутствует в лексемах «глаза» (*харах*) и «нос» (*мурун*). Выпученные глаза и нос свидетельствуют о заполнении чего-то до отказа, чего на самом деле нет – туловище (*көбүс*) пустое. Похожее значение пустоты как признака глупости присутствует во ФЕ *көмүрүө мэйиш 'мозг из ноздреватых костей'*, данный соматизм также имеет значение косности ума, некой «твердолобости». Но в паремии: *Бил баһыттан сытыйбытыгар дылы 'Подобно тому, как таймень, начал гнить с головы'*, употребляемой относительно умного человека, который допустил ошибку, голова предполагается вместилищем ума. В якутском представлении интеллектуальная способность человека связывалась с умением абстрагировать и иронизировать, умный человек также не склонен к злобности и насмешкам: *Бэрт киһи бэтиэхэлээх, үтүө киһи үгэлээх 'Бойкий человек любит зло потешаться, а умный любит говорить иронично и иносказательно'*.

Во ФЕ русского фразеологического фонда встречаются соматизмы с лексемой *лоб*: *сократовский лоб, высокий лоб*, имеющие значение *умный*. Представление об уме как о высшей ментальной характеристике универсально для исследуемых языковых картин.

Интересно, что одна из характеристик мышления – память, не найдена в русских ФЕ, а в якутском фразеологическом фонде ум и память (воспоминание) связаны: *Оҕоло мэйиш 'ум (память), как у птицы оҕоло (лесная шаврица)'*. В этом зоотропе отражено наблюдение за птицей, которая безошибочно находит под снегом припасы на зиму. Положительная оценка дана как памяти, так и предусмотрительности человека. Необыкновенно красочная метафора во ФЕ: *Сир түннүгэ 'окно земли' (об очень умном человеке, любящем философские беседы)*. Смысловое наполнение данной паремии говорит о том, что ум может расширить некие рамки и служит не только своему обладателю, но и тем, кто с ним соприкасается. Также яркая метафора присутствует во ФЕ: *улар мэйиш, куба олоорон 'глухариные мозги; озирающийся как лебедь (мнящий себя лебедем)'*. Этот зоотроп перекликается с русским фразеологизмом *куриные мозги*. Кроме того речь идет о самовлюбленной, самонадеянной глупости, основанной на образе токующего глухаря, который в это время не слышит ничего вокруг.

В русской лингвокультуре ум представлен божественным даром, который может быть отнят или которым может быть одарен любой человек, вне зависимости от его усилий: *Бог ума не дал; Бог ума лишил; Не путай божий дар с яичницей*. Подобное отношение к уму, с одной стороны, подчеркивает его высокую ценность для этноса, с другой – демонстрирует набожность и религиозность русского народа.

Относительно стереотипов мужского и женского нрава в паремиологическом пространстве рассматриваемых языков присутствуют паремиологические единицы, описывающие женский характер в отрицательной коннотации. Что скорее связано с предписанием определенных норм поведения и, зачастую, с неодобрением негативных черт характера, чем с негативным отношением к женщине. Можно отметить, что многие из порицаемых черт женского нрава совпадают, такие, например, как болтливость, капризность, непредсказуемость. В анализируемой якутской фразеологии имеются ФЕ с референцией злобность, но с лексемой «злая» не найдено, что, очевидно, объясняется недостаточной изученностью фразеологии якутского языка.

В якутской культуре чаще порицается злоязычность: *Хагдан оттоох сизгэ олоруо суох кутур. 'Ее опасно садить рядом с сухим сеном'*. А.Е. Кулаковский в своей поэме «Портреты якутских женщин» описал злоязычную женщину так: *«Санарарга сах ууһуттан аналлаах, үөхсэргэ үөдэн ууһуттан үһүттэриилэх, этиһэргэ ис-иһиттэн имэннээх... хата хагдан оттоох сиргэ хаһан эмэ олоодоойобут 'Словесным зудом от бесов заразившаяся, брани-ругани от ведьм научившаяся, недержанием речи постоянно страдающая... рядом с сеном ее не сажайте, от ее злости сено сгорит' [Кулаковский, 1979, с. 119]. Но болтливость тоже порицаема: Бэлэһигэр биэс (икки) иннэлээх '(Она) с пятью (или двумя) иглами в глотке'.*

В русском народном представлении женщина также отличается словоохотливостью, но также ей нельзя и верить: *Баба бредит, да черт ей верит; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Волос долог, а язык длинней (у бабы).*

Достаточно примеров о капризности женщины: *Ехал бы прямо, да жена упряма; С бабой не сговоришь (не убедишь). Тэбэнэттээх дьахтар сааскы халлаан курдук. 'Капризная женщина,*

что весеннее небо'. В ходе анализа материала русского языка выявлены 44 ФЕ, содержащие признак ЗЛОБНОСТЬ, что составляет 11,8% от общего числа феминномаркированных примеров. *От злой жены не уйдешь; От злой жены одна смерть спасает да пострижение; Злая жена сведет мужа с ума; Перед злой женой сатана – младенец непорочный*. Неким эталоном порицаемого женского характера является именно злая жена. Здесь также можно отметить сходство сравнений злой жены с нечистой силой, что в якутском материале не найдено. *Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Баба да бес – один у (в) них вес.*

Достаточно ясно прослеживается стереотипное представление о том, что говорить неправду свойственно женской природе. *И дура-жена мужу правды не скажет; Не всякая жена мужу правду рассказывает*. Также представлен ряд паремий с предостережением адресату – мужчине о лицемерии и коварстве женщины, жены: *Не верь ветру в поле, а жене в воле; Не верь жене в подворье, а коню в дороге; Жена ублажает, лихо замышляет; Ойобор эрэнимэ, эркингин эрэн. 'Не надейся на свою жену, а надейся на свою стену' [Емельянов, 1965, с. 187]. Непредсказуемость женской натуры нашла отражение в паремиях: Дьахтар санаатын дьахтар табар 'Женщине может угодить (понять) только женщина'. Иными словами, мужчина никогда не поймет женщину. В пословице: Дьахтар арай умуһабын буоругар хараба туолар 'Женщина довольна только могильной землей', говорится о невозможности угодить женщине. В русском материале тоже достаточно ФЕ на эту тему: *На женский норов, нет угадчика; У бабы семь пятниц на неделе; Баба да бес – один у них вес*. Эмоциональность женской натуры также отмечена в русской лингвокультуре и нашла свое отражение в многочисленных ФЕ о женской слезливости: *Баба слезами беде помогает; У баб да у пьяных слезы дешевы; Без плачу у бабы дело не спорится*. В якутской культуре женщина должна быть сдержанной, не афишировать свои слезы ни при посторонних, ни при муже. Интересно отметить, что паремий о своевольности женщины в якутском языке не обнаружено, а в русской лингвокультуре такие паремии имеют в основе один и тот же атрибут мужского признака (*штаны*), в данном случае это*

также говорит о андроцентричной направленности языковой картины: *Этой бабе (барыне) только бы штаны надеть*. Наличие фразеологических единиц, в которых выражается сомнение в добродетельности женщины, также является универсальным: *Көтөр түспэтэх маһа суох, кыыл сылдыбатах симилэбэ суох* 'Нет такого дерева, на которое не садилась бы птица, нет такой трущобы, куда не забегал зверь' (смысл: нет такой женщины, которая не согрешила бы с мужчиной хоть раз в жизни, хотя бы случайно); *Муж того не знает, что жена гуляет*. В обеих лингвокультурах рассмотрены самые яркие этнокультурные стереотипы мужского характера. В русской культуре одним из базовых качеств мужского характера является понятие «удаль», это качество отличается от смелости и мужества, в лексеме «удаль» внутреннее наполнение больше связано с бесшабашностью, любовью к риску, способностью к отчаянным поступкам, входит в репрезентацию «молодечество»: *Удаль города берет; И стар, да удал: за двоих стал; Удалого по приему знаешь; Удалой долго не думает; Удалому море по колено; Удалому все трын-трава; Удалому все нипочем; Сколько удалства, столько и дурости* [Войнова, 1994, с. 488]. Данное качество можно считать национальной особенностью, связанной с простором, размахом и широтой русской души, удаль подразумевает наличие пространства, где можно ее проявить, особую смесь буйного нрава и русского «авось».

Русская языковая личность транслирует трудолюбие как одно из качеств мужского образа. В русской культуре эта черта отражена во ФЕ с явной мужской референцией, чаще употребляется лексема *мужик*: *Мужику одна забота, чтобы шла путем работа; Мужик без топора, хуже бабы; Мужик добрый не проказник, работает и в праздник. Мужик умирать собирайся, а земельку паши; Мужика не шуба греет, а топор*. В якутском языке интересна репрезентация трудолюбия через соматизм *сүрэхтээх киһи* 'мужчина (человек) с сердцем, трудолюбивый мужчина (человек)', сердце в данном контексте выступает как источник энергии. В якутских паремиях трудолюбие также является важной характеристикой человека: *Сүрэхтээх киһи сүгүн буолбат* 'Трудолюбивый мужчина без дела не сидит'; *Сүрэхтээх сүгүн өлбөт*. 'Трудолюбивый

напрасно не умрет'. Якутское народное представление трактует трудности как благо для мужчины. *Эдэр киһи эрэйэ-дьоло* 'Для молодого человека трудности – счастье'. В трудностях вырабатывается терпеливость и стойкость, которые высоко ценятся в мужчине. На тему терпеливости есть пословицы-прескрипты, описывающие идеальный образ настоящего мужчины: *Эр киһи уһун санаалаах, киэн көбүстээх* 'Мужчина имеет длинную мысль, широкую полость спины'. По представлению якутов, «широкая полость спины» – атрибут терпеливости, выносливости. Воспитание этих качеств начинается с раннего детства, наказания готовят юношу к жизненным испытаниям: *Уол оҕо уон эттээх-тириилээх* 'У добра молодца десять телес и десять шкур' (много может вытерпеть) [Кулаковский, 1979, с. 191]. Эти же качества отражены в паремии: *Тохтор хаана суох, ыалдьар этэ суох, быстар тыына суох* 'В нем нет проливающейся крови, нет чувствующего тела, нет прерывающегося дыхания' [Там же, с. 180].

Другая паремия: *Уол оҕо саадабын үстэ курданан (эбэтэр ыйаан) баран киһи буолар* 'Добрый молодец не пропадет и после того, как он трижды повесит на дерево чехол своего лука' [Нелунов, 2002, с. 424], отражает не только терпеливость, но и умение не падать духом, быть упорным и настойчивым. У древних якутов, охотников и воинов, потеря лука и стрел могла произойти лишь в самых крайних случаях, внутреннее наполнение пословицы утверждает, что даже после многих поражений можно добиться своего, в выражении *киһи буолар* 'станет человеком' имплицитно присутствует коннотация неприемлемости слабости и трусости. Решительность также свойственна якутскому мужчине: *Тонтон толлубат (торуллубат), ириэнэх-тэн иннибэт* 'Не отступающий перед мерзлым, не останаливающийся перед талым'. В данной паремии присутствуют эвфемизмы, обозначающие оппозицию свой / чужой, лексема «тон» 'мерзлый' (чужой человек не говорящий по-якутски), лексема «ириэнэх» ('талый') означают владеющего языком, то есть своего. Значение паремии – не боится ни чужих, ни своих.

Универсальным качеством мужского нрава в исследуемом материале можно назвать дух соперничества. Якутская паремия, подобная русской поговорке – *Два медведя в одной берлоге не*

улягутся – более детализирована: *Икки адьырба энэ биир арбахха кыстаабаттар* 'Два медведя-самца не зимуют в одной берлоге'.

Таким образом, сопоставление паремиологического пространства русского и якутского языков выявило следующие универсальные и национально-культурные особенности:

- стереотип об интеллектуальном превосходстве мужчин является универсальным в исследуемых этнокультурах. Он входит в концептуальное пространство МАСКУЛИННОСТИ / ФЕМИНИННОСТИ и находится в отношении бинарной оппозиции: мужской ум / женская глупость, что вполне вписывается в картину андроцентричности данных лингвокультур;

- концептуальный признак ПРАВ с женской референцией в русской этнокультуре имеет характеристику «злобность», чаще связан со статусом ЖЕНА. Якутский женский образ обладает застенчивостью и невинностью;

- универсальными в женском образе являются болтливость, эмоциональность, капризность;

- русская культура выдвигает на первый план такие черты мужского характера, как удаль, трудолюбие и стойкость. Идеальный образ мужчины в якутской лингвокультуре – стремительный, великодушный и выносливый. В русской культуре мужчина предстает как удалой, трудолюбивый, бесшабашный, кроме того он храбрый и стойкий защитник Родины и слабых. В русском фразеологическом фонде, напротив, обнаружена частотность маскулинномаркированных ФЕ, репрезентирующих трудолюбие. В якутских паремиях трудолюбие также является основной характери-

стикой мужчины, кроме того, особо выделены терпеливость, выносливость и решительность.

Литература

Кулаковский А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Телия В.Н. Фразеология // Русский язык: энцикл. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 605 с.

Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование // Сер. лит. и яз. – 1995. – Т. 54, № 3. – С. 55–62.

Словари

Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Диамант, 1998. – 544 с.

Войнова Л.А. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков / под ред. А.И. Молоткова. – СПб.: Вариант, 1994. – 543 с.

Емельянов Н.В. Сборник якутских пословиц и поговорок / Н.В. Емельянов. – Якутск: Кн. изд-во, 1965. – 246 с.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов. – Т. 1. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 287 с.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов. – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – 420 с.

Телия В.Н., Шаховский И.В. Большой фразеологический словарь русского языка. Значения. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.

T.I. Grigorieva

Gender Stereotyping in the Paremiological Space of Russian and Yakut Languages

This article examines the paremiological space of diverse systems of languages as a set of intersecting sets of bounded spaces in each of the parallels and separations of the mental attitudes of different cultures with respect to the femininity-masculinity opposition verbalized by the gender-oriented paremia. The paremiological layer of any language conceals the triad "language-culture-ethnos" in connection with which, undoubtedly, is the most attractive for linguo-cultural analysis and research. The material presented in the article is an authentic material for illustrating the ethno-cultural features and characteristics of vivid national features. It is necessary to designate the concept of a paremiological space as a kind of chaotically organized set of systems consisting of separate paremiological units. Being conservative,

the paremiological space of the national language is part of the national picture of the world, which organizes gender stereotypes characteristic of a particular culture. During the analysis of the material presented in the article, the following research algorithm was observed: the determination of the mental setting of a particular paremia, the identification of the underlying paremiological unit, and the analysis of the particularities of the use of the paremia in question. Comparison of the paremiological spaces of Russian and Yakut languages made it possible to most clearly reveal the features of the national picture of the world of the languages studied.

Keywords: gender, stereotype, femininity, masculinity, paremia, paremiological space, paremiological unit, world picture, phraseology.

С.Н. Курилова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.013

УДК 811.554

Грани научных изысканий по юкагирской филологии в научных трудах Г.Н. Курилова

Статья дает исчерпывающее представление об успехах в юкагироведческой науке в свете научной деятельности исследователя из числа небольшого по численности юкагирского народа доктора филологических наук Г.Н. Курилова. Будучи учеником выдающихся ученых Е.А. Крейновича и В.И. Цинциус, он получил прекрасную североведческую подготовку филологического профиля, которую подкрепляло рвение изучать и сохранять родной юкагирский язык. Предметом исследований Г.Н. Курилова стали наиболее актуальные аспекты юкагирской филологии – лексикология, словообразование, лексикография, а также фольклор. В языковедческом направлении от изучения особенностей словосложения Г.Н. Курилов выходит на постановку вопроса о путях совершенствования лексической системы языка крайне малочисленного народа, разрабатывает первый юкагирско-русский словарь и активно принимается изучать словарный состав языка тундренных юкагиров в аспекте описательной и диахронической лексикологии. Изыскания фольклорного наследия, в развитии и сохранении которого имеется неоценимый вклад Г.Н. Курилова как собирателя и составителя изданий по юкагирскому фольклору значительно обогатили и укрепили духовную культуру юкагиров в целом. Несомненно, результаты научной работы неутомимого исследователя позволили пустить в научный оборот огромный объем материала, востребованного отечественными и зарубежными коллегами.

Ключевые слова: юкагирский язык, лексика, морфология, словосложение, лексикография, этимология, фольклор, монография, словарь, анализ, значение, аффикс.

Юкагироведение – дисциплина, предметом которой является описательное и сравнительно-историческое изучение языка, а также фольклора, истории и этнографии юкагиров – народа, населявшего несколько сот лет назад обширные территории Восточной Сибири вместе с родственными племенами – алаями, анаулами, когимцами, коромоями, лавренцами, олюбенцами, омоками, онондами, ходынцами, чуванцами, янгинцами, яндинцами и др. Форми-

рование юкагироведения начинается с первых научных публикаций филолога-востоковеда, академика А. Шифнера, который одним из первых собрал и изучил все имеющиеся архивные сведения по юкагирскому языку XIX в., обобщил и объяснил некоторые грамматические явления юкагирского языка. Г.Н. Курилов называет его «подлинным пионером юкагироведения» [Курилов, 2006, с. 7]. Уже к концу XIX в. фактически сохранились всего две локальные группы юка-

гиров – тундренные юкагиры (вадулы) на Нижней Колыме и лесные юкагиры (оулы) на Верхней Колыме. Частично отмечаются небольшие группы ассимилированных лесных юкагиров в Магаданской области и на Чукотке. Этим двум сохранившимся группам тундренных и лесных юкагиров посвятил свои исследования ученый, этнограф и политический деятель В. Иохельсон. Он овладел языком лесных юкагиров; составил первый очерк о юкагирской грамматике (на материале языка лесных юкагиров), словарь, содержащий пять тысяч юкагирских слов; выявил существенные расхождения между диалектами тундренных и лесных юкагиров; выдвинул гипотезу о связях юкагирского языка с уральскими языками и культурных связях юкагиров с аборигенами Северной Америки на основании сходства религиозных и мифологических представлений народов. Благодаря В. Иохельсону до наших дней дошли записанное им в 1895–1897 и 1901–1902 гг. во время экспедиций большое количество образцов языка и фольклора юкагиров, являющихся ценными источниками сведений для специалистов различного профиля. Юкагирская историография 30–60-х гг. XX в. связана с именем выдающегося лингвиста и этнографа Е. Крейновича, который поставил юкагирский язык на твердую научную основу – в своих трудах он описывает фонетический и грамматический строй юкагирского языка, его лексический состав, дает характеристику его синтаксических и диалектологических особенностей, проводит параллели с различными языками, поднимает вопрос о генетических связях юкагирского языка с языками финно-угорских, самодийских и других народов. Во многом благодаря Е. Крейновичу, период 60-х гг. XX в. ознаменовался появлением в юкагироведении носителя тундренного юкагирского языка, вадула Гаврила Николаевича Курилова. Г.Н. Курилов – один из трех талантливейших братьев династии Куриловых – яркий ученый-северовед, переводчик и педагог, поэт и публицист. Одна из основных ипостасей Гаврила Николаевича – это ученый-исследователь. Вот уже около полувека он плодотворно трудится в академической среде. В историю североведения он вошел как один из видных ученых-лингвистов из числа коренных малочисленных народов Севера, сформировавший весомый научный задел в

юкагироведческом направлении, которое теперь невозможно представить без его научных идей и трудов. Его вклад в развитие юкагирского языкознания и фольклора, результаты его научной деятельности крайне востребованы, поскольку круг научных интересов исследователя широк и охватывает лексикографию, грамматику, этимологию, диалектологию и другое в разной степени. В данной статье мы хотели бы озвучить основные направления исследований Г.Н. Курилова.

Словообразование. В 1977 г. по материалам кандидатской диссертации у Г.Н. Курилова выходит в свет монография «Сложные имена существительные в юкагирском языке», явившаяся первым научным трудом, обстоятельно описывающим проблему словосложения в юкагирском языке посредством показателя *-н* и его фонетического варианта *-д* [Курилов, 1977, с. 17]. По мнению автора, сложные слова объектной группы следует рассматривать как особый род связанных словосочетаний, а не самостоятельные лексические единицы в связи с модификативностью определяющего члена (*илэ йауул* ‘след оленя’, *илэн йауул* ‘олений след’, *илэпэ йауул* ‘следы оленей’) [Там же, с. 55]. Особое внимание исследователя занимает вопрос о причинах наличия в юкагирском языке двух способов образования композитов – через простое (*илэ йауул* ‘след оленя’) и аффиксальное словосложение (*илэн йауул* ‘олений след’, *илэд-эн-мур* ‘олений рог’). Он убедительно обосновывает на многочисленных примерах свой вывод о том, что в простом словосложении определяющий член выражает временный, ситуативный признак определяемого, в то время как в словосложении с участием показателя *-н/-д* подразумевается постоянный признак определяемого объекта. Кроме того, Г.Н. Курилов видит в противопоставлении этих образований роль логического ударения, характерного практически для всех уровней системы юкагирского языка. Будучи чутким исследователем и знатоком родного языка, ученый отмечает противоречивую природу этих показателей, предполагая, что причиной этому могло послужить влияние языков окружения – русского и якутского, недостаточное владение которыми привело к нивелированию своеобразных смысловых потенций этих аффиксов [Там же, с. 48, 51, 102]. Он будет по-

стоянно возвращаться к теме словообразования в своих последующих изысканиях.

Лексикология. Особое место в научной биографии Г.Н. Курилова занимает лексикология. В 1994 г. выходит его монография «Образование именных слов в юкагирском языке», ставшая фундаментом для докторской диссертации, защищенной в 2000 г. в Институте гуманитарных исследований АН РС (Я). В 2003 г. Гаврил Николаевич издает на основе уже докторской диссертации монографию «Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка)», выполненную на полевых материалах автора, собранных за почти 40 лет изучения лексики юкагирского языка и юкагирского словообразования, в которой исследователь поднимает совершенно новую проблему не только в юкагирском, но и в североведческом направлении языкознания в целом, а именно: вопрос о путях совершенствования лексической системы языка крайне малочисленного народа. Постановка такого вопроса «стала возможной благодаря наметившейся тенденции к некоторому улучшению языковой ситуации у юкагиров и перспективе на стабилизацию их этнического положения» [Курилов, 2000а, с. 3]. Действительно, в настоящее время все больше юкагиров начинают понимать, как важно владеть своим родным языком. Об этом свидетельствует их возрастающее стремление изучать родной язык на факультативных и воскресных занятиях, в специально созданных WhatsApp-группах, и это при том, что в целом, согласно последним имеющимся данным, носителей тундрового диалекта юкагирского языка осталось около 25 человек, а лесного – менее пяти [см.: Шадрин, 2016, с. 136]. Тем не менее это не отменяет столь нужную и важную деятельность по языковому строительству, подразумевающую усовершенствование литературного юкагирского языка и его обогащение с учетом изменений, происходящих в жизни юкагиров. В этом и заключалась цель исследования – разрешение противоречия, возникающего «между ограниченностью возможностей языка в выражении новых понятий и растущей потребностью народа более полно и адекватно выражать на родном языке все свои мысли и чувства» посредством внутренних ресурсов языка (на базе уже имеющихся в языке лексических и словоо-

бразовательных средств, а также семантического изменения существующих слов), иноязычного лексического материала (якутизмов, прямых и опосредованных через якутский русизмов) [Курилов, 2003, с. 16, 271]. Г.Н. Курилов приходит к выводу, что «юкагирские языки выработали весьма эффективные способы словообразования», о чем свидетельствуют проанализированные им 29 аффиксальных морфов различной степени продуктивности и около 70 моделей продуцирования номинаций новых понятий. Таким образом, юкагирский литературный язык способен за счет своих внутренних ресурсов совершенствовать лексику. И лишь отсутствие эквивалентной единицы для нового предмета или понятия является основной причиной вхождения в речь носителей заимствования из языка-донора [Там же, с. 270–271]. В этой же работе ученый продолжает тему словосложения, начатую в его первом монографическом труде [Курилов, 1977], и называет этот способ словообразования «одним из самых продуктивных способов обогащения словарного состава юкагирского языка» [Курилов, 2003, с. 189]. Он еще более расширяет функции форманта *-н/-д* и видит их перспективность в производстве новых композитов для обозначения отсутствовавших до недавнего времени у юкагиров понятий. Особое внимание привлекает к себе информация, предваряющая исследование относительно двух важных вопросов. Первый касается этнического прошлого юкагиров. После исторического обзора автор приходит к выводу о существовании некогда целой семьи юкагирских языков, носителями которых была семья одулоязычных племен (народов), обитавших на обширной территории Северо-Востока Азии. Второй вопрос затрагивает статус юкагирских диалектов, которые сейчас называют близкородственными, но самостоятельными языками, и их генетическую соотнесенность. Также рассматривается периодизация истории изучения юкагирского языка (в свете работ А. Шифнера, В. Иохельсона, Е. Крейновича, Е. Масловой, И. Николаевой, И. Туркина и др.), анализируются юкагирские слова и фразы, вошедшие в различные источники XVIII–XIX вв. (по материалам Н. Витзена, П. Палласа, Ф. Матюшкина и др.), поднимается проблема генетических связей юкагирских языков с привлечением точек зрения других исследователей

(В. Иохельсон, Х. Паасонен, Б. Коллиндер, К. Боуда, И. Ангере, О. Тайер, Е. Крейнович и др.), актуализируется вопрос о статусе юкагирских языков в составе уральской языковой семьи (на основании языковых соответствий в фонетике, лексике и грамматике) и их связях с языками индейских племен Северной Америки (на основании схожих антропологических, фольклорных и лингвистических данных). Освещение подобных важных вопросов придает монографии многоплановость, что немаловажно при исследовании таких малоизученных языков, как юкагирский.

Помимо этого, Гаврил Николаевич безустанно актуализирует задачи сохранения, изучения и развития родного юкагирского языка в своих докладах на конференциях различного уровня и публикациях – «Проблемы юкагирского языка» [1981], «Родной язык – дух этноса» [1993], «Совершенствование системы образования и стимулирование развития языка и культуры малочисленных народов Севера» [2000в], «Новый взгляд на статус юкагирских диалектов» [2005а], «К вопросу о литературном языке юкагиров» [2011] и др.

Лексикография. Этапной работой не только для Г.Н. Курилова, но и всего юкагироведения явился «Юкагирско-русский словарь» [Курилов, 2001], работа над которым началась в 1980-х гг. в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Словарь представляет собой доработанную версию первого варианта юкагирско-русского словаря, изданного в 1990 г. Он был значительно переработан и дополнен словарными статьями, фразовыми примерами, отредактированными переводами примеров. «Юкагирско-русский словарь» уникален и примечателен тем, что содержит практически все имеющиеся языковые единицы языка тундровых юкагиров тундры, выявленные еще в самых ранних источниках В. Иохельсона и заканчивая экспедиционными материалами А.Н. Лаптева, П.Г. Куриловой и самого Г.Н. Курилова, собранными с 1963 по 1986 г. Для языка, ставшего объектом научного изучения не так давно, подобный словарь (около 11 тысяч слов) является особенным достижением молодой юкагирской лексикографии. Гаврил Николаевич понимал, что востребованность такого издания будет способствовать решению насущных и не

требующих отлагательств задач, поскольку с каждым годом и без того крайне небольшая численность носителей юкагирского языка и культуры сокращается. Сегодня словарь служит своеобразной настольной книгой любого исследователя-юкагироведа, задачи которой не ограничиваются лексикографическими, фонетическими или грамматическими вопросами. Словарь дает достаточно этнографических знаний, сведений, которых так не хватает современным исследователям, не успевшим застать юкагиров в их культурной самобытности в качестве информантов по своим научным интересам. Так, словарь содержит обширную терминологию по оленеводству как одному из основных видов хозяйствования юкагиров. Это автохтонные и заимствованные (главным образом тунгусские) номинации домашних и диких оленей по возрасту, окрасу, характеру; репродуктивным свойствам, состоянию здоровья, целям использования; обозначения предметов, связанных с оленями (например, изделия из оленьих шкур, продукты из оленьего мяса, типы нарт и др.), а также глаголы, связанные с оленями (передающие их характер, манеру движения, привычки и др.). Достаточно разнообразно и полно представлена лексика и по таким видам хозяйствования, как собаководство, рыболовство и охота. И это лишь небольшая доля того, что может найти для себя исследователь в целях обогащения своего фактического материала.

Интерес вызывают слова с пометами архаизм, эвфемизм, иносказательное слово, мифологическое или ритуальное слово, непереводаемое или слово с переносным значением, образное выражение. Имеющийся накопленный языковой материал, вложенный усилиями Г.Н. Курилова и лаборантами разных времен в этот действительно капитальный труд, передает юкагирский быт, склад ума и характер, нашедшие свое выражение в речи. Словарь в таком виде, которым мы сейчас располагаем, во многом стал возможным благодаря полевым материалам самого исследователя. В настоящее время «Юкагирско-русский словарь» взят за основу для «Словообразовательного юкагирско-русского словаря», разрабатываемого в рамках проекта «Лексикология и лексикография языков коренных малочисленных народов Севера: этнокультурный аспект» в отделе северной филологии Института гуманитарных

исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Этимология. Г.Н. Курилов обращался к теме происхождения слов в юкагирском языке в своей ранней работе «Сложные имена существительные в юкагирском языке» [1977]. Накопив достаточно большой опыт лексикологической работы, с 2013 г. Гаврил Николаевич начинает фундаментальное этимологическое исследование лексики языка тундренных юкагиrow. К этимологии он пришел уже как опытный словарник, с пониманием исторической изменчивости слова и, того, что за каждой лексической единицей стоит история и что между словом и его значениями имеются различные, подвижные связи.

Этимологические изыскания, проводимые Г.Н. Куриловым, могут способствовать решению многих проблем в лексикографической деятельности в юкагироведении. Так, например, при составлении словарной статьи лексикографу необходимо правильно определить первичное значение слова в историческом и этимологическом плане, а также последующие – вторичные и переносные. В одной из своих статей автор обосновывает сближение в семантическом плане архаичного корня *aa* в значении ‘неподвижное состояние’ (ср. *aa-pэй* = ‘стать неподвижным’) и лексемы *aарии* ‘ружье’. Огнестрельное оружие вошло в быт юкагиrow с приходом русских завоевателей на Север в XVII в. Для заполнения номинативной лакуны юкагиры не стали заимствовать из русского языка слово ружье (ср. *ужжоо* ‘ружье’ в языке лесных юкагиrow [Николаева, Шалугин, 2002, с. 71]), а прибегли к внутренним ресурсам языка. Таким образом, исходя из значения корня *aa*, выводится «первое» исторически-этимологическое значение лексемы *aарии* как ‘то, при помощи чего достигается неподвижность кого-, чего-либо’ [Курилов, 2013, с. 110]. Вероятно, до появления огнестрельного типа оружия словом *aарии* могло быть номинировано любое другое орудие, способное «обездвижить» объект на расстоянии.

Преодолевать трудности при этимологизации слов Гаврилу Николаевичу помогает не только эрудиция в области лингвистики, истории своего народа и родного края, но и видение мира, характерного для народа, к которому относится сам исследователь. В одной из своих

статей, посвященных этимологии юкагирских слов, он анализирует слово *иэруучэ* ‘охотник’ (именно в такой форме это слово приводится в «Юкагирско-русском словаре» (2001)), корневой элемент *иэ* которого сложно было отнести к определенному этимологическому гнезду. Однако, сопоставив фонематические варианты основ процессивного глагола *иэруу* = ‘охотиться’, согласно информантам из Олеринской тундры, и *йиэруу* =, согласно информантам Халарчинской тундры Нижнеколымского района РС(Я), и проверив данные варианты глагольных основ в парадигме спряжения (*мэр иэрууй* ~ *мэ йиэрууй* ‘охотился=он’), автор находит не только явное звуковое, но и семантическое сходство с рядом таких слов, как *йиэлгэр* ‘дальнее место, известное говорящему’, *йиэлгидьайлэ* ‘послезавтра’, *йиэркэрэ* ‘дальнее, невидимое место или сторона чего-либо’ и др. Все эти слова объединяет один элемент с обобщенным значением, обозначающим дальность, неизвестность, невидимость [Курилов, 2014, с. 104]. Добавим, что пространственный дейксис в юкагирском языке подразумевает не только ориентацию пространства в общем или относительно какого-либо объекта, направления или местности (дистальное, медиальное, проксимальное), но также визуальность (видимость/невидимость) и определенность (известный/условный) [см.: Курилова, 2012]. В итоге Гаврил Николаевич приходит к выводу, что слово *иэруучэ* следует относить к этимологическому гнезду с корнем *йиэ*, и если исходить из поморфемного анализа, то это слово буквально означает ‘идуший в неизвестное пространство’, что указывает на возможную связь с табуированной лексикой [Курилов, 2014, с. 105].

Интересные факты Гаврил Николаевич обнаруживает при анализе слова *надарава* ‘ясак’, композит состоящий из двух элементов – *нада* ‘волк’ и *рава* < *сawa* ‘шкура’. В XVIII в. юкагирам приходилось уплачивать натуральный налог в виде пушнины, который получил в юкагирском языке номинацию *надарава*, что буквально означает ‘шкура волка’. Однако, как выясняется, объясаченные юкагиры не платили налог волчьими шкурами. Обратившись к трудам В. Иохельсона, исследователь обнаруживает, что элемент *нада* восходит к слову в колымских юкагиrow *нодо* ‘животное (зверь, птица)’, поэтому под композитом *надарава* следует по-

нимать шкуру любого зверя, животного [Курилов, 2017б, с. 112].

По мнению Гаврила Николаевича, этимологические исследования малоизученного юкагирского языка, ранее относимого к группе изолированных языков, имеют очевидную научную и общественную значимость в плане установления его происхождения, развития звуков и форм языка, понимания особенностей традиционного мировоззрения и мировосприятия. Выявление архаичных элементов в структуре слова позволит вывести изыскания юкагироведов на широкий, углубленный сопоставительный фон лексики юкагирских и уральских народов.

Результатами своих исследований по юкагирскому языку Г.Н. Курилов всегда спешит поделиться с молодым поколением в большой надежде на сохранение и развитие родного юкагирского языка. В доступной форме он изложил систематизированные сведения о грамматике юкагирского языка в учебном пособии «Современный юкагирский язык» [2006], ориентированном на учащихся школ, ссузов и вузов. Пособие освещает такие уровни языковой системы юкагирского языка, как лексикология, фонетика, грамматика (морфология, словообразование и крайне малоисследованная область – синтаксис). Работа написана на материале языка тундренных юкагиров, который основывается на кириллице. В этом отношении важно отметить другую важную заслугу Гаврила Николаевича – разработка правил орфографии юкагирского языка, положившая начало зарождению письменности юкагиров, которые по возможности полно отражают особенности фонематической и морфологической систем юкагирского языка, особенности написания слов и словосочетаний с адаптированным набором орфографических правил, что могло бы, по мнению автора, облегчить усвоение письменной формы родного языка [Курилов, 1987, с. 8]. В пособии «Современный юкагирский язык» автор в отдельной главе дает дополненные пояснения по графике и орфографии, затрагивая не только их принципы и правила, но вопросы их усовершенствования [Курилов, 2006, с. 48–56]. В этой связи знаменательным является тот факт, что в 2017 г. по рекомендации Г.Н. Курилова в юкагирский алфавит была введена буква *w*, которая ранее не применялась из-за ее отсутствия в русском языке, на

алфавите которого с 1983 г. официально строилась юкагирская письменность. Поэтому содержание пособия «Современный юкагирский язык» крайне актуально и востребовано сегодня как учебными образовательными учреждениями, так и теми, кто изучает этот древнейший язык самостоятельно. Это говорит о Гавриле Николаевиче как о сведущем знатоке родного языка, грамотном дидактике и педагоге-практике.

Свое педагогическое мастерство Г.Н. Курилов начал оттачивать в 1964 г. в Андрюшкинской восьмилетней школе, где работал учителем русского языка и литературы. Позднее он явился одним из основателей кафедры северной филологии филологического факультета Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова (позднее – кафедра северной филологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова), где он преподавал юкагирский язык с 1991 по 2008 г. С 2003 по 2009 г. он активно преподавал юкагирский язык и культуру в воскресной школе при Доме народов Севера в г. Якутске. Г.Н. Курилов «поднял на крыло» целое поколение исследователей – кандидатов наук М.П. Лукину, С.Н. Курилову, А.Е. Прокопьеву, Э.С. Атласову и др., продолжающих развивать его научное наследие и ценное наследие выдающихся юкагироведов А. Шифнера, И. Иохельсона и Е. Крейновича.

Фольклор. Первая деятельность по фиксации фольклора юкагиров начинается в конце XIX в. В настоящее время наука располагает фольклорными материалами, записанными В. Иохельсоном, Е. Крейновичем, А. Лаптевым, С. Куриловым, Г. Куриловым, П. Куриловой, А. Маликовой, И. Николаевой, Л. Жуковой, Л. Деминой и П. Прокопьевой.

Г.Н. Курилов внес особый вклад в собирание и публикацию самобытного юкагирского фольклора. В течение нескольких лет он проводил полевые работы по языку, фольклору и этнографии юкагиров [Тоборуков, 2011, с. 333; Прокопьева, 2017, с. 72]. В 1986 г. Гаврил Николаевич издает фольклорные произведения тундренных и лесных юкагиров на русском языке в сборнике «Сказки и предания Севера», в 1992 г. – «Предания о древних людях» с параллельными текстами на русском и юкагирском языках. Накопленный и апробированный материал по юка-

гирскому фольклору позволил в 2005 г. подготовить и опубликовать уникальное издание «Фольклор юкагиров» (25-й том из серии «Памятники фольклора народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», Москва; Новосибирск), составленное Г.Н. Куриловым. В том вошли образцы фольклора тундренных и лесных юкагиров – сказания и рассказы о древних людях тундренных юкагиров, рассказы и сказки тундренных и лесных юкагиров.

Отдельного внимания заслуживает вступительная статья к тому «Юкагиры и их фольклор», написанная юкагирским исследователем и представляющая собой, с одной стороны, современный научный очерк о юкагирах и их этногенезе, а с другой – серьезную фольклорно-теоретическую статью по жанровым и прочим вопросам фольклора юкагиров. Статья дает подробный анализ истории сбора и публикации фольклора юкагиров, общую характеристику устного народного творчества, а также характеристику жанров юкагирского фольклора и пояснения к терминологии, употребляемой по отношению к жанрам [Варламова]. Так, автор делит повествовательные произведения тундренных юкагиров на две группы – сказки (*караваал*) и рассказы (*ньиэдьил*). По причине синкретизма жанров сказки (*караваал*) условно делятся на анималистические, волшебные, мифологические и бытовые. Рассказы (*ньиэдьил*) существуют в двух разновидностях – собственно рассказы и рассказы о древних людях, которые по содержанию близки к преданиям, легендам и мифам и претендуют на историчность повествования [Фольклор юкагиров, 2005, с. 27]. Г.Н. Курилов также отдельно упоминает еще одну группу произведений, т.н. сказания о древних людях (*чуолэдьиш пундул*). От рассказов о древних людях эти произведения отличаются героическим и социально-бытовым характером (например, «Сказание об Эдилвее», записанное А. Лаптевым от сказителя Н. Трифонова). Такие сказания имели ценное познавательное и воспитательное значение, потому как только поучительный опыт предков способствовал выработке в молодом поколении юкагиров черт «духовного и нравственного своеобразия, свойственного душевному и психическому складу арктического человека» [Там же, с. 28, 39].

В одной из своих публикаций о состоянии юкагирского фольклора Гаврил Николаевич выразил глубокие переживания за свой народ и его культурное наследие, отмечая, что в живой, разговорной форме фольклора юкагиров уже нет. Но при этом сохраняет надежду, что «фольклор юкагиров все же еще долгое время будет давать признаки своего существования», потому как есть ряд факторов, способствующих этому, таких, как сохранение образцов юкагирского фольклора в письменной форме, этническая память при условии преподавания родного языка в школах и реализация Закона РС (Я) «О Суктуле юкагирского народа», направленного на социально-экономическое и культурное развитие юкагиров [Курилов, 2005б, с. 13–15].

Научная и педагогическая деятельность Гаврила Николаевича не исчерпывается работами о юкагирском языке. В своих выступлениях он обращается к проблемам этнического прошлого юкагиров [Курилов, 2000б], уникальным элементам духовной культуры юкагиров [Курилов, 2002], традиционным воззрениям юкагиров [Курилов, 2008]. Он – составитель рецензий и учебных пособий. Так, в 2017 г. был переиздан «Букварь юкагирского вадульского языка» [Курилов, 2017а], представляющий собой адаптированное и дополненное издание учебника «Вадун букварь», ставшего в 1987 г. первым опытом создания подобного учебного пособия на языке юкагиров по инициативе Г.Н. Курилова. Букварь был приведен в соответствие с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта и современными тенденциями начального образования в учебном процессе. Сейчас по этим букварям начинают изучать родной язык дети в школах Нижнеколымского и Устья-Янского районов РС (Я). Для изучающих разговорный юкагирский язык Гаврил Николаевич совместно с А. Атласовым разработали «Русско-юкагирский разговорник» [Атласов, Курилов, 1992], который можно отнести к типу учебных разговорников. Разговорник знакомит с оборотами юкагирского языка, привязанными к определенным речевым ситуациям – знакомство, семья, учеба, покупки, время и др. В целом разговорник был составлен в соответствии с самоучителем якутского языка «Поговорим по-якутски» 1987 г.

Обзор научно-творческой деятельности Г.Н. Курилова дает определенное представле-

ние о том, как, в каком направлении двигалось и как развивалось юкагирское языкознание во второй половине XX в. и начале XXI в. Каждый этап научной деятельности носил целенаправленный, логический характер. Владение родным языком и академические знания позволили Гаврилу Николаевичу провести фундаментальные исследования в аспекте описательной и диакронической лексикологии, инициированные им еще с аспирантской скамьи. Имеющийся зачин по лексической системе юкагирского языка, особенностям и принципам образования слов, а также богатый фактический материал, собранный как лично ученым, так и другими известными юкагироведами, позволили ему перейти на новый этап – составление первого двуязычного словаря на языке тундренных юкагиров. Сегодня неутомимый искатель-исследователь Г.Н. Курилов продолжает свои научные изыскания, обращаясь все больше к прошлому юкагиров и осознавая значимость этимологических исследований в установлении происхождения языка юкагиров, развития его звуков и форм, понимания особенностей традиционного мировоззрения. Красной нитью через его труды проходит стремление сохранить язык предков для будущего поколения и всего мира. Ученики и последователи Гаврила Николаевича гордятся своим выдающимся наставником, соратником и просветителем и ожидают дальнейших достижений в научных изысканиях, посвященных родному языку, народу и краю.

Литература

- Атласов Е.И., Курилов Г.Н. Русско-юкагирский разговорник. – Якутск: Розовая чайка, 1992. – 32 с.
- Варламова Г.И. Фольклор народов Севера. Информационно-аналитический ресурс «Славянская культура». – Режим доступа: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/folk/folklor-narodov-severa.html>
- Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. – Л.: Наука, 1977. – 120 с.
- Курилов Г.Н. Проблемы юкагирского языка // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 125–128.
- Курилов Г.Н. Юкагирский фольклор // Сказки и предания Севера / сост. Г.Н. Курилов, Г.И. Варламова. – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – С. 3–49.
- Курилов Г.Н. Правила орфографии юкагирского языка. – Якутск: ЛОП ЯГУ, 1987. – 32 с.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 354 с.
- Курилов Г.Н. Предания о древних людях. – Якутск: Розовая чайка, 1991. – 46 с.
- Курилов Г.Н. Родной язык – дух этноса // Тезисы докладов международной конференции «Языки, культура и будущее народов Арктики» (17–21 июня 1993 г.). – Якутск: Полиграф, 1993. – С. 7–9.
- Курилов Г.Н. Образование именных слов в юкагирском языке: монография. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 104 с.
- Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2000а. – 48 с.
- Курилов Г.Н. Проблема этнического прошлого юкагиров // Материалы научно-практической конференции «Циркумполярная культура: памятники культуры народов Арктики и Севера» (25–26 апреля 2000 г.). – Якутск: Северовед, 2000б. – С. 43–57.
- Курилов Г.Н. Совершенствование системы образования и стимулирование развития языка и культуры малочисленных народов Севера // Североведение в Республике Саха (Якутия): колл. монография. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000в. – С. 54–124.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
- Курилов Г.Н. Уникальные элементы духовной культуры юкагиров // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Духовная культура народов Севера и Арктики в начале третьего тысячелетия» (19–24 августа 2002 г.). – Якутск: Северовед, 2002. – С. 69–70.
- Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
- Курилов Г.Н. Новый взгляд на статус юкагирских диалектов // Материалы научно-практической конференции «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества» (15 декабря 2004 г.). – Новосибирск: Наука, 2005а. – С. 270–271.
- Курилов Г.Н. Юкагиры и их фольклор // Материалы Международной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» (26–30 ноября 2003 г.). – Якутск: ИПМНС СО РАН, 2005б. – С. 10–15.
- Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.
- Курилов Г.Н. Традиционные воззрения юкагиров на природу // Материалы научно-практической конференции «Север Азии в этнокультурных исследованиях» (15–16 августа 2005 г.). – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 39–47.

Курилов Г.Н. К вопросу о литературном языке юкагиров // Материалы региональной научно-практической конференции «Проблемы изучения и сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (9 сентября 2011 г.). – Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2011. – С. 68–70.

Курилов Г.Н. Этимологический и словообразовательный анализ отдельных лексем тундренного диалекта юкагирского языка с начальным долгим [aa] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10 (28). – Тамбов, 2013. – С. 109–111.

Курилов Г.Н. Этимологический анализ слова йи-эруучэ ‘охотник’ в языке тундренных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Ч. 3, № 12 (42). – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 103–105.

Курилов Г.Н. Вадун букварь = Букварь юкагирского языка (тундренный диалект) / сост. Г.Н. Курилов, Ф.Н. Тагаева, А.В. Третьякова. – Якутск: Бичик, 2017а. – 104 с.

Курилов Г.Н. Этимологическое значение сложных слов надарава ‘ясак’, наданмоойэ ‘полярная сова’ и гидронима Ньяавайнадану // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Ч. 1, № 7 (73). – Тамбов: Грамота, 2017б. – С. 112–114.

Курилова С.Н. Указательно-местоименные наречия места в тундровом диалекте юкагирского языка // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – Т. 72, № 8. – Волгоград, 2012. – С. 76–79.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Юкагирско-русский и русско-юкагирский словарь (верхнеколымский диалект). – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.

Прокопьева П.Е. Курилов Гаврил Николаевич-Улуру Адо. К 80-летию со дня рождения // Якутия – 2018: календарь знаменательных и памятных дат / сост. Л.Т. Ядреева; ред. В.Н. Павлова. – Якутск: Бичик, 2017. – 160 с.

Тоборуков Н.Н. Ученый и поэт УлуруАдо // Альманах «Памятники Отечества». Сер.: Сокровища культуры Якутии. – Вып. 14. – М.: Памятники Отечества, 2011. – С. 332–333.

Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25)

Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – № 4 (10). – Якутск, 2016. – С. 133–144.

S.N. Kurilova

The Facets of Research on Yukaghir Philology by Gavril Kurilov

The paper provides a thorough overview of the success of Yukaghir study in the light of research activities by a Doctor of Philology G.N. Kurilov, representing the minority Yukaghir people. Being a pupil of outstanding scientists E.A. Krejnovich and V.I. Tsintsius, he got profound training on North study in a philological field, reinforced by the eagerness for study and preservation of his native language. The Kurilov's research focused at the most actual aspects of Yukaghir philology as lexicology, word-formation, lexicography as well as folklore. In the linguistic course G.N. Kurilov started his research from an analysis of the word-formation features and fronted a question on ways to updating the lexical system of Yukaghir spoken by a small number of people, he offered the first Yukaghir-Russian dictionary and gave active consideration to Tundra Yukaghir vocabulary in terms of synchronic and diachronic lexicology. G.N. Kurilov's research on folk heritage, with his invaluable contribution to its preservation and promotion as a collector and editor of Yukaghir folklore, has considerably enriched and strengthened the spiritual culture of Yukaghir as a whole. With no doubt the benefits from studies by the indefatigable researcher G.N. Kurilov have allowed introducing a great volume of the material demanded by domestic and foreign linguists into the scientific activities.

Keywords: Yukaghir, lexicon, morphology, word-formation, lexicography, etymology, folklore, monography, dictionary, analysis, meaning, affix.

С.Е. Карманова (Ноева)

DOI: 10.25693/LGI2218-1644.2018.02.23.010

УДК 821.512.157"191/192"

Культурные основы «городского» текста в якутской литературе начала XX в.

В статье предлагается вариант анализа «локального текста» на примере малого провинциального города Якутска; выделены наиболее значимые элементы локального текста города: выявлены специфические уровни в структуре «город», представляющие бинарные оппозиции *центр / периферия, свой / чужой*, которые легли в основу историко-архитектурного ландшафта урбанистического топоса Якутска. Особое внимание уделено рассмотрению ролей «перевернутых» образов в пространстве города. Рассматривается функционирование локальных мифов городского пространства, сформированных из множества нарративных источников, которые состоят из знаковых мест памяти в городском ландшафте.

Исследование подобного ракурса, недостаточно изученного в национальной литературе, в полной мере будет способствовать выявлению уникальных художественных маркеров авторской идеи, также раскрытию образа писателя в качестве оригинального носителя национального самосознания.

Ключевые слова: городской текст, структурные элементы текста, бинарность, город / алаас, «перевернутые» образы, локальный миф.

Изучение национальной образности, этно-поэтических универсалий, установление национальной сферы концептов в литературе, в том числе определение пространственных границ ментальности, рубежей маргинальности (отношение художественного субъекта к пространству) в художественном тексте – такие исследовательские перспективы становятся актуальными в современной литературоведческой науке.

В этом методологическом направлении представляет интерес изучение репрезентации би-

нарной структуры «город / село», активно реализуемой в якутской литературе, которая является одним из наиболее эффективных средств проникновения в концептосферу национальной литературы, в пределах которой наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира.

Цель статьи – выявление особенностей функционирования образа города в якутской литературе. Содержание бинарных оппозиций «*город / село*» и рассматриваемые в его контексте художественные смыслы концептов «*свой / чужой*»,

«старый / новый», «открытый / закрытый», как специфика этнокультурного типа сознания, раскрывают специфический характер якутской литературы XX–XXI вв., сложившейся под влиянием динамичных исторических и культурных процессов. Определение роли данных уровней в структуре «город», исследование проблемы генезиса бинарных образов пространства, рассмотрение амбивалентной природы пространства города представляют интерес в контексте проблемы самоидентификации человека в урбанистическом пространстве.

Отношения между человеком и миром, конкретно географической реальностью, где находится зона его проживания и сформирован его индивидуально-культурный образ, проецируются через так называемый геопозитический дискурс, предметом исследования которого является образ места и основ региональной идентичности.

В ряду исследований геокультурных образов в отечественной науке геопозитические образы русского мира привлекают особое внимание. Так, феноменология понятия «географическая топика» наиболее активно разрабатывается в отечественной науке в последние десятилетия, основываясь на исследованиях представителей московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.М. Гаспарова, Вяч.Вс. Иванова, А.А. Зализняка и др., также работах Т.В. Цивьян, Б.А. Успенского, А.М. Пятигорского и др.

Здесь нужно отметить, что интерес к исследованию локальных текстов, а именно образа города и городских текстов, возник еще в 70–80-е гг. XX в., преимущественно, когда в 1984 г. В.Н. Топоров вводит в научный обиход понятие «петербургского текста». Его работа «Петербургский текст русской литературы», подход к анализу легли в основу дальнейших исследований городских текстов. Московские, петербургские, пермские тексты рассматриваются также в качестве концептуальных систем в трудах Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Д.С. Лихачева, З.Г. Минц, Т.В. Цивьян, Б.М. Эйхенбаум и многих др.

Методология текстологического подхода к культурным феноменам города транслируется позже на региональные, провинциальные географические пространства. В изучении провинциальных текстов русской культуры выделяют-

ся исследования по семантике городской среды (Пермь – у В.В. Абашева, Архангельск – у А.Н. Давыдова, Петрозаводск – у И.А. Разумовой, Челябинск – у Е.В. Милюковой и др.). Также исследуются локальные тексты оренбургского, крымского, калининградского и др. пространств.

Особенности структурирования региональных текстов легли в основу исследований, касающихся целостных геокультурных ландшафтов Урала, Кавказа, Сибири и др. В работах В.В. Абашева, Ю.В. Ключковой, М.А. Литовской, Е.В. Милюковой, М.П. Никулиной, Л.М. Слобожаниновой, Е.К. Созиной, Е.В. Харитоновой, А.С. Подлесных и др. накоплен большой аналитический материал по истории становления образа Урала в русской культуре. Сибирский текст как систему рассматривают многие ученые (А.Д. Агеев, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский, Е.И. Дергачёва-Скоп, В.Н. Алексеев, Е.Ш. Галимова и др.), в чьих работах словосочетание «сибирская культура» имеет широкое употребление. Сибирь, Север предстают как специфичное культурное явление, обладающее определёнными категориями и свойствами (пространство, время, вера, язык, социальная аморфность, носитель данной культуры – сибиряк, северянин и пр.).

Хотя проблема «город / село» специально не становится объектом исследования в якутской науке, вопросы, касающиеся данной методологической проблемы, частично рассматриваются в работах литературоведов П.В. Максимовой (проблема авторского Я в якутской поэзии), В.Б. О कोरोковой (жанровые разновидности якутского романа), Д.Е. Васильевой (романная полисюжетность), А.Н. Мыреевой (образы природы и человека), Ю.Г. Хазанкович (хронотоп кочевья), О.И. Пашкевич (национальная идентичность в прозе), С.И. Ефремовой (хронотоп дороги), С.Е. Ноевой (система хронотопа в якутских романах), а также в исследованиях специалистов, относящихся непосредственно к теме города: Л.И. Винокуровой (город в восприятии мигрантов), В.Б. Игнатьевой (город как место памяти), И.В. Показиловой (образы православного Якутска), П.П. Петрова (городское зодчество) и др. Их исследовательская позиция направлена на раскрытие единого образа северной земли, в т.ч. города, как смысловой структуры, которая проявляется в константности обра-

зов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью в культуре народов Севера.

По отношению к якутской литературе можно говорить о возможности использования понятия «городского» текста, что подтверждается активной дифференциацией художественных элементов, складывающихся в единый текст и образующих целостные культурные коды, которые активно вовлечены в критерии выделения этого особого геопространства. Исходя из проблемы национальной идентичности в контексте «якутского» текста закономерно выделение культурной модели «город / село» в аспекте системы бинарности, где активную роль играет контаминация понятий *открытости / закрытости, своего / чужого, центра / периферии, света / тьмы* и пр., которые образуют разноструктурные модели репрезентации. Об этой черте Текста и говорил Ю.М. Лотман, имея в виду «...кодую гетерогенность – непременную зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовывать единый текст» [Лотман, 1984, с. 3]. Изучение функционирования данных пространственных антиномий сохраняет свою значимость в отношении актуализации глубинного национального подтекста литературы.

В якутской литературе начала XX в. формируется целостный геопозитический образ Якутии, где совокупность художественных элементов, образующих бинарную пару «город / село», образует то текстовое единство, через которое проявляются общее культурное пространство и особое ментальное сознание народа.

Восприятие мира через осознание своего «Я» в якутской литературе на глубинном уровне связано с образом родного края (алааса, тыелбэ-усадыбы), где сформирована личностная модель человека, ментальный образ народа, основан его принцип постижения окружающей среды. Вселенная якута, в которой алаас есть ядро, центр данного мира, состоит из нескольких структурных составляющих – это водные просторы (озеро, река, речка), возвышенности (мыраан, гора, тумул), низменности (толоон, сыһыы, хонуу), растительный мир (лесной массив, растительность). Картина мира, связанная с родным краем, ассоциируется у якута с *домам, ма-*

терью, едой, теплотой, безопасностью и т.д. Алаасу бинарно противопоставлен город, который в качестве одной из основных моделирующих пространство структур, требует более детального рассмотрения в контексте якутской литературы. Алаас в данном исследовании нами рассматривается как смысловой аналог понятия «села», определяющий модель пространства, где оформились эстетические, социальные качества личности, которая в микрокосмосе человека выполняет функцию дома, родного гнезда.

Анализируя корпус текстов о городе Якутске, мы можем выявить городской аспект литературы в качестве особого ментального образа, который сложился под влиянием уникальных субстанциальных элементов. Якутск – это самый северный город, расположенный на вечной мерзлоте, живущий при экстремально-низких температурах. Это город-форпост, расположенный на стыке континентов Евразии и Америки, который выполняет большую социально-политическую роль в развитии огромной территории Дальнего Востока. В нем удивительным образом сосуществуют и развиваются язык и культура многих национальностей, населяющих северный край. И весь этот исключительно глубокий пласт системы жизни на Севере находит своеобразное выражение в «якутском» городском тексте.

Начиная с произведений основоположников якутской литературы А.Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй («Городские девушки», «Красивая девушка», «Сельская женщина», «Портреты якутских женщин», «Скупой богач», «Песня пьяного буржуа», «Сновидение шамана» и т.д.), А.И. Софронова-Алампа («Городчик»), Н.Д. Неустроева («Рыбак», «Дикая жизнь» и пр.), П.А. Ойунского («Дорогунов Николай – удалой молодец»), оппозиции «город / село» занимают большое место в формировании и установлении национальной картины мира, выявлении особых качеств мировосприятия в ментальном сознании якута.

В произведениях писателей геопозитические образы городского пространства и села воспроизведены наиболее колоритно, с использованием довольно контрастных ярких элементов, присущих тому или иному пространству. Так, в поэзии А.Е. Кулаковского наблюдается кардинальное деление картины мира якута на две ре-

алии, представленные, соответственно, городом и селом. В частности, произведения «Деревенская женщина», «Песня столетней старухи», «Скупой богач», «Портреты якутских женщин», «Наступление лета» и др., которые датируются 1900–1910 гг., являются художественной перцепцией сельского социума начала XX в., где наиболее детально отображаются объекты, бытовые явления, события и ситуации, присущие якутскому наслегу.

Наиболее сильную степень чувственной реперцепции вызывает городское пространство для сельского жителя, чей процесс познания мира основан на интенсивности, контрастности, новизне впервые узнаваемой реалии города. Произведения А.Е. Кулаковского «Городские девушки», «Красивая девушка» (1916), «Большая огнедышащая лодка» (1910), «Самолет» (1924), «Песня пьяного буржуя» (1915) и т.д. – это в какой-то мере художественная индикация впечатлений очутившегося в городских реалиях человека, а точнее человека нового мира о себе, людях, социальных явлениях, своих возможностях, также границах пространства, который до того был замкнутым в его понимании мира.

Картина городской среды, запечатленная в произведениях якутских писателей, представляет совокупность нескольких художественных элементов, раскрывающих **внешний** вид, «тело» города:

архитектурных локусов (домов, улиц, рынка, проспекта, больницы, тюрьмы и пр.);

ландшафтных характеристик пространства (низменность, берег реки, возвышенности-мыраан и др.);

метеоролого-климатических условий (холод, мороз, снег, туман, тьма, жара и пр.);

практически-деятельностного аспекта жизни (купечество, торговля, рыболовство, духовенство, просветительство и т.д.);

образа человека начала XX в. (якутские купцы, меценаты, представители духовенства, ссыльные-заключенные, гимназисты, горожане, маргиналы и др.).

В произведениях начала XX в. зафиксированы все эти семантические пласты жизнедеятельности города. Основные урбанистические реалии, присущие провинциальному старому Якутску в виде художественного ландшафта – *озеро Сайсары, якутская башня-острог, Го-*

стинный Двор, Кружало, пригородный поселок Тулагы-Киллэм, гора Чочур Мыраан, Зеленый Луг, река Лена и пр. – это образы-индикаторы городского пространства, очертания и координаты которых уже достаточно четко были сформированы якутскими писателями. Геоидро текста, состоящее из данных образов, дополняется описаниями городских реалий – архитектурных локусов жилых домов, многочисленных улиц, городских базаров, гостиниц, больницы, тюрьмы и пр.

В рассказе А.И. Софронова-Алампа «Городчик» (1927), повести П.А. Ойунского «Дорогунов Николай – удалой молодец» (1935) впервые в якутской литературе появились и обозначились основные образы-маркеры городского пространства – это Гостиный Двор, рынок, гостиница; это персонажи пограничного пространства, выполняющие функцию медиаторов между мирами (городчика Степана и купца Дорогунова), в проекции пути которых можно проследить эффект внезапности, кратковременности, открытости и свободы. В якутской культуре *ыалдьыт* (гость), *хоносо* (ночной гость) являются по своим функциональным характеристикам образами-медиаторами, потенциальными гостями из «других» миров. К таким персонажам относятся также *куораччыт* (городчик) и *атыысыт* (купец), чьи образы имеют непосредственную связь с семантикой дороги.

Амбивалентная природа города, так или иначе связанная с карнавальным культурой (М.М. Бахтин), прослеживается в городском тексте начала XX в. в активном функционировании мотива празднеств – конских скачек, гуляний, ярмарок, вечеринок, картежных игр, пьянств: *«Саргылаах Сайсары эбэ хонуутугар, дьоллоох Дьокуускай туонатыгар, көрдөөх Көстүүнэй иһигэр киһи-сүөһү элбээбит эбит, көр-нар көбүлүттэн тардыллыбыт, оонньуу-кулүү оройуттан аһыллыбыт»*. В поздней литературе этот мотив будет обозначен в описаниях революционных волнений (у И.М. Гоголева, Софр.П. Данилова), тревожных дней забастовки политссыльных в доме Романова (у В.С. Соловьева-Болот Боотур) и т.д. То есть наблюдается расширение и усиление мотива *карнавальности*, всегда несущего в своей основе ощущение некой лихорадочной возбужденности, когда энергия народной массы порождает тот же эф-

фект карнавала, но уже в виде революционных движений, забастовок, локализованных преимущественно в городе.

Гротеск и гиперболизация являются основными художественными механизмами при конструировании городской среды. Гротескность как основной способ поэтики интенсивно проявляется в создании фантастического образа Города Будущего, который обозначен в рассказе П.А. Ойунского «Столетний великий план» (1927).

В произведении воссоздана захватывающая реконструкция облика Якутска: намечены принципиальные моменты, касающиеся реновации городского пространства – ландшафта, строительства домов, улиц, которые становятся неотъемлемой частью современного проекта города будущего с хрустальными дворцами, высокими бетонными домами, оснащенными современными коммуникативными системами: *«Бүтүүбэр тийшэн эттэхпинэ – бу биһиги, ураанхай саха уу харахнытынан көрөр аан ийэ дойдубут киэбэ-киэлитэ тупсуоҕа, ньуура-сирэйэ көнүөбэ, ат атаҕа тостор, оҕус ыырааҕа ыллар адаар мас муосталарбыт адьас суох буолуохтара, өрүс-өрүс, үрэх-үрэх аайы саас үйэ туххары турар тимир-бетон тирэхтээх тимир күрбэлэр оноһуллуохтара, таас суоллар лаһыгырыахтара.*

2013 сылтан 2017 сылга Дьокуускай куорат киэбэ-киэлитэ тупсуоҕа, быһыыта-таһаата уларыйыаҕа. Тимир-бетон дьиэлэр дьэргэһиэхтэрэ, курустаал таас дыбарыастар күлүмнэһиэхтэрэ. Дьэнкир таас уулусталарынан килбэһийиэбэ, араас мастар-оттор үүнүөхтэрэ» [Ойунский, 2003, с. 143].

Качественно увеличивающиеся свойства пространства (расширение, усиление, приумножение, прирост, размножение, возрастание и т.п.), как наиболее точно передающие энергетику городской жизни, раскрываются в субъективных ощущениях человека, когда его тотальная чувствительность создает картину шумной, бурлящей реальности города как динамично-светлого и вместе с тем пугающе-темного мира. Такую высокую степень гиперчувствительности можно наблюдать в описаниях всех реалий урбанистического пространства (движения улиц, процесса конских скачек, игры в карты, пьянок, вечеринок и пр.), где в избытке абсо-

лютно всё – люди, деньги, транспорт, еда, движение, эмоции, веселье, идеи и т.д.

В произведениях А.Е. Кулаковского о первой встрече самолета («Самолет», 1924), большого теплохода («Большая огнедышащая лодка», 1910) создается образ большого, восхищающе-пугающего и как будто живого (!) железного организма, органически слившегося с шумным, громким единым механизмом под названием Город. Смысловая архитектура текста строится на олицетворениях (дьүһүннүүр тыллар, тыыннаа-һымсыгыты), которые придают художественному субъекту черты огромного живого организма Парохода – *уһун субурҕан буруо тыыннаах, уот булкуур сүрэхтээх улуу-дьаалы Борокуот Аал* (досл. *огромная огнедышащая лодка со следом из стелющегося дыма, с огненно-ретиным сердцем*) – восхищающе-завораживающего и пугающе-страшного одновременно: *хаһыытаан хардьы-гынатта, уһуутаан кункунатта, үллэ-үллэ үөгүлээтэ, дьуос-льяакыр тынырабын төлөрүтүннэ, сылаас наарынан сырылаччы тыынна, инсэлээхтик ингиэтиннэ, ынырыктык ынчыктаата, тумсун тупсарынна, кутуругун куйбараннатта, үрдээн күүрөйдэ, улаатан ньондойдо, дыгдайан табыста* и пр.

Реальность и иллюзорность присутствия живого огромного зверя с железным пылающим сердцем, ощущение его очевидной мощи создают высокую степень иммерсивности в удивительное и фантазмагорическое пространство города, порождающего искусственных чудовищ [Кулаковский, 1978, с. 101–102]:

*«Мин барахсан
Куйахам күүрдэ,
Күлгээһым чункунаата,
Кутум долгуйда”.*
*«(...) Бу хаһыытаабытыгар –
Халлааннын хабырытынна,
Сирдиин ньиргийдэ,
Салгынныын сатараата,
Ол уһуутаабыта
Улуу дойду оһуһа
Орулаан эрэрин курдук
Уһун үлүгэрдик
Ол-бу улуу үрэхтэр
Улабаларын диэки
Ой дуораана буолан
Уораһыйан-дуораһыйан
Кункунуу турда...”*

(...) У меня – бедняги –
 В голове зашумело,
 В ушах засвистело,
 Куд-душа затрепетала (...)
 (...) Во внутренность свою
 Просторную
 Народу множество
 Приняла,
 После чего
 Вонзающийся прямо в небо
 Гудок
 Пронзительно-зычным звуком
 Рывкнул несколько раз.
 От рева такого,
 Небо тяжко заскрежетало,
 Задрожала земля,
 Затрясся воздух
 От крика такого,
 Словно от рева
 Сказочного быка земли,
 За далекими лесами и горами
 Прокатилось эхо,
 Гулко и мощно повторяясь (...)

(«Большая огнедышащая лодка» в переводе
 В. Солоухина, С. Поделкова)

Кстати, тут нужно упомянуть, что понимание Якутска как железного города становится традиционным для якутской литературы. Так, в романе писателя следующего поколения И.М. Гоголева «Черный стерх» встречается материал про пророчество удаганки о железном городе с железными птицами и орущими железными быками, бегающими над Сайсарским озером.

Мир города в произведениях первых писателей представляется пространством совершенно фантастическим, открывающим новые возможности для стремящегося к знаниям провинциала, в понимании которого вхождение в городское пространство эквивалентно Пространству Жизни, т.е. Якутск является для него единственным местом для реализации возможности «стать человеком», или иначе *киһи-хара буолуо этэ*. И потому образ семинариста, учащегося духовной семинарии, студента педучилища, пединститута возник как олицетворение героя нового времени в литературе, «героя познающего», который максимально полно реализует свои возможности именно в городском мире. К таким образам можно отнести персонажей А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского,

А.И. Софронова-Алампа, Н.Д. Неустроева, Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона, А.А. Иванова-Кюндэ, С.С. Яковлева-Эрилик Эристина и др., чьими произведениями представлена якутская поэзия и проза 1900–1930-х гг.

И здесь надо отметить, что в восприятии данной среды можно наблюдать такую смысловую дихотомию, когда город, являясь для кого-то символом Жизни, становится для других Смертью / Хаосом.

Так, гимназисты, семинаристы, купцы, меценаты, представители духовенства, якутская интеллигенция начала XX в. и т.д., которые составляют ядро светлой, созидающей, динамичной городской среды, дуально противопоставляются «темным» субъектам городского топоса.

Образы «перевернутого» мира, или оксюморонные образы, становятся типичными для урбанистического топоса, а точнее «уличными» субъектами (*уулусса киһитэ*): это бродяги, бездомные, жулики, картежники, воры, авантюристы, проститутки и др. «темные» личности, прикрепленные к топонимическим реалиям тюрем, бараков, вокзалов. Они исполняют зеркальные по отношению к сельским (аласным) созидующим персонажам функции, характеризующиеся разрушением, потерей собственного Я.

Городская улица, по мысли Д.Н. Замятина, есть «самый загадочный географический образ. Это, в действительности, образ на краю, образ *ad marginem*, ибо на ней и посредством ее сталкиваются, борются, взаимодействуют совершенно различные представления, образы жизни, локализованные случаем в одном урочище» [Замятин, 2004, с. 212].

Восприятие города в качестве хтонического темного пространства, раскрывающего людские пороки, усматривается в дуальной сущности «перевернутого» образа в повести П.А. Ойунского – красавицы Суосалдьыйа Толбонноох-Мотуруоны, дочери главы Гостиного Двора, являющейся центром, украшением (*«дьоллоох Дьокуускай дууһата, көрдөөх Көстүүнэй көмүс чыычааба (...)* Морудьуос кинээс кыыһа Мотуруос оҕо») данного топоса и, может быть, даже его персонификацией, в отношении которой могут использоваться понятия красоты и безобразия, невинности и пошлости, чести и бесчестия, светлого и темного, правды и лжи и т.д.

Про первого героя авантюрного плана в якутской прозе Николая Дорогунова, в основном топологически прикрепленного к городу, говорится, что он до некоторых пор являлся городским оборванцем, нищепродом: «(...) *Дьокуускай бардаатын баранааба, ыалын хоруоскаһыта, уулуссатын илэчиискэтэ* (...)». В данном случае ратифицируются перевернутые роли персонажа, дуальной сущности человека, раскрываемые преимущественно в рамках городской обстановки. Темная сторона городского топоса, обнажающая людские пороки, усматривается и в таких описаниях: «*Уксуу диэн, охсуһуу диэн, сакылаат диэн, саансыы диэн, эт мэйиһилээх эймэниэн курдук, сүүс сүгүлээнэ, аармыйа араллалана манна буолбут эбит*».

В более поздней литературе темную сущность города и роль в нем мрачных субъектов урбанистической реальности (надзирателей, палачей, следователей, тюремщиков, заключенных), большей частью относящихся к ночной, теневой, малоизвестной стороне жизни города, можно будет проследить в атмосфере города-тюрьмы у В.С. Яковлева-Далана, воссозданной в романе «Судьба моя» (1994).

Перевернутость образов и ситуаций порождает двойственность в системе произведения как художественно обоснованного способа отражения кризисности мира. В рассказе «Городчик» (1927) А.И. Софронова-Алампа создается яркий образ города, как пограничного мира, и городчика, путешественника между чужой и своей реальностью. Мир Степана разделяется на две плоскости – это городской топос и родной наслег. Двоемирие как мотивный комплекс объединяет, помимо хронотопов города и села также топосы гостиницы и родной юрты, образы картежников и домочадцев, медиатором между которыми выступает сам Степан. Хронотоп пути исполняет функцию пограничности и представлен в произведении в качестве границы экзистенциального значения.

Интересную художественную интерпретацию, порождающую двойную перспективу пространственной рецепции, получает описание природных ландшафтных характеристик, качеств рельефа местности, в восприятии которых определяющую роль может играть степень иммерсивности (погруженности, вовлеченности) в пространство. Так, для человека *чужого*,

неместного, который воспринимает окружающий мир Севера как минус-пространство, безграничность и простор ленских горизонтов становятся экзистенциальными абстракциями пустоты и небытия. В противовес ему *свой*, *коренной* человек может трактовать образ бескрайней долины Туймаады, на которой расположился город, как олицетворение широты и открытости души якутского человека. Например, в произведениях исследователей, писателей, других общественных деятелей иной национальности конца XIX в., по каким-либо причинам избравших предметом описания северный край (В.Г. Тан Богораз, А.А. Бестужев-Марлинский, В.Г. Короленко, В.Л. Серошевский и др.), северная земля, подвергаясь осмыслению в основном через **понятие «чужбины»**, обретает в художественных текстах такие смысловые параллели, как *Север, Сибирь, сибирская земля, северный край, сибирская окраина, «тюрьма без решеток», чужая, другая земля*.

К примеру, в художественной системе произведений этнографа, писателя В.Л. Серошевского сибирского периода, который представлен рассказами «Осень», «Украденный парень», «Хайлак», «В жертву богам» (1890–1895 гг.), повестями «На краю лесов» (1896), «Предел скорби» (1900), «Побег» (1902), особую смысловую нагрузку несет концепт «края», который может интерпретироваться как чужбина, окраина жизни, крайность, конец. Данный ассоциативный ряд порождает новые смысловые параллели: *Сибирь, Север, холод, смерть, жизнь, борьба*. В свою очередь из этого смыслового ряда возникают следующие смысловые ассоциации – *чужой, холодный, мрачный, твердый, непонятный, застывший, забытость, смерть, неподвижность, покой*, характеризующие духовное состояние истосковавшегося по родине одинокого героя.

Якутск почти всегда описывался ссыльными как унылый, заброшенный город с неприглядной окружающей обстановкой, который страшил прибывшего в северные края суровым климатом, необыкновенной отдаленностью от центра. Л. Ергина, приехавшая с мужем-политссыльным в Якутию, описывает Среднеколымск как ледяной город: «(...) Обычно печальная картина вечером принимала вид фантастически иллюминированного ледяного городка, каким от-

крылся нам Колымск в первый вечер нашего приезда» [Радченко, 2009, с. 58].

В структуре пространства Якутска, отраженной в произведениях первых якутских писателей, особое значение придается субъектно-личностному субстрату: функционированию персонажей, утверждению их роли и места в городе, виду деятельности. Описаниям городской моды, через которую наиболее ярко отображается образ городской молодежи начала столетия, также отведено особое место. Например, про жительниц столицы у П.А. Ойунского говорится:

«... саха баайдарын кыргыттара былыргы бууктаах соннорун кэтэннэр, илин-кэлин кэбиһэрдээх кылдьыларын иилинэннэр, Камчатка көмүстээх буобураата бэргэһэлэрин кэтэннэр, чопчуура сандааран, туоһахтата күндээрен, уу дьоруо ааттаабынан обустаран-уурдаран ааһаллар эбит»;

а у А.Е. Кулаковского о городской девушке отмечено следующее:

*(...) Бу кэнниттэн
Куустаах сыаналаах
Кулуон тимэбинэн
Куолайын куустарда,
Хаасабай хаалтыһынан
Хабарбатын баанна.
Бөдөн таастардаах
Бөбөх көмүһүнэн
Мөлбөрө-дьолуо харытын
Бобо куустарда.
Малыынабай баархат
Харсыатын хаттанна,
Поверх этой шапочки
Билэй солко бэрчээккитин
Бэгэччигэр диэри кэттэ,
Дыраанабай холуоһатын
Дыгаччы анньынна.
Саарба талыыта
Саапыска бэргэһэтин
Саалынан саба ылларда.
Иилэбэс көмүс былаах
Иридикиил симэбин
Илиитигэр илиинэ (...).*
(...) После этого
Драгоценный кулон
На цепочке на грудь повесила.
Газовым платком
Шею свою украсила.
С крупными камнями браслет

На руке своей застегнула.
Белые шелковые перчатки
До локтей она натянула.
Из отборного соболя
Шапочку на себя надела.
Поверх этой шапочки
Пуховым платком покрылась.
Ридикюль с позолоченной цепочкой
В руки взяла (...)

(«Городская девушка» в переводе В. Солоухина, С. Поделкова).

И здесь нужно отметить исключительное значение субстрата духовно-культурной сферы в формировании городского текста, включающего мифы и предания, памятники искусств, философские, религиозные идеи, память об известных горожанах и т.д., являющегося по сути **внутренним** (одухотворяющим) наполнением атмосферы города. Важную коммутирующую функцию данного субстрата, который объединяет все элементы текста воедино, отмечает В.Н. Топоров: «... формирует внутри него (текста. – С.Н.) ту атмосферу повышенной, даже гипертрофированной знаковости, которая, с одной стороны, связывает все воедино, уединообразивает текст, минимализирует случайность, а, с другой стороны, обучает своего потребителя правилам пользования этим текстом, толкает его к осознанию некоторых более глубоких структур и уровней» [Топоров, 1995, с. 22–23]. Мифологический нарратив о первопредках Омогое и Эллье, легенды о Тыгын Дархане, родоначальнике священной долины Туймаады, Мазары Бозекове, русских первопроходцах, воеводах, губернаторе Иване Крафте и других знаковых фигурах, «прикрепленных» к городу как географически, так и исторически, формируют целостный колоритный вид городского пространства как сложного культурного организма, то есть, как отметил Д.Н. Замятин, «... место открывается местному сообществу или какой-то его части как феноменологическая “возвышенность”, как непреходящая внутренняя “достопримечательность”, определяющая ядерные экзистенциальные смыслы» [Замятин, 2009, с. 19].

Локальные мифы городского пространства, сотканные из множественных нарративных источников, состоят из знаковых мест памяти в городском ландшафте (Чочур Мыраан, озеро

Сайсары, Зеленый Луг, местности Куллаты, Тулагы-Киллэм, долины Туймаада, Эркээни, Энсиэли, Табагинский мыс, церкви, старый город, Залог, река Лена и т.д.), рельефно очерченных и создающих географические координаты современного города. Весь этот культурный пласт *genius loci*, отмеченный в произведениях основоположников литературы, находит актуальное выражение в последующем материале якутской литературы.

Прошлое время городской жизни, сконцентрированное в памятных нарративах, переплетаясь с настоящим временем, повседневными событиями, происходящими в жизни горожан, создает уникальный характер города как геополитической системы. Данные субстраты в комплексе «наполняют» пространство города, образуя тот компонент городской среды, который формирует содержательный аспект геотопоса – динамичный, хаотичный, стихийный, беспокойный, тревожный, переменчивый, пестрый, яркий лик города Якутска.

Современное состояние образа города в якутской прозе есть результат историко-культурных трансформаций, однозначно отразившихся в национальном мироощущении народа, и потому изучение данной темы в литературоведческом аспекте способствует выявлению специфики индивидуального стиля, авторской позиции, особенностей конструирования национальной картины мира, а также определению принципов организации романного пространства, тематического, формально-содержательного, стилистического ядра художественной системы.

Таким образом, рекомендуемый нами в качестве самостоятельной вариативной единицы якутский «городской текст» имеет полное право на бытование в ряду других «текстов». Якутский городской локальный текст как единая художественно-культурная система может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов. Так как будучи формой национальной художественной мысли, возникшей локально на Севере как автономная реальность, которая имеет совершенно оригинальные генетические, историко-культурные, поэтические параметры, якутский городской текст представляет собой художественное единство сложного структурного уровня, где

включены в единое целое ландшафтные характеристики, образы природы, роль и место человека, и, конечно же, весь ментальный образ мира народа саха, которые в совокупности воспроизводятся через индивидуально-авторское, субъективно-личностное Я автора-якута, носителя национального самосознания.

Выделяющиеся в якутском городском тексте своеобразные культурные коды, универсалии имеют преформирующую роль в установлении оригинальной картины якутского мира, в зарождении особого ментального сознания и, как следствие, в утверждении проблем национальной идентичности, Инаковости, решение которых будет приоритетной задачей в современном литературоведении, поскольку вопрос о роли и места человека, этноса в эпоху глобализации остается одним из актуальных в современном мире.

Литература

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.

Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18 (156). – С. 63–69.

Замятин Д.Н. Локальные мифы: Модерн и географическое воображение // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1, 2. – С. 14–23.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: АГРАФ, 2004. – 512 с.

Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1978. – 296 с.

Лотман Ю.М. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам-XVIII. –Тарту, 1984. – 140 с.

Ойунский П.А. Сэһэннэр, кэпсээннэр. – Якутск: Бичик, 2003. – 192 с.

Радченко Н.Н. Повседневная жизнь политических ссыльных в городах Якутии в начале XX века // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2009. – С. 57–62.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

S. E. Karmanova (Noeva)

Cultural Foundations of the "Urban" Text in the Yakut Literature of the Early XX century

The article offers a variant of the analysis of the "local text" on the example of a small provincial town of Yakutsk. In the article is identified the most significant elements of the local text of the town. There are specific levels in the structure of the "town", representing the binary oppositions of the center-periphery, own-alien, which formed the basis of the historical and architectural landscape of the urban topos of Yakutsk. Special attention is paid to the role of "inverted" images in the space of the town. The functioning of local myths of urban space is considered, they are formed from a variety of narrative sources, which consist of iconic places of memory in the urban landscape.

The study of such a perspective, insufficiently studied in the national literature, it will fully contribute to the identification of the unique artistic markers of the author's idea, as well as the disclosure of the image of the writer as an original carrier of national consciousness.

Keywords: urban text, structural elements of a text, binary, town / alaa, upside down images, a local myth.

З.К. Башарина, К.Г. Башарин, О.К. Башарина

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.015

УДК 821.512.157.09(092)

С.П. Данилов и Г.П. Башарин: к вопросу о литературном наследии

*Я прославлял навек родные
Пределы отчей стороны,
И оттого меня
Охавали крикуны.
А я считал – кто равнодушен,
Кто мест не знает дорогих,
Полюбит ли, поймёт ли душу
Других народов, стран других?*

С. Данилов «Ни вкривь, ни вспять не
убегала...» (из сборника «Север мой»).

В статье освещается общность взглядов народного поэта С.П. Данилова и историка Г.П. Башарина в отношении литературного наследия якутов и реабилитации имён основоположников якутской литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева. Борьба за литературное наследие якутов, представленное в том числе фольклором и героическим эпосом олонхо, продолжалась несколько десятилетий. У истоков этой борьбы стоял Г.П. Башарин, реабилитировавший имена якутских классиков в книге «Три якутских реалиста-просветителя». В статье подчёркивается, что вопрос о литературном наследии был напрямую связан с национальной политикой; освещаются основные теоретические подходы в отношении к национальному литературному наследию и фольклору при жизни С.П. Данилова, поддерживавшего Башарина. Через анализ точек пересечения жизни и деятельности Башарина и Данилова раскрывается вклад С.П. Данилова в дело отстаивания якутского литературного наследия.

© З.К. Башарина, К.Г. Башарин, О.К. Башарина, 2018

Ключевые слова: литературное наследие, А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, Н.Д. Неустроев, олонхо, социалистический патриотизм, нигилизм, буржуазный национализм, развитие национальной литературы.

Семён Петрович Данилов (1917–1978) – талантливый якутский поэт и литературовед, педагог, общественный деятель, автор более 40 сборников стихов и поэм и 175 песен, Георгий Прокопьевич Башарин (1912–1992) – доктор исторических наук, профессор, общественный деятель, автор 19 монографий и более 500 научных и публицистических работ, ставший лидером борьбы за отстаивание литературного наследия якутов, представленного произведениями зачинателей якутской литературы – Алексея Елисеевича Кулаковского (1877–1926), Анемподиста Ивановича Софронова (1886–1935) и Николая Денисовича Неустроева (1895–1922), богатейшим фольклором и героическим эпосом олонхо.

Г.П. Башарин активно общался со многими представителями творческой интеллигенции, однако мало кому известно, что с Даниловым его объединяли не только общность взглядов на литературное наследие, объявленное «пережитком прошлого» в годы сталинского тоталитаризма, но и активная борьба за его отстаивание, то, что Данилов даже был уволен с работы за поддержку Башарина. Данилов писал: «Я с тех пор (с 1952 г.) до сегодняшнего дня руководствуюсь принципом, что любить свою родину, родной народ, его культуру и язык – это превосходство, а не порок; поэтому в споре о литературном наследстве дореволюционных писателей я без всякого сомнения поддержал позицию Г.П. Башарина и защищал его. И в преподавательской деятельности придерживался такого же принципа. Поэтому меня, обвинив в национализме, выгнали с работы» (пер. – З.Б.) [Филиппов, 2017].

Анализ показал, что в источниках о Башарине мало упоминаний о поддержке его взглядов Даниловым. Исключением являются работы В.А. Солоухина [1988] и М.Е. Даниловой [2007]. Когда же речь идёт о том, что Данилов внёс большой вклад в дело отстаивания литературного наследия, то имя Башарина не упоминается. Между тем вопрос о литературном наследии был и остается ключевым вопросом в социально-культурной, политической и литературной жизни Якутии. Он связан не только с верным

освещением истории, но и с вопросом о национальном самосознании, путях дальнейшего развития национальной литературы и культуры, об интеллектуальной свободе и развенчивании ложных стереотипов. Поэтому важно восполнить вышеупомянутый пробел и ответить на вопрос о том, как пересекались взгляды и жизненные траектории народного поэта С.П. Данилова и историка Г.П. Башарина в деле борьбы за отстаивание якутского литературного наследия.

Последовательность борьбы за литературное наследие Башарина и Данилова в контексте общественно-политических событий.

Освещение жизни, деятельности, научных и творческих интересов Башарина и Данилова в контексте политических событий помогает раскрыть не только истоки их преданности родной культуре, языку, литературному наследию, но и последовательность борьбы за литературное наследие. Сопоставив биографии Башарина [Платонова-Башарина, 2011] и Данилова [Филиппов, 2017; Данилов, 1967; Огрызко, 2017], мы выявили некоторые схожие факты: и тот, и другой – выходцы из крестьянских семей из отдалённых якутских улусов, окончили пятилетнюю школу, учились в Якутском государственном педагогическом институте (ЯГПИ), работали в ЯГПИ преподавателями, позже учились в Москве, имели талантливых младших братьев и высокие государственные награды. Пересекаются годы работы Данилова и Башарина в ЯГПИ – это было время их личного знакомства. Они преподавали на одном факультете, но на разных кафедрах. Башарин – на кафедре истории в период с 1950 по 1952 г. и в дальнейшем, а Данилов – кафедре языка и литературы – с 1946 по 1953 г. Оба во время работы в институте организовали и руководили кружками – Башарин – историческим, Данилов – литературным.

Всё их творчество и научные работы были посвящены темам о Якутии. Их первые опубликованные работы, связанные с национальной тематикой, выходят в открытой печати, когда авторам было всего по 20 лет, в 1930-е гг. Так, Башарин публикует первую статью в 1932 г. в газете «Кыым» в соавторстве с Н. Заболоцким об эпосе «Нюргун Боотур» В 1920-е и 1930-е гг.

темой олонхо активно занимался выдающийся общественный деятель, учёный и поэт П.А. Ойунский [Ойунский, 1927; Иванов, 2013]. В 1927 г. Ойунский публикует статью «Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание». Через год – 9 августа 1928 г. выходит постановление ЦК ВКП (б) «О положении в Якутской организации», обвиняющее якутскую интеллигенцию в «националистических настроениях». В 1930–1932 гг. Ойунский записывает 36000 стихотворных строк «Нюргун Боотур Стремительный». Его обвиняют в «националистических настроениях» и репрессируют в 1938 г., поскольку олонхо считают памятником «прошлой эпохи», источником враждебной для советского общества националистической идеологии [Иванов, 2013].

Башарин не согласен с отрицательной оценкой олонхо и продолжает писать и делать доклады о героическом эпосе, как о средстве поднятия патриотического духа в годы войны, в частности, даёт ему положительную научную оценку [Башарин, 1940; 1942]. В свою очередь Семён Данилов всегда с восхищением писал об уникальности олонхо: «...Есть трудное испытание для современного поэта. Вот я, якутский стихотворец, восхищаюсь гениальностью древнего олонхо и с отчаянием думаю о том скромном и малом, что сделано мною одним. Я – потомок, я – наследник, но где у меня право взять на себя такую ответственность и честь, такую ношу? Наследство ведь надо оправдывать...» [Данилов, 1976, с. 13].

Данилов не просто ценил красоту Олонхо, но также изучал его: «Всё больше “вгрызаясь” в литературу, узнавая её живых создателей, я вместе с тем в эти годы потянулся к богатствам якутского языка. Имея теперь уже некоторую научную подготовку, я занялся исследованием богатырского олонхо, песен, сказок» [Литвинов, 1971, с. 53].

В 1944 г. выходит книга Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» [1944] о выдающейся роли зачинателей якутской литературы – А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева – в развитии культуры и общественно-политической истории Якутии, о их культурно-просветительской деятельности. Книгу характеризуют как «научный подвиг», т.к. выводы ученого шли вразрез с господствующей идеологией. Известно, что в это время Данилов просил

Башарина одолжить ему книгу «Три якутских реалиста-просветителя» для использования в преподавании. Отношение к книге разделило общество на тех, кто ценит свою культуру, богатое устное и письменное творчество, как прошлое, без которого не было бы настоящего, и на «нигилистов», отрицающих литературное и культурное наследие якутов, как «пережиток прошлого», символ буржуазных националистических настроений.

Семён Данилов всегда высоко ценил творчество зачинателей якутской литературы, он писал, что произведения первых якутских писателей – Кулаковского, Неустроева, Софронова, последнего особенно, раскрывали перед ним «творческую лабораторию больших художников» и оказывали большое влияние на его собственное творчество [Литвинов, 1971, с. 53]. В частности, в своей статье о роли и значении творчества классиков он писал следующее: «Кулаковский, Софронов, Неустроев, положившие начало письменной литературе якутов, сказали своё первое слово и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, и в литературе для детей. Они глубоко почитаются всем якутским народом. ...Мы, якутские писатели, все прошли школу А. Кулаковского. Мы учились многому. Но самое главное – мы у него учились тому, как преданно служить народу своим творчеством, своей поэзией. А как заметил в свое время Некрасов, служение народу – дело прочное» [Данилов, 1976, с. 12].

10 декабря 1951 г. в «Правде» вышла статья С.З. Борисова, А.А. Суркова, Л.И. Климовича «За правильное освещение истории якутской литературы» с критикой якутского литературного наследия, за которой 6 февраля 1952 г. последовало постановление бюро Якутского обкома ВКП (б) «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы». Как следствие, в 1952 г. Башарину предъявили обвинение в буржуазном национализме. Его сняли с занимаемых постов, исключили из рядов коммунистической партии и лишили ученых степеней. Г.П. Башарин смог избежать ареста, вовремя уехав в Москву. В течение 10 лет он перебивался случайными заработками, в т.ч. трудился на юннатской станции в Якутске, занимаясь подготовкой к вторичной защите докторской диссертации. Параллельно, в 1953 г. Семёна Данилова уволили из ЯГПИ,

как он сам объяснил, за «поддержку Башарина» [Филиппов, 2017]. Имя Башарина из-за книги стало нарицательным. Всех, кто проявил хоть какое-то участие в судьбе её автора или интересовался литературным наследием, фольклором, олонхо, приписывали к клану «башаринцев» [Как я был Башаринцем, 2003]. Данилов писал об увольнении из института следующее: «Увы, моя преподавательская деятельность, а с ней и “научная карьера” вообще оборвалась в одночасье: кому-то в институте показалось, что неразумно много тратил времени – своего и студентов – на копание в старине, в языке богатырского олонхо, в фольклоре...» [Огрызко, 2017].

В этот период Данилов много размышляет о вопросах: «В чём заключается любовь к Советской родине?», «Кому дано право называться писателем и поэтом?» Эти размышления приводят его к следующим выводам: «Случившееся [увольнение из института] не подкосило меня, а как бы даже прибавило силы духа, помогло до конца, со всей очевидностью осознать: любовь к Советской родине естественным образом предполагает любовь к народу, тебя породившему, к его культуре и языку. Разве я могу на минуту согласиться с теми, кто говорит мне: “Не люби свой язык, потому что он рано или поздно отомрёт?” Разве может человек полюбить другой народ и другое искусство, если он равнодушен к своему народу? Да и может ли такой вообще быть писателем, поэтом?» [Литвинов, 1971, с. 149]

Примечательно, что литератор В. Дементьев приравнял принципиальные взгляды Данилова к подвигу. Если бы мы не знали, что нижеследующая характеристика дана Данилову, то, скорее всего, мы бы предположили что речь идёт о Башарине: «Он выстоял тогда и победил всей мощностью своего таланта, всей непоколебимой уверенностью в значении великого наследия своего народа, всех этих удивительных по поэтической дерзости олонхо, их яркой метафоричности, образности, гиперболичности, в значении творчества зачинателей письменной литературы Якутии. И это – подвиг, и это – уже характер народа» [Дементьев, 1983, с. 204–205].

Также интересно то, что примерно в одно и то же время и Башарин, и Данилов предпринимают действия, которые в дальнейшем помогут им переломить ситуацию в свою пользу. Баша-

рин вторично защищает докторскую диссертацию в Москве в 1956 г., а Данилов делает подстрочный перевод своего стихотворения «Нууччалыы мин билиим» («Мой русский язык») и отправляет в редакцию «Литературной газеты» [Левина, Григорьева, 2017]. Вскоре стихотворение в обработке Михаила Львова было опубликовано и впоследствии вошло в хрестоматии для школ Советского Союза в раздел литературы народов СССР. Автору предложили пройти высшие литературные курсы в Литературном институте им. М. Горького в Москве, где он обучался с 1955 по 1956 г. Как отмечает Д.Е. Васильева, «Так стихотворение помогло поэту» [Там же]. Одновременно выходят два его сборника: «Кыраһа суруга» («Следы на пороше», 1955) и «Зори студёного края» (1957).

Через несколько лет, 16 февраля 1962 г. бюро Якутского обкома КПСС приняло специальное постановление «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы». В нем подчёркивалось, что в отношении Кулаковского, Неустроева и Софронова недопустимы как их идеализация, так и нигилистическое отношение к ним, ибо предвзятые, односторонние оценки неизбежно приводят к искажению исторических фактов и мешают правильному использованию литературного наследия в интересах дальнейшего развития современной якутской литературы [Данилов, 1976, с. 26].

Данилов ясно осознает, что они с Башариным единомышленники, и в декабре 1965 г. дарит ему сборник своих стихов «Север мой» с надписью: «Моему давнему и главному союзнику по вопросам литературы профессору Башарину, с глубоким уважением и приветствием. Сэмэн. 12.12.65».

Во второй половине 1970-х гг. в серии «Библиотека поэта» во многом стараниями Данилова увидели свет избранные произведения П.А. Ойунского. Мы также обязаны Данилову переводом и изданием стихотворений Кулаковского и Софронова на русском языке в издательствах «Советская Россия» и «Библиотека поэзии». Сборник Кулаковского на русском языке вышел к 100-летию классика в 1977 г. Для этого в 1975 г. С.П. Данилов специально встретился с российским писателем и поэтом Владимиром Солоухиным и рассказал ему о Кулаковском как

о «замечательном», «крупнейшем», «талантливейшем», «зачинателе, основоположнике, классике и просветителе» [Солоухин, 1988]. Он буквально сказал следующее: «Кулаковский – наша главная культурная национальная ценность. Более дорогого имени у якутов пока нет». Данилов рассказал, что до 1962 г. Кулаковский был запрещен «и до сих пор остаётся непризнанным полностью», что якуты любят его «полуофициально», т.к. «некоторые учёные, историки, литературоведы остались на своих крайних позициях», поэтому он неизвестен за пределами республики и не был переведен на русский язык. Он также поведал Солоухину о Башарине, вернувшем трех писателей народу: «Георгий Прокопьевич Башарин – наш якутский учёный, профессор. Рыцарь без страха и упрека. Всю свою жизнь он отдал Кулаковскому, его литературному наследию, его судьбе. Ну и досталось же ему, бедному! И кафедры его лишили, и преподавать запрещали, сидел без работы со своей семьей. Но поколебать его все же не удалось. Как ваш протопоп Аввакум прожил до смерти с поднятыми вверх двумя перстами, так и наш Башарин живет с поднятым вверх именем Кулаковского» [Там же].

Данная характеристика – одно из главных свидетельств признания Даниловым основополагающего вклада Башарина в дело отстаивания национального литературного наследия, несмотря на то, что были между ними и разногласия, и споры по другим вопросам. Но это можно считать незначительным по сравнению с их общим делом по целенаправленному и принципиальному отстаиванию литературного наследия. 22 февраля 1974 г. Данилов подарил Башарину сборник своих стихов «Счастье орла» (год издания 1973), в котором сделал следующую дарственную надпись: «Дорогому другу Г.П. Башарину. В память о давней продолжительной общей и тяжелой борьбе (за литературное наследие), с пожеланиями об этом не забывать и лихого не помянуть. С теплым приветом. Сэмэн» (пер. – З.Б.).

Основные теоретические подходы в отношении к национальному литературному наследию и фольклору при жизни Данилова.

В начале статьи мы подчеркнули и выше показали, что вопрос о литературном наследии – это широкий вопрос, напрямую связанный с на-

циональной политикой в стране, установкой ориентиров в национальном самосознании, гуманитарных наук и воспитании молодежи. Его неразрешенность приводила к воспитанию поколений, оторванных от своих корней, а в гуманитарных науках, литературоведении и литературном творчестве – к простоям и кризису. Так, в вводной статье к сборнику «Новые горизонты якутской литературы» [Данилов, 1976] Данилов пишет, что в течение долгого времени в отношении к литературному наследию, «у нас были разногласия и путаница» – «у нас» – это среди писателей и критиков, литературоведов, работающих в Якутском университете, в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР». Примечательно, что с точки зрения Данилова в разрешении многих спорных вопросов истории якутской литературы немалую положительную роль сыграли российские литературоведы.

Так, в одном и том же сборнике, в котором Данилов публикует свою вводную статью «Слово о якутской литературе», выходят еще две знаковые статьи – российского литературоведа Г. Ломидзе [1976] и якутского Г. Окурокова [1976], отражающие два противоположных подхода к пониманию и интерпретации литературного наследия якутов. Окуроков отождествляет богатейшее, уникальнейшее, животворное якутское устное творчество с «синкретизмом первобытного мышления». Он приветствует сдвиг «от синкретизма первобытного мышления – к синтетическому искусству социалистического реализма, от народного сказителя – к писателю нового типа, советскому писателю, писателю-борцу, от приоритета поэзии – к приоритету прозы, от фольклорного эпоса – к современному роману» [Там же, с. 171]. «...От воспевания человека рода, с его узким духовным миром, к воспеванию человека человечества, принявшего в своё сердце все бури и беды мира» [Там же, с. 172].

Так, по мнению Окурокова, есть литература, характерная для эпохи племени, для эпохи народности, для эпохи нации: «Якутская литература, основательно задержавшись в силу разных причин на этапе устной литературы племени и начавшись как письменные литературы народностей, вскоре стала проявлять себя как литература оформляющихся социалистических наций» [Там же].

Окороков пишет, что «сегодня в младописьменных литературах ведущими являются психологический роман и лирика – жанры, требующие зрелого читателя и развитой личности для восприятия» [Там же]. Такой подход вне всякого сомнения нанёс ущерб самосознанию якутов, способствовав принижению национальной культуры и основных её литературных жанров, отрицанию самобытности устного народного творчества, являясь отображением упрощенного подгона под общую кальку теории формаций неоднозначных, сложных культурных, исторических и литературных процессов.

В отличие от якутского литератора Г. Окорокова, Г. Ломидзе – российский литературовед [1976], оперирует понятием «социалистический патриотизм», не требующим отказа «от своей, если можно так выразиться, “малой родины”, от отчего края, от милых сердцу берёз, чинар, гор, тайги, степей или тундры». Он подчёркивает, что «нельзя отрешаться от своего народа, от своей нации, от своей культуры, своего языка и представлять это как интернационализм» [Там же, с. 42]. Должно быть «единство патриотических и социалистических чувств – это главное. Без этого единства нет настоящего патриотизма, а есть страшная узость, ущербность, глухота, эгоистическое самолюбование, ничего общего не имеющее с патриотизмом». Ломидзе призывает сочетать «мысль о любви к своей отчей стороне и понимание нового социального, общественного духовного качества, единства родной стороны с общей землёй» [Там же]. Мастерство автора заключается в том, «как он умеет сопрячь близкое, сокровенное с тем общим, без которого немислимо его существование, – социалистической родиной».

Менее радикальный подход Ломидзе, в отличие от нигилистических воззрений Окорокова, отрицательно отвечал на ключевой вопрос: «Возможно ли расширение горизонтов литературного творчества, в частности, развитие новых жанров, при отрицании исконно национального, родного, своего?» [Данилов, 1976], однако не давал прямого ответа на следующий, не менее важный: «Почему произведения исторические и былого времени более популярны и любимы народом, чем современные произведения в духе соцреализма?» [Мординов, 1976].

В таких условиях неоднозначности, трудной задачи постоянно сочетать «патриотическое и социалистическое, национальное и общее» Данилов продолжал продвигать тему «родного, близкого, сокровенного». На посту председателя правления Союза писателей Якутии и члена правления Союза писателей РСФСР он внес неоценимый вклад в дело пропаганды якутской литературы и культуры за пределами республики. Поэт тесно сотрудничал с известными писателями страны: С. Михалковым, С. Смирновым, Н. Вагнером, Д. Кугультиновым, М. Каримом, С. Подделковым, В. Солоухиным и др. С их помощью он прокладывал путь якутской литературы в российскую и мировую литературу. Не можем оставить без внимания тот факт, что Данилов развенчивал стереотипы восприятия коренных жителей, как «диких, наивных, суеверных». Об этом он говорил с трибуны II съезда писателей о «Вреде ложной экзотики»: «В произведениях, искусственно конструирующих национальный характер, человек Севера непременно наивен и суеверен, коверкает русские слова; у него одни и те же неизменные атрибуты, вроде трубки в зубах... Как всё это далеко от наших живых людей!» [Данилов, 1976, с. 5].

С середины 1960-х гг. Данилов вёл переговоры о переводе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского на русский язык [Коптяева, 1983]. После неудачных попыток Данилову удалось, наконец, договориться с В. Державиным, который довёл дело до конца, и в 1975 г. олонхо в русском переводе увидело свет. Благодаря этому переводу, якутский героический эпос олонхо по решению ЮНЕСКО в 2005 г. был провозглашен шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества.

Помимо перевода Олонхо и работ начинающих якутской литературы, в период руководства Даниловым писательской организацией выходили книги и других якутских писателей в центральных издательствах в переводе на русский язык. Данилов проявлял постоянную заботу о развитии литературы народов Севера – эвенской, эвенкийской и юкагирской. Также он активно поддерживал молодых писателей, интересовался их творчеством, знакомил с переводчиками. Именно об этом пишут Наталья Харлампьева [2014] и Вадим Дементьев [1983]: «Он стремился и словом, и делом помочь пропаган-

де якутской литературы. ...Многих литераторов Якутии он вывел на большую дорогу профессионального мастерства».

Таким образом, в статье мы показали, как советская национальная политика, вытесняющая национальное содержание из культуры и заменяющая его советским, привела к нивелированию национальной культуры в целом и якутского литературного наследия, в частности, а также к десятилетиям борьбы за литературное наследие. Следующие указы и события: указ ЦК ВКП (б) «О положении в Якутской организации», обвиняющий якутскую интеллигенцию в «националистических настроениях» в 1928 г., выход статьи в «Правде» С.З. Борисова, А.А. Суркова, Л.И. Климовича «За правильное освещение истории якутской литературы» в 1951 г., постановление бюро Якутского обкома ВКП (б) «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы» в 1952 г. и, наконец, постановление бюро Якутского обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы» в 1962 г., напрямую отразились на биографиях Башарина и Данилова, что мы и обозначили в данной статье.

Данилов, будучи поэтом и тонким знатоком якутского языка, фольклора и литературы, относился к представителям того же ремесла что и зачинатели якутской литературы, глубоко чувствовал и ценил якутское устное народное творчество и творчество зачинателей якутской литературы. Башарин, не менее тонкий знаток якутского языка и культуры, вооружившись инструментами научной методологии, смог объективно оценить степень самобытности, уникальности и значения якутского литературного наследия. Башарин встал у истоков борьбы за литературное наследие, написав книгу-легенду «Три якутских реалиста-просветителя», имя его стало нарицательным, Данилов поддержал его и внёс неоценимый вклад, добившись перевода на русский язык произведений классиков якутской литературы, пропагандируя национальную самобытную культуру, не считая её «примитивной, неразвитой», в отличие от некоторых местных литераторов.

Вопрос о литературном наследии вскрыл парадоксальную ситуацию – обвинения зачастую предъявлялись локально в масштабах республи-

ки местными чиновниками, тогда как прорыв на российский и союзный уровни помогали восстановить справедливость, перенаправить стрелы критики в адрес самих критикующих. Данилов проявил мудрость и прозорливость, используя перевод в качестве защиты якутского литературного наследия. Получив положительную оценку российских критиков и критиков союзного масштаба, произведения зачинателей якутской литературы вышли на всесоюзный уровень и стали недоступны для обвинений со стороны оппозиционеров.

Г.П. Башарин и С.П. Данилов оставались соратниками и единомышленниками в деле отстаивания национального литературного наследия до самой смерти Семёна Данилова в 1978 г. В дальнейшем же его борьбу за последовательное отстаивание литературного и культурного наследия якутов продолжил брат Семёна Данилова – Софрон Данилов.

Литература и источники

Башарин Г.П. К вопросу о якутском олонхо // Соц. Якутия. – 1940. – 11 июля.

Башарин Г.П. Идея патриотизма – основное в олонхо // Соц. Якутия. – 1942. – 13 янв.

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя: из истории общественной мысли дореволюционной Якутии. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1944. – 146 с.

Данилов С.П. Мин ологум // С. Данилов. Хоһооннор, поэмалар. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1967. – 480 с.

Воспоминания о Семёне Данилове / сост. П.Д. Аввакумов, Г.С. Сыромятников. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 301 с.

Ефимов М. Кинини оруу суохтуубун // Платонова К.И. Человек удивительной стойкости и духовной силы: сб. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. – С. 83–86.

Иванов В.Н. Профессор Г.П. Башарин о якутском олонхо // Филология и культура. – 2013. – № 4 (34). – С. 188–192.

Мыслитель, учёный, общественный деятель: Матер. межвуз. науч. конф., посвящ. жизни и деятельности Башарина Георгия Прокопьевича / сост. С.Н. Горохов. – М., 2003. – 224 с.

Левина А., Григорьева О. На Сергеляхе золотой дождь // <http://sakhallitera.ru/proektyi-svfu-imeni-m.k.ammosova/na-sergelyaxe-zolotoj-dozhd> (дата обращения: 23.03.2017).

Литвинов В. Семен Данилов // Писатели Советской России. – М.: Советская Россия, 1971. – 148–149.

Новые горизонты якутской литературы / сост. И.Е. Буркова, Г.Г. О कोरोков. – Якутск: Кн. изд-во, 1976. – 158 с.

Огрызко В. Цена борьбы – инфаркт или почему якутский поэт Семён Данилов так испугался, когда узнал, что его переводчик Александр Шаргунов принял церковный сан // Литературная Россия. – 2017. – 9 июня (№ 20).

Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». – Якутск: Якуткнигоиздат, 1927. – Вып. 1. – С. 98–139.

Платонова-Башарина К.И. Георгий Башарин / Выдающиеся люди республики. – 2-е изд. доп. – Якутск: Бичик, 2011. – 272 с.

Солоухин В.А. Продолжение времени (Письма из разных мест). – М.: Изд-во «Роман-газета», 1988. – 112 с.

Саха кэскилин түстэспит суду дьоммут / сост. М.Е. Данилова. – Дьокусаай: Бичик, 2007. – 224 с.

Филиппов Г.Г. С.П. Данилов саха тылын уонна литэритиирэтин хаапыдыргар улэлээбит сыллара. – Якутск, 2017. – Рукопись.

Харлампьева Н.И. Созвездие друзей Семёна Данилова // Илин. – 2012. – № 4. http://ilin_yakutsk.narod.ru/2012-4/36htm (дата обращения 20.05.2018).

Z.K.Basharina, K.G. Basharin, O.K. Basharina

S.P. Danilov and G.P. Basharin: on the Literary Heritage

The article highlights the common views of the Yakut national poet S.P. Danilov and the historian G.P. Basharin regarding the literary heritage of the Yakut people and rehabilitation of the names of the founders of Yakut literature A.E. Kulakovsky, A.I. Sofronov, and N.D. Neustroev. The struggle over the literary heritage of Yakut people, represented by folklore, the heroic epic Olonkho and Kulakovsky, Sofronov, Neustroev works continued for several decades. It began in the 1920s, aggravated in the 30s and 50s, weakened in the 60s during the Khrushchev thaw and was carried on further. The Yakut literary heritage and folklore were accused of being relics of the past times, representing anti-Soviet nationalistic views. G.P. Basharin stood at the roots of this struggle by rehabilitating the names of Yakut classics in his well-renowned book “The Three Yakut Realists-Enlighteners.” Danilov supported Basharin throughout the entire course of this struggle. The article emphasizes that the disagreements and debates over the Yakut literary heritage was linked to the broader national politics and highlights the main theoretical approaches to interpretation of Yakut literary heritage and folklore during the life of Danilov. Through analysis of intersection of lives and activities of Basharin and Danilov, it reveals how, despite the ideological constraints, they both consistently protected and advocated Yakut literary heritage.

Keywords: struggle over literary heritage, A.E. Kulakovsky, A.I. Sofronov, N.D. Neustroyev, Olonkho, folklore, nihilism, bourgeois nationalism, national politics, development of national literature.

A.B. Давыдова, И.А. Меньшикова

DOI:10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.011

УДК 82-93

Образ Севера в повести В.С. Пикуля «Мальчики с бантиками»

Статья представляет собой частный этап изучения Северного текста русской литературы для детей. В работе в контексте хронотопического и системно-семантического анализа рассматривается специфика образа Севера

© А.В. Давыдова, И.А. Меньшикова, 2018

ра, возникающего в повести В. Пикуля «Мальчики с бантиками». При этом характеризуются три основных пространственных локуса – Архангельск, Соловки и пространство, связанное с северным морем. В описании Архангельска особенно выделен образ Соломбалы – морской слободы, который воссоздан в реалистических значимых подробностях и одновременно на основе метафорических ассоциаций. Особое внимание уделяется сюжетообразующему локусу Соловков. Пикуль, изображая их, меняет точки видения: юнги воспринимают острова с моря; находясь, на соловецкой земле, как часть огромного мира и как мировой центр, модель мира. Образ Соловков выстраивается на традиционных смысловых оппозициях: земля – вода, социальное – природное, реальность – ирреальность. Образ моря в книге тесно связан с мотивами чуда, двоемирия, пути, рождения и смерти. В моделировании художественного времени у Пикуля важное место занимают принцип сопоставления прошлого и настоящего, а также два смысловых плана – конкретно-исторический и биографический.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, образ Севера, художественное время и пространство.

Автобиографическая повесть Валентина Саввича Пикуля «Мальчики с бантиками» была написана в 1974 г. Книга, создававшаяся в Риге, рассказывает о годах Великой Отечественной войны на Севере – в Архангельске, на Соловках, на Белом и Баренцевом морях.

Повесть Пикуля отличается чёткой композицией: кроме частей, написанных от лица автора и рассказывающих о создании и работе школы юнг флота на Соловках в 1940-х гг., в неё включены Разговоры автора с главным героем Саввой Яковлевичем Огурцовым, которые представляют собой своеобразные преамбулы, позволяющие и писателю, и читателям лучше понять персонаж. Кроме того в финале каждой части помещён Эпилог, речь в котором ведётся от лица Огурцова. Интересно, что все три структурных элемента отражают различные пространственно-временные пласты. Разговоры ведутся в настоящем времени, читатель видит Савву Яковлевича сорокалетним человеком, нашедшим свой путь в жизни (он инженер, специалист по гирокомпасам). Основные части изображают Север – Архангельск и Соловки – главным образом в 1942–1943 гг. Эпiloги либо повествуют о перипетиях флотской службы Огурцова во время войны после окончания школы юнг, либо содержат общие размышления героя о жизни и судьбе.

С точки зрения художественного времени можно противопоставить Разговоры и остальные структурные элементы книги, так как в последних речь идёт о времени юности героя, а в первых он изображён зрелым человеком, личность которого обусловил юношеский опыт. В целом же структура книги метафорически реа-

лизует принцип временного кольца, в который вписана человеческая жизнь: старость зависит от юности, как будущее от прошлого.

Временное восприятие собственной жизни у Саввы Огурцова и его биографа чёткое: автор точно фиксирует момент, когда, по внутренним ощущениям героя, заканчивается детство. Это происходит ночью на Вологодском железнодорожном вокзале. Тогда под колёсами поезда чуть не погибает его мать, а сам Савва получает тяжёлую травму руки: «В эту ночь он явственно ощутил, что детство кончилось. Наступила иная пора жизни, которую он ещё не знал, как называть, но в которой нужно было отыскивать своё место» [Пикуль, 1996].

Таким образом, художественное время книги разворачивается на двух смысловых уровнях: конкретно-историческом (годы Великой Отечественной войны) и биографическом (юность героя). В хронотопе повести они тесно связаны с художественным пространством Севера. В нём довольно чётко выделены три локуса: Архангельск, Соловки и пространство, связанное с образом северного моря. Все они в повести объединены мотивом пути, который может прочитываться как движение в физическом, так и метафизическом пространстве. В Архангельске начинается путь героя к себе и профессии (набор в школу юнг); на Соловках происходит большая внутренняя работа по приобретению жизненного и профессионального опыта; в северных морях, на северном флоте реализуются и совершенствуются полученные знания и сформированные личностные качества героя. Рассмотрим каждый из этих локусов подробнее.

В. Пикуль детален и точен в описании Архангельска 1940-х гг. Для Саввы город начинается с вокзала на левом берегу Двины, заснеженной реки, которую он преодолевает, чтобы попасть к отцу, который служит комиссаром в Беломорской флотилии. Однако центральным местом в Архангельске становится для героя Соломбала, где он очень недолго после смерти матери живёт с отцом и откуда отправляется на Соловки.

Примечательно и трагично, что Соломбала для героя начинается со старого кладбища, где похоронили мать. В его описании возникает «морская тема»: ребёнок обращает внимание на могилы моряков, перевитые цепями и украшенные якорями, словно символизирующие, что в море на Севере жизнь со смертью ходят рядом. Позже взаимосвязанные в таком контексте мотивы жизни и смерти будут и дальше развиваться в повести.

При реалистичности образа Соломбалы он создаётся Пикулем на основе ассоциативных метафор и сравнений. Так, Соломбала в восприятии героя и автора «вызывает к подвигам» [Пикуль, 1996], поскольку это начало пути великих русских арктических мореплавателей Седова, Русанова, Воронина... Всё здесь проникнуто атмосферой морских походов, все жители Соломбалы: и мечтающие о подвигах мальчишки, и умудрённые опытом моряки, дышат ею.

Автор подчёркивает старинный древний характер уклада Соломбалы, в которой находилась старейшая русская судоверфь. Этот хорошо известный факт автор подчёркивает интересной художественной деталью: в Соломбале нет почвы, так как под ногами «опилки и щепки – отходы от строительства кораблей», многие из которых давно сгинули. В этой связи сами деревянные домики Соломбалы ассоциативно сопоставляются с кораблями, которые «постепенно погружаются в зыбкую землю»: «Идёшь по скрипучим мосткам, а вровень с ними глядят на мир форточки первых этажей – хозяева уже перебрались на второй этаж».

Неслучайна и ещё одна авторская ассоциация Соломбалы с Венецией: «Над речками Соломбалы, будто в Венеции, перекинуты горбатые мостики, а берега вплотную заставлены лодками, вёсельными и моторными».

Взгляд автора и героя на Соломбалу – взгляд со стороны. Поэтому большинство из этих опре-

делений носят широкий общекультурный характер, и только детали делают образ Соломбалы в повести индивидуализированным, специфичным. Одними из них, например, становится образ черёмухового цвета, в котором в июне утопает морская слобода.

Кроме того важной художественной подробностью, которая не только характеризует архитектуру Соломбалы тех лет, но и актуализирует мотив ратной морской славы, связанный с этим местом, становится образ здания флотского экипажа. Оно было возведено по проекту командира военного порта контр-адмирала Ф.А. Клокачёва ещё в 1825 г. В нём будущие юнги военного флота проходили строгий отбор в соловецкую школу. Собственно завязкой основного сюжета становится эпизод, когда четырнадцатилетний Савва Огурцов проходит собеседование и медкомиссию. В этот момент мир героя меняется, что выражается даже в изменении активного словарного запаса: «И хотя в здании Экипажа обыкновенная лестница с перилами, отныне она стала трапом, столовая – камбузом, уборная – гальюном, полы – палубами, потолки – подволоками, пороги – комингсами, а стены – переборками» [Там же, 1996].

Однако автор почти сразу после завязки действия вводит в текст мотив столкновения ожиданий с реальной жизнью: вместо светлых классов юнг временно размещают за городом в деревянных бараках, на территории, огороженной колючей проволокой; вместо идеальной формы военных моряков – неподходящая по размеру роба; вместо верных товарищей – «народ разный»... Жизнь сразу вносит свои коррективы, и, по В. Пикулю, от человека зависит тот выбор, который он совершает в предлагаемых обстоятельствах.

Центральное место в хронотопе повести занимает образ Соловков, где была основана школа юнг. Первоначально авторский взгляд на Соловки основывается на метафорических, впрочем, общеизвестных, общекультурных ассоциациях. В своеобразном лирическом отступлении в первой части, рассказывая читателю историю Соловков, автор отмечает несколько их ипостасей. Соловки изначально были приютом для людей, гонимых властью. Соловки для Пикуля – это военная крепость, а монахи – не просто отшельники и труженики, но и ратные люди, вои-

ны: «Инок соловецкий носил под рясой кольчугу воинскую, рядом с молитвенником он держал боевой меч» [Там же]. Соловки – это тюрьма, место ссылки. Обитель – русский форпост в Поморье, где «во времена монгольского ига, во времена смутные Русь хоронила от врагов... древние акты государства, памятники народной письменности... Русь оберегала за этими стенами и ценности духовные» [Там же].

Традиционный для северного текста русской литературы мотив чуда возникает и в тексте В. Пикуля в связи с образом Соловков: «На протяжении многих веков атмосфера Соловецких островов пропитывалась не только аскетической тоской и неудовлетворённостью отшельничества, ещё она наполнялась огромной творческой энергией, которая и создала в конце концов чудо, имя которому – Соловки» [Там же]. Это чудо человеческого труда, чудо как результат духовной и физической работы русского человека, и как природное, Божье чудо, жемчужина Севера, оазис «в 150 верстах от Полярного круга» [Там же], где «иноки выращивали в оранжереях дивные цветы, а в парниках созревали арбузы, дыни, огурцы и даже персики... Невозможно перечислить ремёсла, которые процветали на Соловках. Сюда шла многоликая Русь не только на поклон святыням, но и чтобы восхититься плодами рук человека, дабы наглядно узреть чудеса, на какие способен русский человек в суровейших условиях, вблизи Полярного круга» [Там же].

Подобные обобщающие характеристики в итоге создают образ Соловков как модели государства. Соловки у Пикуля – один из вариантов вечного в мировой литературе острова-утопии, идеального государства, ограниченного от остальной земли, острова, жители которого благодаря природным богатствам («В зените богатства и могущества Соловецкий монастырь желал сыскать на островах только золотую жилу и источник горячего – всё остальное было в избытке») и собственным трудом и талантам («Они были сукноделы, фотографы, кузнецы, гончары, ювелиры, огородники, сыровары, сапожники, архитекторы, скотоводы, рыбаки, зверобой, косторезы...») сумели построить самобытный мир.

Архипелаг в книге показан с разных пространственных и временных ракурсов. Пикуль,

изображая Соловки, как бы меняет точки видения, чтобы образ получился более полным и объективным: юнги видят острова с моря, «изнутри», находясь, на соловецкой земле, в перспективе огромного мира, как его часть и как мировой центр, модель мира.

Так, поэтичностью отличается описание Соловков, когда их впервые видят подростки, причаливая к их берегам на госпитальном судне «Волхов»: «"Волхов"... медленно... заходил в сказочную гавань, прямо в лазурь которой обрывались замшелые стены крепости, сваленные из диких валунов. Старинные пушки глядели на пришельцев из узких бойниц, словно выглядывали из другого века» [Там же]. После морских штормов соловецкая земля кажется героям сказочной, обетованной. Эта антитеза «берег – море», данная в контексте образа Соловков, сохранится в повести и в дальнейшем, например, она актуализирована в «Разговоре 4», в эпизоде, когда юнги под руководством начальника школы Аграмова на лодке выходят в море. Шкоты, которые на берегу им казались обычными верёвками, в море превращаются в «бешеных гадюк» [Там же] и не даются в руки.

Первоначальный взгляд на Соловки «изнутри» в книге В. Пикуля принадлежит автору: «А внутри острова никем не тронутая глухомань. Через густой ельник едва проникают лучи солнца, горькие осины трепетно дрожат ветвями. В душных зарослях можжевельника и вереска, в россыпях брусники и клюквы, кроются тропы зверей, ещё не обиженных человеком. Среди обилия дикой малины, срывая её пухлыми тёплыми губами, бродят олени. Слепые лисицы живут на том острове – слепые, ибо чайки смолоду выклёвывают им глаза, чтобы лисицы не воровали яиц из их гнездовий. А в глуши острова величаво покоятся десятки озёр – красоты удивительной! И веками висит над лесом тишина, освящённая древностью. Лишь бьётся о берег море, гудят вершинами рыжестволые сосны, да чайка, пролетая над озером, крикнет – и отзовется крик птицы над островом печально и одиноко». Это описание, начинающее лирическое отступление о Соловках в первой части книги, выполняет несколько художественных функций. Во-первых, создавая в нём обобщённый образ Соловков, автор как бы задаёт вектор восприятия читателей. Он выделяет

ключевые особенности Соловков: первозданность природы, её дикость, нетронутость человеком; богатство окружающего мира; отдалённость и отделённость от всего мира – «глухомань»; сказочная красота; древность («веками... висит тишина»); гармония внутренней природной жизни Соловков, которая выстроена по особым законам.

Во-вторых, это обобщённое описание воплощает своеобразную модель мира Соловков, выделяет её основные элементы: земля и море, лес, озёра, тропы / дороги, животные и птицы... В дальнейшем в повести юные герои воочию увидят каждый из них. Таким образом, с точки зрения композиционной роли это авторское описание становится в тексте своеобразным предисловием, образно-смысловые элементы которого будут развиваться в последующих частях произведения. И, наконец, в авторской характеристике Соловков задана одна из смысловых оппозиций повести: человек и природа.

На Соловках социальное и природное существуют, но человек, чтобы выжить, должен постоянно преодолевать стихию, в то же время согласуясь с её извечными законами. Жизнь здесь превращается в особое искусство, что ощущает главный герой, уже первый раз «окунаясь» в мир Соловков, когда юнг ведут по лесной дороге к Савватьеву: «Она была прекрасна, эта дорога, и юнги, вчерашние горожане, даже малость попритихли при виде её красот. Сколько озёр! Сложная система старинных дамб, возведённых трудом богомольцев, была создана вполне художественно – гармония с природой соблюдена. Идешь по такой дамбе, справа возле самых ног плещет рыбой озеро, слева, внизу, будто в пропасти тоже затуманилось волшебное озерко. Как люди умудрялись одной лопатой творить такие чудеса – непостижимо!» [Там же].

В восприятии Соловков в книге В. Пикуля устойчиво соседствуют реальные объективные характеристики (например, автор очень подробен в обозначении географических частей архипелага; здесь много топонимов – Секирная гора, Савватьево, залив Сосновый, Святое озеро и пр.) и мотив чуда. И автора, и героев, особенно в первых частях, не покидает ощущение того, что Соловки – загадочный и несколько ирреальный мир. Так, например, описывается озеро ря-

дом с Савватьевым: «В просвете величавых сосен и вправду засветилось озеро – длинное, мрачное, колдовское. Хотелось верить, что по ночам, когда притихает природа, в этом озере начинают играть водяные, высоко всплеснёт воду чаровница-русалка...» [Там же]. Сознание юного героя под воздействием природных впечатлений рождает фольклорные сказочные ассоциации, что актуализирует ещё одну значимую черту природного космоса Соловков – её национальный, русский, родной по духу для героев характер Соловков превращается в какое-то сказочное Лукоморье. Однако с развитием сюжета из восприятия героев постепенно уходит сказочная, мистическая поэтизация Соловков – сама жизнь способствует возникновению реальных объяснений казавшихся нереальными явлений природы. Так, уже в финале приведённого выше описания читаем: «Совсем неожиданно, разрушая очарование, громадная чёрная крыса с длинным хвостом прыгнула с кочки в воду. За ней – другая, третья, ещё, ещё крыса» [Там же]. Появление мускусных крыс, завезённых на Соловки из Канады, не столько разрушает очарование острова, сколько настраивает восприятие героев на иной лад.

В смысловом отношении в большей степени с мотивом чуда в тексте связаны образы озера и леса.

Так, например, образ озера приобретает древний фольклорный смысл во взаимосвязи с мотивом границы в эпизоде, когда Савва проводит проверку своего мужества, решая, что либо научится плавать и станет моряком, либо погибнет. Герой для испытания тщательно выбирает подходящее соловецкое озеро: «Озёр на Соловках не пересчитать... Одно озерко не понравилось ему цветом торфянистой воды. Другое слишком обожгло пятку стужей... Он вышел к третьему озеру, которое показалось ему вполне подходящим. Длинная жердина от самого берега не могла прощупать дна» [Там же]. Образ озера в повести тесно связан с мотивом двоемрия (подобное мы сможем наблюдать и в одном из описаний Белого моря у Пикуля). Спустившись в «оглушительную глубину» [Там же] озера, «Савка разглядел древние коряги, похороненные на дне... и длинные волосы водорослей тянулись к нему» [Там же]. Черты подводного мира явно обладают признаками инфернально-

го пространства смерти: холод, темнота, глубина, «похороненные коряги»... Мир живых, надводный противостоит смертоносным глубинам: «Ладони розово осветило солнце. Они первыми проткнули ту плёнку, что делила мир на две стихии» [Там же].

Важный во внутреннем сюжете повести, связанном с проблемой нравственного, личностного становления героя, этот эпизод на уровне хронотопа коррелирует и с образом леса. Борясь со своим страхом и стыдясь перед товарищами из-за собственной слабости, Савка убегает в лес: «Вечером опять из-за леса его окликал горн. Весь день он проползал по холмам и низинам, безо всякого аппетита ел морошку, прошлогоднюю кислую клюкву... Наступала ночь. Отчаянье становилось острее» [Там же]. В соловецком лесу юный герой остаётся один на один с собой, что наталкивает на ассоциацию с древним обрядом инициации. Лес мифологическое сознание воспринимало как особое сакральное пространство, переход в иной мир, поэтому символическое обретение будущим воином своей сути, познание себя, собственных сил происходило часто именно там. Под утро, когда «край неба за морем просветился», и лишь «большой тенью, ломая хрусткий валежник, прошёл одинокий самец-олень, Савка принимает окончательное решение, формулируя для себя почти гамлетовский вопрос: «Или я человек... или я тряпка» [Там же].

Лес и озеро, актуализирующие мифопоэтический фольклорный мотив границы, становятся не только местом действия в эпизоде испытания Савкой своих духа и воли, но и превращаются в своеобразных героев, немых свидетелей, беспристрастных судей над человеком.

Порой подобные функции в повести начинают выполнять и образы животных. Например, автор вводит в текст скрытое сопоставление главного героя, боящегося воды, с птенцами чаек: «Савка с берега наблюдал, как птенцы чаек, едва вылупившись из яйца, уже плавали в море. Это они умели от рождения. Но зато от рождения им не дано умение летать. Исподлобья Савка следил за тем, как чайка приучала к полётам своего сыночка – чабара. Птенец старался подражать матери: махал крылышками, бежал по мокрой отмели, но оторваться от неё никак не мог... чабар с разбега втыкался клю-

вом в песок и тут же получал хорошую трёпку от мамы. Тогда он дезертировал от мамы в воду, где стихия бездна была ему близка и понятна...

Савка вдруг спросил себя:

- А разве человек от рождения не создан для воды?» [Там же].

Однако большинство образов соловецких животных и птиц всё же характеризуют внутреннее пространство островов как самобытный мир. Это и мускусные крысы, завезённые из Канады, жизнь которых выступает как бы своеобразным показателем благополучия или неблагополучия экосистемы Соловков (эпизод с гибелью ондатры во время диверсии – отравления озёр). Это и слепые соловецкие лисицы, и, конечно же, особая порода чаек. Образ последних тесно связан с временным планом: времена года на Соловках по-настоящему сменяют друг друга, только когда на зиму с архипелага улетают чайки, а весной – возвращаются. Таким образом, мир Соловков у Пикуля устроен разумно, все его элементы взаимосвязаны друг с другом и подчинены единым природным законам.

Особое место в структуре художественного мира книги Пикуля занимает образ моря, который расширяет пространство повести до Севера в целом, возникая не только в основной части книги, но и в Эпилогах.

В основной части, непосредственно связанной с образом Соловецких островов, главный герой называет море «своей колыбелью» [Там же]. С образом моря также тесно связаны мотивы чуда и двоемирия: «Белое море – море чудесное. Никто бы раньше не подумал, сколько в нём живности и красоты... И чего тут только не увидишь – и огненных морских ангелов, и цветное желе медуз. Сонно ползают по дну жирные утюги камбал, а из глубины светятся лучи кремнистых звёзд – таких удивительно правильных очертаний, словно природа отштамповала их серийно на своём удивительном станке» [Там же]. Море и его красоты для героя и автора – это ещё и произведение искусства, результат творчества некой чудесной силы.

С другой стороны, восприятие моря как чуда в книге характеризует не только сознание мальчишек, но и моряков вообще. Вспомним, как Аграмов, выйдя в шлюпке в море во время шторма, разрешает юнгам свистеть: «Старые

морсофлоты свистом призывали к себе нужный ветер и свято верили в чудеса» [Там же].

Интересно, что отношение к морю у героев меняется по мере их обучения: «Море из затаённой опасности превращалось в дружескую стихию, вода становилась родной колыбелью» [Там же].

Однако образ моря антиномичен: ассоциация с колыбелью отсылает к мотиву рождения, появления на свет, но море в книге связано и с обратным в смысловом отношении мотивом смерти: «Верхушки волн уже захлёстывали шлюпку, бездна неслась возле самых губ. Можно было пить таинственную глубину, насыщенную рыбой, медузами и мраком» [Там же]. Многие юнги найдут успокоение в этом мраке, многих из них столкновение со смертью в море изменит навсегда.

Образ моря в основной части актуализирует островную природу Соловков; архипелаг, ограниченный морем, начинает восприниматься как модель самодостаточного мира, отделённого от всего света огромными пространствами воды.

С морем же связаны специфические соловецкие чудеса. Например, мираж – «редкое явление рефракции», которое юнги наблюдают в жару: «На горизонте, чуть ниже облаков, возник поднятый над морем большой город со старинной церковью, высились портовые краны, возле лесопилок стояли под загрузкою корабли... Очевидно, это была Кемь на поморском берегу» [Там же].

Море же влияет на переменчивость соловецкой погоды: после непереносимой жары вдруг в июне на островах выпадает снег: «А потом роза ветров повернулась в хаосе циклонов, и над Соловками закружился обильный снег. Правда, солнце тут же растопило его и снова зачирикали птицы, но снежный буран в июне был примечателен» [Там же]. Северные природные чудеса у Пикуля всегда получают реальное научное обоснование, но от этого не становятся менее удивительными для героя и автора.

Море же является для Соловков и той дорогой, которая соединяет их с большим миром. Так, ещё в начале повести автор вводит художественную деталь, описывает «грубо обтёсанный» соловецкий камень: «Если содрать с него мох, проступили бы древнеславянские письмена;

ОТ СЕГО ОСТРОВУ

ДО МОСКВЫ-МАТУШКИ – 1235 ВЁРСТ,

В ТУРЦИЮ ДО ЦАРЬГРАДА – 4818 ВЁРСТ,
ДО ВЕНЕЦИИ – 3900 ВЁРСТ,

В ГИШПАНИЮ ДО МАДРИДА – 5589 ВЁРСТ,

ДО ПАРИЖА ВО ФРАНЦИИ – 4096 ВЁРСТ» [Там же].

В соответствии с такой пространственной перспективой Соловки воспринимаются как своеобразный центр мира, от которого расходятся дороги в разные стороны света.

В целом же в образе Соловков автор постоянно подчёркивает связь пространства и времени. Так, в приведённой выше цитате указывается древний характер написанного на камне текста, и, рассматривая некоторые природные образы, например, образы соловецких озёр, автор также отмечает их связь с древним прошлым Руси: «До чего же прекрасны соловецкие озёра и как вкусна в них вода! А названия – просто дивные: Ягодное, Пустынное, Хлебное, Благодатное, У Креста, Палладиево, Очинка, Великопорточное... Нырять в такие озёра, будто окунаешься в давние времена Руси» [Там же].

В моделировании художественного времени у Пикуля важное место занимает принцип сопоставления прошлого и настоящего. Прошлое не только вписывает Соловки в вечность, в древнейшую историю России, но и указывает на конкретные исторические эпохи. Так, например, в первое время на островах юнги повсеместно сталкиваются с приметам лагерного прошлого Соловков: в Савватееве Огурцов видит табличку с надписью «С.Л.О.Н.»; пока строится школа, юнги живут в здании соловецкой тюрьмы, где на стенах читают характерные надписи; напоминает о страшном прошлом юнгам и маяк на Секирной горе, где, по словам, одного из наставников юнг, кого-то «в древности здорово высекли» [Там же].

Настоящее, эпоха 1940-х, врывается в книгу документальными, вставленными в повествование основной части и нарочито точно датированными хрониками ТАСС, тревожными размышлениями юнг о родных, находящихся далеко от них, письмами... Соловки оказываются местом, где сходятся прошлое и настоящее, вечность и мгновение, а для юнг они связаны ещё и с будущим, возможностью реализоваться в профессии далее, с мечтами о грядущих встречах с близкими, о победе.

Кроме того образ Соловков с точки зрения художественного времени выстраивается по календарному хронологическому принципу: от 2 августа 1942 г. до осени 1943 г. в конце четвертой части.

Первые впечатления героя касаются соловецкой осени: «Август кончился. Северное лето короткое, и на Соловки надвинулась осень. Зарядили дожди. Набухла почва» [Там же]. Северная осень поражает Савку своей тоской, здесь, возможно, как нигде печально умирание столь пышной летом природы, а человек кажется себе особенно маленьким, забытым: «Печально шумел по вечерам чёрный осенний лес, затекший дождями, и ты казался себе маленьким, заброшенным на край света, всеми забытым... Остров. Географическое понятие суши, окружённой со всех сторон водою, иногда всё же сказывается на психике. И очень редко, в исключительных случаях, начинал работать маяк на Секирной горе – яростные проблески света, отрывисто посланные в безлюдность осеннего моря, только усиливали одиночество» [Там же]. Соловки у Пикуля «бьют» человека не меньше, чем море: чёрные низкие облака давят, белоснежных чаек сменяют чёрные вороны, а сырость и холод порождают болезни...

Однако Пикуль подчёркивает в то же время, что человек на Соловках, преодолевая их действие, всё же способен стать частью этого мира. Так, например, он использует повтор цветовой детали – «чёрный», рассказывая о финальном этапе строительства школы, осуществлённого силами юнг: «Чёрные роты уходили в чёрный лес, чтобы занять свои кубрики» [Там же]. Определение «чёрный», которое до этого использует автор для характеристики соловецкой осени, здесь словно соединяет природный и социальный миры.

Для автора и Саввы Огурцова календарное соловецкое время тесно взаимосвязано с жизнью школы юнг. Так, ноябрь – фактическое время наступления зимы на архипелаге («Уже ноябрь, и вокруг белым-бело, запуржило леса» [Там же]) – отдельно отмечен в тексте благодаря важному для юнг дню присяги: «Большая человеческая жизнь каждого юнга только начиналась. Именно в ноябре, когда русские солдаты начали уничтожение армии Паулюса под Сталинградом, когда врага сбросили с

предгорий Кавказа, юнг привели к присяге» [Там же].

Третья часть «Истинный меридиан» открывается поэтичной авторской пейзажной зарисовкой, посвящённой соловецкой зиме: «Соловки уже надели на себя тёплую шубу, день был ясный и чистый» [Там же]. Ярким и показательным признаком северной зимы у Пикуля становится северное сияние, которое автор то оригинально сравнивает с павлиньим хвостом, то проводит ассоциацию с небесным одеялом: «Зимний день на Соловках краток, зато хорошо спится юнгам под сполохами полярного сияния... Зима, зима. До самой трубы завалило кубрики снегом – тепло и уютно под глубоким снежным одеялом» [Там же].

Кроме полярного сияния характеристикой северной зимы в повести выступают тишина и лютый мороз: «Вокруг зима. Тишь, глухомань. Под лютым морозом полное безветрие: не колыхнётся ёлка, ни одна искорка не упадёт с её ветвей» [Там же].

Если зима вполне в соответствии с фольклорными традициями толкуется как время природного сна и смерти, то весна у Пикуля – период возрождения, когда Соловки открывают юнгам новые красоты. Четвёртая часть «Без капикул» начинается пейзажным описанием весенней Секирной горы: «Как Авачинская сопка открывает с моря берега Камчатки, так и Секирная гора, далеко видимая, открывает Соловки. Ранней весной, когда леса ещё додрёмывают под снежной шубой зимние сны, с далёкого Мурмана уже летит на Соловки первая чайка. Это чайка-вестница, и отличить её легко – на шее у неё чёрное ожерелье. Она садится на башню маяка, что стоит на вершине Секирной горы, и целый день над островом разносятся её резкие крики... Все вороны, прожившие зиму на Соловках, вдруг разом снимаются, отчаянно галдя, чёрная эскадрилья отбывает в сторону материка. А на следующий день уже летят на Соловки чайки, чтобы жить здесь до осени... Весна! Загорелись первые ландыши на полянах» [Там же]. Возвращение на архипелаг чаек – природный процесс, который в книге приобретает мифопоэтический подтекст, связываясь с мотивом цикличности, вечной повторяемости жизни. В связи с ним автор сопоставляет весну и осень: «Весна открывает... новую красоту Соловков. В

прошлую осень, таская брёвна и лопатя землю, ещё разобшённые и мало дисциплинированные, юнги этой красоты вполне не ощутили. А сейчас Соловки хорошели для них с каждым днём. Лёгкий пар сквозил над подталыми прогалинами. Обнажалось под солнцем богатство леса, полное разнообразия: доена и берёза, ивняки и можжевельники, ели и лиственницы. Не боясь людей, из чащи выходили на поляну олени...» [Там же]. И далее: «Настал день, когда двери кубриков уже не затворились внутрь землянок, пахучей волной вкатывало запахи потеплевшей земли» [Там же].

Весенние Соловки воспринимаются иными, чем прежде, не только в результате сравнения с их осенним состоянием, но и вследствие эффекта художественного импрессионизма, который в этом фрагменте стремится передать изменившееся состояние юнг. Чем дольше герои Пикуля находятся на Соловках, тем больше они становятся частью их природного мира. Так, готовясь к экзаменам, «уходили юнги подальше в лес... облюбовывали для себя мшистую кочку помягче... и начинали повторять всё заново. Заодно подкармливали себя сочной лесной малиной, черникой и брусникой. Над стриженными головами юнг буйно вспыхивали яркие бутоны дикого шиповника» [Там же].

Кроме календарного временного плана в тексте повести в связи с образом Севера возникает юность как особое время жизни человека. В части пятой – «Держись крепче!», – которую составляют воспоминания героя о службе на Северном флоте на эсминце «Грозный», рассказчик отмечает, что юность «кончилась... в тот день, когда он в последний раз выбрался по трапу из БП – II БЧ1 эскадренного миноносца “Грозный”» [Там же]. На память о юности у героя остаются две ленты – «одна с именем эсминца, а другая – юнговская» [Там же] и ощущение, что ему «не угрожает старость» [Там же], право на вечную молодость. Вечность Соловков словно вливается в кровь юнг. Неслучайно природный образ, характерный для соловецкой картины мира, – образ моря – в «Эпилоге последнем» маркирует мотив юности: «Счастливы люди, юность которых пронеслась в разгуле волн, на шатких корабельных палубах. В море юность быстрее, чем на берегу, смыкается с ожесточённым в борьбе мужеством. С высоких мостиков

кораблей юноши зорче оглядывают горизонты своей жизни... Глупо удерживать человека, если его позовёт море. Эти призывы моря особенно хорошо слышны в юности» [Там же].

Именно северное море становится основным образом в Эпилогах книги. Причём С.Я. Огурцов во всех Эпилогах, кроме последнего, в своих воспоминаниях создаёт точный и подробный образ моря и Севера в целом. В Эпилоге I – это Кольский залив в районе Полярного. В Эпилоге II изображён страшный осенний Ледовитый океан, над которым уже «нависает мрак полярной ночи»; серое Баренцево море своим ледяным холодом уносит жизни и здоровье людей. В Эпилоге III Огурцов вспоминает ещё один конкретный эпизод войны – своё участие в артподготовке к общему наступлению на врага в Заполярье, случившееся в Мотке во время службы на одном из «кораблей плохой погоды». Эпилог IV трагичен по своему звучанию и повествует о героической гибели юнги Коли Поскочина близ берегов острова Диксон.

Пятая часть книги Пикуля близка по стилистике и характеру восприятия северного моря и Севера к вышеназванным Эпилогам. Рассказчик предельно конкретен и подробен в описании своих первых месяцев службы на Северном флоте. При этом следует заметить своеобразную поэтичность высказываний С.Я. Огурцова: «Я продрог до костей и всё-таки не ушёл с полубака, пока эсминец двигался из Ваенги на выход из Кольского залива. Была глухая арктическая ночь, но полярное сияние полыхало вовсю. В этом феерическом свете перемешались все краски радуги, окрашивая огромный мир из нежно-зелёного в трагически бордовый. Скалы вдруг стали круче, они как бы нехотя расступились перед эсминцем, образуя каменный коридор, и фортштевень “Грозного” вдруг подбросило кверху, весь в ослепительном сверкании пены. Вода фосфорилась столь сильно, что побеждала даже мрак ночи. Я глянул на скалы и обомлел. Гигантскими буквами на них были начертаны белилами напутствия Родины всем уходящим в море:

Североморец – отомсти!

Смерть немецким оккупантам!

Это была такая наглядная агитация, что пробирала до самых печёнок» [Там же]. Думается, такие эмоциональность и поэтичность рассказ-

чика рождены тем, что для него в службе на северном флоте, о которой он мечтал, сливаются и особое очарование северного природного мира, и важная для героя возможность профессиональной реализации, и понятное для каждого советского человека желание одержать победу над врагом. Поэтому так естественно в его пейзажных зарисовках сливаются образы природы и корабля. Таково, например, описание бури: «Я встал. Всё дрожало и тряслось вокруг меня – в грохоте, в тумане. Вот оно, море! В полном мраке неслись надо мною чёрные туши волн, среди которых совсем затерялся “Грозный”, казавшийся посреди стихии маленьким и хрупким» [Там же]. И далее: «Передо мною качался затемнённый экран ночи, на котором стихия прокручивала один и тот же бесконечный фильм. На фоне черноты и гула волн иногда вырисовывался острый нож полубака эсминца, который упрямо резал волну» [Там же]. «Грозный» для Огурцова – сам часть стихии и в то же время сила, способная ей противостоять, управляемая человеком. Поэтому, наряду с подробностями при описании внешнего пространства (например, обилие топонимов – «Новая Земля», Мотовский залив, остров Средний, Ваенга и пр.), рассказчик очень внимателен при воссоздании характеров людей – его первых учителей в морском деле. Огурцов в книге вспоминает не только имена наставников школы юнг, но и членов команды

«Грозного»: штурман Присяжнюк, старший рулевых, помор Курадов, гироскопист старшина Лебедев, минёр Дрябин и др.

Они для Огурцова тоже часть его Севера, возвращённого мечтой о море, генетически связанном с человечеством: «Человечество зародилось в море. Не оттого ли в венах людских и поныне буйно пульсирует кровь – солёная, как и вода океанов?» [Там же].

Ю. Казаков в «Северном дневнике» написал: «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьёз начинает быть» [Казаков, 1960]. У героя В. Пикуля, как и у героя Ю. Казакова, это происходит на Севере. Савва Огурцов по настоящему становится собой, обретая связь с северным морем. Так книга В. Пикуля «Мальчики с бантиками» из повествования о конкретном эпизоде советской военной истории превращается в повесть-воспитание о важном, трудном и определяющем этапе становления человеческой личности и книгу о Севере-художнике, который помогает эту личность вылепить.

Литература

Казаков Ю.П. Северный дневник. – М., 1960. – Загл. с экрана. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=60042> (дата обращения: 25.04.2018).

Пикуль В.С. Мальчики с бантиками // Пикуль В.С. Баязет. – М., 1996. – 528 с. – Загл. с экрана. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/russian/piku/9/index.htm/> (дата обращения: 12.12.2017).

A.V. Davydova, I.A. Menshikova

Image of the North in the Story by V.S. Pikul «Boys with Bows»

The article represents a private stage in studying of the Northern text of the Russian literature for children. In work in the context of the system and semantic and chronotopical analysis the specifics of an image of the North arising in the story by V. Pikul «Boys with bows» are considered. At the same time three main spatial locus – Arkhangelsk, the Solovki and the space connected with the North Sea are characterized. In the description of Arkhangelsk the image of Solombala is especially allocated. It's the sea settlement which is recreated in realistic significant details and at the same time on the basis of metaphorical associations. Special attention is paid to a locus of the Solovki. Pikul represents it and changes vision points in the text: ship's boys perceive islands from the sea; being on the Solovki earth; as a part of the huge world and as world center, world model. This image is built on traditional semantic oppositions: the earth – water, social – natural, reality – unreality. The image of the sea in the book is closely connected with motives of a miracle, way, birth and death, and two worlds. In modeling of art time the principle of comparison of the past and the present and also two semantic plans – concrete historical and biographic take the important place.

Keywords: The Northern text of the Russian literature for children, an image of the North, art time and space.

Поэтика имени в прозе Е. Айпина (на материале книги «Время дождей»)

Одним из способов исследования художественного мира писателя является изучение ономастического пространства его произведений. Исследования современной литературной ономастики осуществляются на широком материале, и данному вопросу посвящено значительное количество работ. Между тем ономастическое творчество современных писателей Севера остается до сих пор мало изученным.

В художественном произведении наибольшую смысловую нагрузку несут антропонимы, которые являются неотъемлемым компонентом ономастической системы в целом и служат для раскрытия замысла писателя. Отбор антропонимов и их взаимодействие с контекстом определяются канонами жанра, художественным методом автора и многими другими неповторимыми индивидуально-творческими особенностями стиля писателя.

В данной статье рассмотрены особенности имен собственных в рассказах хантыйского писателя Е. Айпина, вошедших в сборник «Время дождей». Проведен анализ некоторых произведений с учетом такого компонента, как имя с его художественной семантикой и функцией. Данный материал показывает, что имя собственное в рассказах писателя выполняет важную роль – являясь важным элементом авторского замысла, передает не только особенности хантыйского языка, но менталитет и мироощущение народа.

Ключевые слова: художественный текст, антропоним, ономастика, символ, имя-прозвище, хантыйская литература, фольклор, Еремей Айпин.

Имя собственное относится к числу наиболее выразительных, ярких и специфических элементов стиля писателя. Каждый писатель создает свой неповторимый ономастический мир, который органически входит во «внутренний мир художественного произведения, знаки которого служат для образного отражения действительности и соединяются друг с другом в некоей определенной системе, живут в своем художественном времени и пространстве», – пишет Д.С. Лихачев [1987, с. 120].

Для решения вопросов, связанных с художественными наименованиями, активно собирается и анализируется фактический материал. Учеными исследуются и описываются имена в художественном наследии русских и зарубежных авторов, а также составляются словари имен отдельных произведений и творчества писателя в целом.

В настоящее время достаточно глубоко и всесторонне изучены антропонимические системы произведений таких писателей, как А.Н. Островский, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, М.А. Булгаков, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак.

В значительно меньшей степени изучена ономастика художественных текстов писателей

Севера. Немалую роль в изучении этого вопроса сыграли труды исследователей А.В. Суперанской, П.Я. Скорика, А.В. Смоляка, И.Т. Молчановой и других, вошедших в книгу «Антропонимика» [1970], исследования литературоведов Н.Г. Михайловской «Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока» [1984], А.В. Пошатаевой «Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие)» [1988].

Многообразие видов поэтических антропонимов, изучение особенностей их функционирования в художественном произведении и их постоянное обновление позволяют глубже понять художественный мир писателей.

Цель данной статьи – выявление особенностей употребления имени в прозе Еремея Айпина – современного хантыйского автора, пишущего на русском языке. В качестве материала исследования послужила книга «Время дождей (рассказы разных лет)», опубликованная в середине 1990 гг. Сборник состоит из четырнадцати рассказов, написанных Е. Айпиным в 1970-е гг., кроме двух – «Русский лекарь» (1993) и «Осень в твоём городе» (1993).

В отечественной лингвистике исследования собственных имен народа ханты представляют

ся наиболее сложными, так как «ханты и манси раньше других северных народностей вступили в тесные контакты с русским населением, подверглись интенсивной христианизации и давно полностью утратили свою антропонию, заменив ее русской» [Скорик, 1970, с. 42].

Герои рассказов Е. Айпина, вошедших в книгу «Время дождей», – это простые охотники, оленеводы, рыбаки, сельские жители, сородичи самого писателя (род Бобра), поэтому в текстах характерно присутствие таких имен, как Анна, Анисья, Матрена, Мария, Вера, Дарья, Марина, Устинья, Архип, Осип, Коска, Маремьян Лагерм, Митрий, Микуль, Ефрем, Прокопий.

Собственные имена (русские) претерпели некоторые фонетические и морфологические изменения в хантыйском языке и адаптировались в народном сознании. Так, имя Микуль в рассказе «Волки» (1973) соответствует русскому имени Николай, в рассказе «Конец рода Лагермов» (1974) имя главного героя Мартемьян звучит как Маремьян, согласно фонетической системе хантыйского языка.

Вместе с тем исследователями установлено, что некоторые русские фамилии представляют собой адаптированные бывшие национальные имена-прозвища. Так, например в книге Н.Г. Михайловской находим следующие примеры: «...фамилия Лончаков – от *Ленцаки* “слабый”, Меров – от *Нэрп* “бордовый”, Ромбандеев – от *Ромпанти* “спешащий”» [Михайловская, 1984, с. 71].

Исследуя этническую идентификацию народа ханты, С.С. Успенская пишет: «Различают хантыйский этнос также и по крупным территориальным группам. Обычно эти объединения именовались по названиям рек<...>. В свою очередь эти территориальные группы распадаются на ряд более мелких, которые отождествляются с названиями притоков, озер, других топонимических объектов, близ которых проживает население» [Успенская, 2007, с. 157].

Обобщая наблюдения над антропологической системой народов Севера, П.Я. Скорик подчеркивает, что «ведущую роль в наименовании людей выполняло личное имя-прозвище: у одних оно служило для различения индивидов, объединенных родовым названием, у других – для различения индивидов определенной территориальной группы» [Скорик, 1970, с. 46].

В произведениях Е. Айпина указанные особенности антропоники находят отражение в собственных именах персонажей. Так, в рассказе «Русский лекарь» (1990) имена древних родов ханты отражены в монологической речи персонажа, где рассматриваемые антропонимы соотнесены по территориальному признаку: *«Возможно, Старший Казамкин вспоминал рассказы о том времени, когда его предки пришли сюда, в верховье Агана с далекого Казыма, правого притока Нижней Оби. Пришли и обосновались тут в пустынном в ту пору верховье реки. Ведь на среднем и нижнем течении тогда уже жили другие роды. Если спуститься вниз, то после Казамкиных пойдут Сардаковы, Айпины, Лейковы, Тылчины, снова Айпины, Тырлины, Покачевы, Епаркины, вторые Тырлины, снова Покачевы, потом Лисмановы – а там и устье Агана»* [Антропонимика, 1970, с. 128].

В работах В.М. Кулемзина отмечено, что у восточных хантов существуют три родовые группы – Медведя, Лося и Бобра, соответственно этому и назывались их представители. Так, в рассказе «Бездомная собака» (1979) находим пример, в котором антропоним соотнесен по родовому признаку: *«А старшая хозяйка Матрена поцеловала их в щеку, улыбаясь, приветствовала нараспев: - А-а, мои бобровые братья, здравствуйте! Давно не виделись!.. Она вышла замуж за охотника Лосинового рода, а родилась в роду Бобра – братьям приходилась сестрой»* [Там же, с. 102].

В рассказах Айпина специфичность национальных собственных имен обычно наблюдается при номинации персонажей старшего поколения. В формах и приемах использования антропонимов в тексте нередко проявляется индивидуальная манера автора. Например, из рассказа «В урмане» (1973): *«У главы рода много имен, рассказывал я своему спутнику. Ханты зовут его и Чач-ики, и Данива-ики, и Коски Отец – это по имени старшего сына»* [Там же, с. 128]. Здесь, в монологической речи персонажа, автор посредством пояснения мотивирующих компонентов, составляющих данное имя, раскрывает тесную связь с его семантикой. Подобный пример обнаруживается и в другом отрывке из рассказа «В урмане» (1973), где семантика имени раскрывается в прямой речи

персонажа путем мотивации отдельного компонента, входящего в его состав: « - Коска, значит Константин. Появилась седина – прибавили “ики”, старик, значит, пожилой человек, – от- ветил охотник» [Там же, с. 30].

Иногда Е. Айпин использует несобственные наименования, употребляя вместо имени героя личные местоимения. Прежде всего это продиктовано этическими установками народа, сложившимися в течение веков. Как отмечает В.М. Кулемзин, «обращаясь друг к другу или говоря об отсутствующем, пользовались чаще не именами, а терминами родства. Они составляли сложную систему с учетом возраста, родства по мужской или женской линиям, кровного или по браку» [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 17]. Например: «Помогает Моей* одежду шить, стирать, еду готовить<...> Моя, родившая мне пятерых детей, преждевременно оставит этот мир».

В рассказе «Во тьме» (1977) обращение к жене выражено национальным наименованием ими: «Как-то нехорошо стало на душе у Ефрема. Сети все-таки не кисы, из оленьих жил не сплетишь. Да тут еще жена со своим судом... И он тяжело разомкнул челюсти: – Ими-эй!..** – отпечатал он и замолк – не знал, что дальше сказать. Жена запнулась на полуслове – так весело и внушительно прозвучал голос мужа».

По-иному в рассказах раскрывается своеобразие собственных имен мифологических персонажей. Имена больших и малых богов, добрых и злых духов, созданных фольклором, часто выступают в функции олицетворения сил природы. Имена национальной мифологии используются автором в контекстах разных форм и типов, но постоянно сопровождаются русскими словосочетаниями, передающими семантико-понятийную значимость имен хантыйских божеств.

К примеру, один случай зафиксирован в авторской речи, сближающейся с несобственно-прямой, в рассказе «Во тьме»: «Между тем хозяйка угощает гостей чем бог послал. Насчет этого у Ефрема строго: пришел гость – кто бы ни был – угощай чем богат, не роняй достоин-

ство дома. Твое гостеприимство учтут Распределяющий Зверя, покровитель таежных зверей-птиц, и Ас-ики***, покровитель рыбьего царства. Эти боги потом с лихвой возместят то, что было поставлено гостям. Может быть, поэтому удача всегда сопутствует Ефрему на промысле. Ведь он ничего не жалеет для гостей».

Второй случай представлен в форме диалога, в котором понятийное содержание слова восполняется контекстом, в рассказе «Русский лекарь»:

«– Кому – я помогаю, кто – мне помогает. Как без этого-то жить?»

– Да, верно говоришь, Осип.

– Мне самому-то что?! Боюсь – не боюсь, а как порешит мой Верховный Торум – так тому и быть! – я взглянул на небо. – Там мой Главный восседает...

Молодой Человек проследил за моим взглядом и сказал такие слова:

– Да, от судьбы никуда не уйдешь...» [Антропонимика, 1970, с. 143].

Несомненно то, что образ-носитель мифологического имени в рассказах Е. Айпина связан с идейно-эстетической и нравственной позицией автора. Мифологические персонажи, порожденные народной фантазией, участвуют в судьбах людей. К ним обращаются герои рассказов в счастье и беде, радости и горе.

В прозе Е. Айпина наблюдается частое использование имен-прозвищ. В хантыйской культуре имена-прозвища являются неотъемлемой частью неформального общения и распространяются в близком кругу знакомых и родственников. Так, старого оленевода из рассказа «Русский лекарь» (1990) зовут Иосиф Александрович, но на протяжении всего повествования упоминается другое его имя – прозвище Осип: «Сначала он все называл меня “Иосифом Александровичем”. На это я ему сказал, что отец мой давно ушел в Нижний Мир. А у нас, у хантов, не принято называть по имени и попусту беспокоить тех, кто уже перебрался в тот мир. Поэтому зови меня про-

*Обычно не принято супругам называть друг друга по имени. Говорят «Мой» или «Моя», или, к примеру, «Лидии Мама», «Ивана Отец», «Наших детей Мама» и «Наших детей Отец») [Антропонимика, 1970, с. 132].

**Ими – жена, ими-эй – обращение к жене (хант.) [Там же, с. 70].

*Ас - ики: буквальный перевод: Обь-старик) [Там же, с. 68].

сто Осипом» [Там же, с. 124]. Номинация *Осип* воспринимается как фонетическое освоение антропонима *Иосиф* так же, как *Коска* – *Константин*.

Другой герой рассказа «Русский Лекарь» (1990), молодой русский зоотехник, получает несколько имен: *«Как-то во второй половине лета к нам приехал русский молодой человек, зоотехник, или, как мы его называем, олений лекарь <...>. Любопытным оказался, всем интересуется. Об оленях, о житье-бытье, об обычаях <...>. Между собой мы называли его Русским Молодым Человеком, Оленьим Лекарем и просто Лекарем»* [Там же, с. 124].

В данном примере можно говорить о «метафоризации признака», где рассматриваемое имя-прозвище соотносено с именем существительным «зоотехник», в котором содержится значение «лечить, следить за животными», в данном случае за оленями.

Как отмечает Н.Г. Михайловская, «идейно-смысловая значимость прозвища получает свое углубленное развитие в соответствии со всей художественной структурой произведения» [Михайловская, 1984, с. 74]. Так, Русский Лекарь, бывалый солдат, наблюдательный и внимательный зоотехник, честный и справедливый, помогает Осипу в его нелегкой пастушьей работе, а в конце рассказа, оказавшись членом высокой комиссии по пропаже оленей, спасает Осипа от суда и тюрьмы. Русский Лекарь оставляет о себе добрую память в сердце Осипа и получает еще одно имя – Мой Олений Лекарь.

В рассказе «Старшой» (1977) герой получает имя-прозвище «машинный человек», которое соотносено со словом «мотор»: *«Все началось с маленького подвесного моторчика. Его привез из райцентра тетушкин муж <...>. Однажды мотор забарахлил – не заводится да и только. Бензин идет, искра есть, а работать не хочет <...>. Наконец Никита глухо сообщил, что нет на свечке медного колечка, оттого-то и не заводится мотор. Не поверили охотники, но все же надели на свечу прокладку, наворачнули как следует. Дернули раз, другой – и запыхтел мотор. Тут порешили охотники-старики, что быть Никите не следопытом таежным, а “машинным человеком”* [Антропонимика, 1970, с. 61]. Здесь номинация персонажа осуществляется и по имени собственному, и по прозвищу.

Наименование персонажа репрезентируется автором-рассказчиком, который стремится объяснить происхождение прозвища.

Вариантность номинации (имя собственное-прозвище) не исключает того, что конкретный персонаж, а иногда и герой повествования обозначается только по прозвищу, в основе которого лежат индивидуальные нравственные и физические особенности действующего лица.

Например: *«Дизелисты немного побаивались и недолюбливали Ларломкина за угрюмый характер и излишнюю требовательность. Называли его просто Старшой, хотя этому смуглому, скуластому пареньку было всего лет двадцать шесть»* [Там же, с. 57]. В этом примере мы видим, что признак, выражаемый номинацией, объективно-нейтрален по своему характеру (*Старшой – угрюмый характер*) и лишен эмоционально-экспрессивной маркированности. Рассмотрим другой пример, из рассказа «Конец рода Лагермов» (1974): *«...Маремьян быстрым цепким взглядом окинул незнакомца: его красивое возбужденное лицо было помятым и красным от выпитой водки. Глаза ледяно-голубые, мертвые. Казалось, плесни туда воды – вывалится кусок льда. “Беспалый”, – определил Маремьян, здороваясь с ним. – “Без мизинца”»* [Там же, с. 37].

В рассказе отрицательный герой обозначается прозвищем «Беспалый», в основе которого лежат индивидуальные нравственные и физические особенности действующего лица. Данное прозвище вызывает ассоциации с обитателями Нижнего мира, которые характеризуются различными физическими увечьями, уродливой наружностью, половинчатостью тела (одна рука, нога, глаз). Экспрессивность, заключенная в самой номинации, находит дальнейшее обоснование в ходе сюжетного развития и непосредственно связывается с образом персонажа. Таков Беспалый – убийца, человек, живущий по закону «все люди – звери».

Связь номинации с образом действующего лица создает тот комплекс эмоций, который превращает данную номинацию в «говорящее имя». Этот процесс достигается, как отмечает Н.Г. Михайловская, «через ступень лексико-семантической эквивалентности на уровне двух языков – национального и русского» [Михайловская, 1984, с. 74]. Например: *«В это лето*

поводился сюда главный лесничий из Чистоборска Никита Никитич Щепкин, добродушный коротыш с блестящей лысиной. Охотничьи собаки люто ненавидели лесничего и, когда тот появлялся, поднимали яростный лай, наверное от того, что от него всегда разило спиртным. “Мик! – сказал Маремьян. – Пусть будет так!”» [Антропонимика, 1970, с. 37]. В словаре хантыйских имен находим, что русское имя Никита переводится, как Микай. В рассказе автором дается сокращенный вариант – Мик.

Обращение автора к фактам и обстоятельствам, в ходе которых появилась данная номинация (номинация вообще), является своего рода «ширмой, скрывающей авторское отношение к персонажу» [Михайловская, 1984, с. 74]. Отрицательное или положительное, оно раскрывается как в ходе повествования, так и в отдельных контекстах. Например: «Мик без умолку болтал и размахивал короткопальными ручищами. Лишь время от времени, прерывая себя, раскатисто похохатывал, как мелкий бес» [Антропонимика, 1970, с. 38].

Неслучайно автор сравнивает отрицательных героев книги с мифологическими персонажами Нижнего мира и называет покорителей Севера «первопроходимцами», бездумно разоряющими природу ради повышения показателей нефтедобычи. Данное определение акцентирует идею нравственной пустоты, объединяющей все образы «чужих» в цикле «Время дождей». Наделенные нарочито отталкивающим гротескными чертами «чужие» фиксируют признаки отрицательного мифологического персонажа, противопоставленного культурному герою.

Рассмотренный материал показывает, что поэтика имени в прозе Е. Айпина основывается на понятиях и реалиях окружающей природы и животного мира и проявляется в репликах и монологах персонажей, а также в различных формах речи – авторской и несобственно-прямой. Национальное видение писателя создает особенный ракурс художественного образа, предопределяет приемы и средства выражения эстетической оценки и характеристики. Прежде всего это проявляется на уровне лексики при использовании имен-про-

звищ, национальных наименований, русскоязычных собственных имен, их фонетической трансформации согласно законам хантыйского языка. В анализируемых текстах антропонимы можно распределить по номинативным и семантическим группам: территориальные признаки – место рождения или проживания; родство или этническая принадлежность; возрастное положение среди других членов семьи, рода; фольклорно-мифологические и социальные понятия; слова и выражения, связанные с промыслом.

Таким образом, привлеченный к анализу материал показывает, что основу ономастики рассказов книги Е. Айпина «Время дождей» составляют элементы устного народного творчества. Антропонимика произведений раскрывается в характере сравнений, олицетворений, метафор, а также в системе образов и стилистической манере писателя.

Особенности стиля Е. Айпина передают этничность, свойственную произведениям писателя, а также подчеркивают стилевое своеобразие мастера слова.

Литература

- Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: роман и рассказы. – М.: Русло, 1993. – 423 с.
- Антропонимика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1970. – 360 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.
- Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3. – 520 с.
- Михайловская Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1984. – 160 с.
- Пошатаева А.В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). – М.: Наука, 1988. – 168 с.
- Скорик П.Я. Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1970. – С. 39–53.
- Успенская С.С. Этническая идентификация народа ханты в фольклоре и традиционных представлениях // Вестник ТГПУ. – 2007. – Вып. 3 (66). – С. 155–161.

S.A. Isakova

Poetics of the Name in the Prose of E. Aipin (on the Material of the Book "Time of Rains")

One of the ways of a research of the writer's artistic world is to study the onomastic side of his works. One of the ways to explore the writer's artistic world is to study the onomastic space of his works. Studies of modern literary onomastics are carried out on a broad basis, and a considerable amount of work has been devoted to this subject. Meanwhile, the onomastic creative work of the contemporary writers of the North remains to this day is still unexplored.

In the work of art, the greatest semantic load is borne by the anthroponyms, which are an integral component of the onomastic system as a whole and serve to reveal the writer's plan. Selection of anthroponyms and their interaction with the context is determined by the canons of the genre, the author's artistic method and many other individual-creative features of the writer's style.

In the article features of proper names in the stories of the Khanty writer E. Aipin, included in the collection "Time of Rains" (Vremya dojdey) are considered. An analysis of some works taking into account such a component as the name with its artistic semantics and function is carried out. The results of the research shows that the proper name in the stories of the writer plays an important role - being an important element of the author's concept, it conveys not only the features of the Khanty language, but also the mentality and attitude of the people.

Keywords: artistic text, anthroponym, onomastics, symbol, name - nickname, Khanty literature, folklore, Yeremey Aipin.

Е.И. Оконешиников

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.007
УДК 398.9(571.56)

Вклад Э.К. Пекарского в изучение якутского фольклора

Э.К. Пекарский вложил много труда и энергии в организацию сбора жанров устного народного творчества, в выявление особенностей героического эпоса олонхо. В накоплении фольклорного материала решающую роль сыграли участники Сибиряковской экспедиции (1894–1896 гг.), местные знатоки языка, фольклора, олонхосуты и политематические-исследователи. В статье рассматривается его кропотливая работа по подготовке и редактированию материалов для академического издания серии «Образцы народной литературы якутов» в трех томах, восьми выпусках (1907–1916). Кроме выборочного изложения их содержания, приводятся сведения о подготовке к печати трех дополнительных выпусков к третьему тому «Образцов». Освещение завершается кратким анализом фактического использования фольклорного материала, прежде всего олонхо, для «Словаря якутского языка».

Ключевые слова: жанры фольклора, олонхо, олонхосуты, знатоки языка, экспедиция, политематические, сбор фольклорного материала, подготовка, редактирование, издание.

Положив в основу своей словарной работы методы и принципы «Якутско-немецкого словаря» академика О.Н. Бётлингера, Пекарский продолжал выписывать слова из переводов печатных богословских книг, чтобы «избегнуть впоследствии возможных упреков» в пропуске слов из печатных источников. Он просмотрел весь доступный ему опубликованный материал (ко-

личество печатных источников к 1895 г. стало уже больше 70) и, по совету В.М. Иконова, приступил к изучению «языка» устного народного творчества. В предисловии к «Словарю» он писал: «Признаюсь, что ближайшее знакомство со сказочным и песенным языком заставило меня пожалеть о том времени, которое я употребил на штудирование святых книг, переводчики ко-

торых старались передавать церковно-славянский текст слишком буквально, насилуя якутский язык невозможным образом».

Э.К. Пекарский с помощью друзей-единомышленников смог собрать вокруг себя знатоков родного языка, народных мудрецов и талантливых олонхосутов. Взял на себя организацию сбора образцов фольклора. Большое значение он придавал языку олонхо. В Ботурусском улусе в то время проживали известные олонхосуты, сказочники и певцы-тойуксуты. Например, олонхосут I Игидейского наслега Ботурусского улуса Иван Яковлевич Слепцов мог продиктовать ему следующие олонхо: «Тойон Ньургун», «Күн Эрилик», «Баһымны Баатыр», «Эрэйдээх Буруйдаах Эр Соботох», «Элик дьаһыл аттаах Эриэдэл Бэргэн», «Буор хара аттаах Буорсун Бөбө», «Сахсархай саадахтаах, чахчархай чуоһур аттаах Айдарыллыак Бэргэн», «Мүлдү Бөбө», «Тойон Кулут», «Кырдыаһас эмээхсин ийэлээх, ойоһос батыйалаах Оҕо Тулайах», «Аһыс салаа кутуруктаах айдарыкы сизр аттаах Кулантайа Куллукур» [ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 71. Л.1, 105–106].

Участие Э.К. Пекарского в работе якутской Сибиряковской экспедиции в 1894–1896 гг. положило начало систематическому пополнению «Словаря» материалами устного народного творчества. От всех членов экспедиции поступало много фольклорных, этнографических, мифологических и других материалов. В обязанности Э.К. Пекарского входило ведение обширнейшей переписки между участниками экспедиции, Якутским областным статистическим комитетом и распорядительным комитетом ВСОРГО. Совместно с В.М. Ионовым он организовал широкую кампанию для сбора произведений жанров фольклора, в особенности олонхо. Кроме политссылных, к этому были привлечены местные грамотные и малограмотные жители Игидейского, Хаяхсытского и других наслегов Ботурусского улуса. Тогда еще не было сложившейся письменной традиции, общепотребительного алфавита. Начали записывать миссионерским алфавитом Д.В. Хитрова, многие при записи смешивали алфавит Хитрова с академической транскрипцией О.Н. Бётлингга. Политссылные Э.К. Пекарский, В.М. Ионов, С.В. Ястремский, Н.А. Виташевский сравнительно быстро перешли полностью на алфавит

академика О.Н. Бётлингга. Со временем протоиерей Дм. Дм. Попов также перешел на бётлингковское правописание. Таким образом, у Пекарского скопился большой фольклорный материал, требующий кропотливой дополнительной работы для публикации.

Заслуги Э.К. Пекарского в области сбора и издания произведений устного народного творчества саха, прежде всего его монументального жанра олонхо, неоценимы. Он является составителем и редактором академического издания серии «Образцы народной литературы якутов» (далее – «Образцы»): Т. I, вып. 1 (1907); вып. 2 (1908); вып. 3 (1909); вып. 4 (1910); вып. 5 (1911); Т. II, вып. 1 (1913); вып. 2 (1918); Т. III, вып. 1 (1916).

В первом томе содержатся 15 текстов героического эпоса олонхо, из них семь текстов представлены в наиболее полном виде, остальные являются сокращенными и фрагментарными записями. Кроме того, в него включены пять якутских сказок и одна песня-тойук «Кириинһэлиир Кирилэ».

Первый выпуск целиком состоит из олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Ньургун Боотур Стремительный»), написанного грамотным якутом Константином Григорьевичем Оросиным. Э.К. Пекарский переписал его для «Образцов» заново. К.Г. Оросин – сын таттинского богача Григория Григорьевича Оросина. Род Оросиных ежегодно устраивал многолюдные ысыахи, приглашал знаменитых олонхосутов, певцов, шаманов, силачей и бегунов. Отец обучал сына грамоте у Дм. Дм. Попова. Пекарский увековечил имя талантливого олонхосута Константина Оросина, включив в «Образцы» его широко известное олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Олонхо начинается красочным описанием величественной панорамы мироздания. По верованиям якутов, Вселенная делится на три мира: Средний – обиталище людей солнца ураанхай-саха; Верхний – девятиярусное небо, в верхнем ярусе которого находится светлое Божество – Үрүн Айы Тойон; Нижний – подземный мир, населенный племенами злых духов-абааһы. Юного Ньургуну и его сестру Айталыын Куо, по предназначению небесных божеств, поселили в Среднем мире. По указанию владыки Нижнего мира богатырь Ыйыста Хара похищает красавицу Айталыын Куо. Далее весьма

живописно и художественно описываются богатырские подвиги Ньургун Боотура. Пройдя через всевозможные перипетии самых драматических и трагических приключений, он ниспровергает всех могущественных богатырей-абааһы и колдунов Нижнего мира. Олонхо завершается женитьбой Ньургун на красавице Прекрасной Кыыс Ньургун и всеобщим ликованием. В Среднем мире устанавливаются вечный мир и счастливая жизнь. Фантазия олонхосута Константина Оросина, как и во всех других олонхо, не имеет границ. Когда единоборствуют богатыри, под их ногами рушатся горы, моря выходят из берегов. Они умеют общаться с божествами и разными духами. Описываются фантастические существа в образе животных, птиц и т.д. Многие из них наделены даром человеческой речи. Язык олонхо изобилует множеством устойчивых эпитетов, сравнений, обрядовых алгысов, клятв и формульных вкраплений [Емельянов, 2000, с. 124–178].

О виртуозности исполнительского мастерства олонхосутов написано много. Каждый исполнитель в зависимости от таланта в одно и то же олонхо может что-то добавить и что-то убавить. И.В. Пухов пишет: «Общность между различными сказаниями жанра так велика, что легко можно отдельные сюжеты и эпизоды одного олонхо приспособить и включить в канву событий другого без всякого ущерба для последнего. Сюжеты олонхо внутри жанра весьма текучи и легко поддаются как сокращению, так и увеличению» [Пухов, 1969, с. 19]. Г.У. Эргис, осуществивший перевод олонхо К.Г. Оросина на русский язык, зафиксировал в своей книге 12 вариантов олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Известный фольклорист Н.В. Емельянов в книге «Сюжеты олонхо о защитниках племени» указывает на 14 записей олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур», хранящихся в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН [Емельянов, 2000, с. 117–178]. Из всех этих вариантов лучшим считается олонхо К.Г. Оросина, оно и легло в основу сводного текста популярного и широко известного олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» (в переводе на русский язык Владимира Державина). По поводу текстов олонхо К.Г. Оросина и П.А. Ойунского в свое время И.В. Пухов там же писал следующее: «Сличение текста олонхо показывает, что это действительно варианты одно-

го и того же олонхо». Сам Константин Оросин в конце своего олонхо сделал приписку: «Орто дойдуттан айыллыбатах олонхо, саха киһи көрөр сарданалаах манган халлаантан айыллыбыт олонхо ('Олонхо, сочиненное не на среднем месте (земле), а на видимом якутами-людьми блестяще-белом небе')». На сюжет олонхо П.А. Ойунского написана первая якутская опера «Ньургун Боотур Стремительный» (либретто Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона, музыка М.Н. Жиркова и Г. Литинского). Олонхо вошло в учебную программу якутских школ и переведено на русский и иностранные языки.

Второй выпуск содержит три популярных в народе олонхо: «Тойон Ньургун бухатыыр» (записанное от Николая Попова в 1895 г.); «Өлбөт Бэргэн» (запись Р. Александрова со слов известного талантливого олонхосута Жулейского наслегу Ботурусского улуса Николая Абрамова-Кынат в 1896 г.); «Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки» (запись Э.К. Пекарского от того же Н. Абрамова).

В третьем выпуске приведено олонхо «Күл-Күл Бөҕө обонньор Силлирикээн эмээхсин икки», созданное М.Н. Андросовой-Ионовой в 1893–1894 гг. Сюжетная линия олонхо разворачивается на основе реальных событий. На это первым обратил внимание Г.В. Ксенофонтов: «Усвоив от мужа искусство якутского письма по бётлингковской транскрипции, она в 1893–1894 гг. написала в стихах оригинальную по замыслу поэму, в которой под видом древних якутских богатырей воспеваются подвиги политических ссыльных, борющихся с порядками и указами творца неба и земли Юрюнг Айыы Тойона (Белого творца повелителя), бога одновременно якутского и общечеловеческого» [цит. по: Андросова-Ионова, 1998, с. 24–25]. М.Н. Андросова-Ионова, как творчески одаренный человек, сумела ввести в ткань олонхо реальные личности. Их образы наделены сверхъестественными, мифологическими чертами и описаны красочным языком олонхо. Э.К. Пекарский, прекрасно зная, что это собственное сочинение Марии Николаевны, счел возможным включить его в серию «Образцов» как оригинальное олонхо. Кстати заметим, что в настоящее время вновь появляются олонхосуты, исполняющие собственные сочинения.

В четвертый выпуск включены два полных олонхо: «Баһымны Баатыр уонна Эрбэхтэй Бэр-

гэн», записанное Р.К. Большаковым в 1896 г.; «Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки», записанное И.Р. Александровым в 1896 г., и одно сокращенное олонхо «Ини-бии Айыһыт сиэнэ Ала Хара Иэйэхсит сиэнэ Илэ Хара бухатырдар», сообщенное в 1888 г. П.А. Афанасьевой.

Пятый выпуск содержит одно полное олонхо «Үүс-аас бэйэлээх Үрүҥ Айыы Тойон ыччаттара», записанное М.Н. Андросовой-Ионовой в 1890 г., и отрывки следующих олонхо: «Орто дойдуга оноһулан төрөөбүт Орой Хара аттаах Оҕо Тулаайах», записанное Н. Пряезниковым в 1888 г.; «Өлүү Үөдөлбэ бухатыр», сообщенное в 1888 г. Е.Д. Николаевым-младшим; «Аландыйа-Куландыйа Кулун Куллуруускай», записанное в 1880-х гг. Н. Артемьевым; «Хара Холлорукай балыстаах Эр Соботох», сообщенное в 1888 г. Арсением Петровым; «Эриэдэл Бэргэн», записанное академиком А.Ф. Миддендорфом во время путешествия на север и восток Сибири в 1842–1845 гг.; «Олонхолоон Обургу» из книги Р. Маака «Виллойский округ Якутской области» [Маак, 1887, с. 127–128]. Кроме того, помещены детские сказки – одна якутская, одна юкагирская и песня-тойук «Кириһэлиир Кирилэ».

Второй том целиком представляет собой якутские тексты «Верхоянского сборника» И.А. Худякова. В него вошли одно полное олонхо «Хаан Дьаргыстай» и сокращенные записи еще трех олонхо, а также около десяти широко распространенных народных сказок, среди них: «Үчүгэй Үөдүйээн», «Чөркөй икки Барыллыа икки», «Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин», «Чаачахаан», «Чыычаах икки Мангыс икки» и др. Кроме того даны образцы народных песен импровизационного характера. Большой интерес представляют пословицы и поговорки, насчитывающие 123 названия, и якутские загадки – 320 названий.

Третий том составляет (имеется в виду первый выпуск) текст олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур». Олонхо записал фольклорист, этнограф В.Н. Васильев от известного якутского олонхосута Иннокентия Гурьевича Тимофеева-Теплоухова в с. Амга Якутской области в 1909 г. По качеству записи и сложности сюжетных перипетий «Кулун Куллустуур» считается одним из лучших якутских олонхо.

Известный фольклорист И.В. Пухов написал специальную статью, где произвел подробный и

квалифицированный анализ работы Э.К. Пекарского над текстом олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур». Многочисленные текстологические исправления и замечания он сгруппировал на пять разновидностей. Блестящее знание языка и оттенков значений слов позволяли Э.К. Пекарскому вносить лингвистически точные исправления в текст олонхо. При этом он не уничтожал первоначальный текст записи. «Это одна из наиболее положительных сторон, – как отмечал И.В. Пухов, – текстологической работы Пекарского» [Пухов, 2004, с. 7–8].

Кроме того И.В. Пухов подробно проанализировал скрупулезную и весьма тщательную работу Пекарского по исправлению и редактированию малограмотных, порою и безграмотных записей текстов олонхо, произведенных при отсутствии общепринятой транскрипции. Поправки делались обычно при самом олонхосуте, что не всегда удавалось. Тогда приходилось искать других олонхосутов, могущих быть консультантами. Приводим слова И.В. Пухова: «Эти исправления не нарушали требований научной записи и свидетельствуют о тонком знании Пекарским якутского языка... Основная научная ценность сборника Пекарского состоит именно в высшей точности и достоверности текстов, достигнутой благодаря огромному труду редактора-составителя» [Там же, с. 16].

В целом «Образцы» Э.К. Пекарского, как отмечал видный эпосовед И.В. Пухов, «... служат весьма солидным и авторитетным источником для исследования героического эпоса якутов» [1958, с. 32–33]. Такую же высокую оценку «Образцам» дал известный фольклорист Г.У. Эргис в 1974 г.: «“Образцы народной литературы якутов”, изданные под редакцией Э.К. Пекарского в трех томах, – непревзойденная до сих пор публикация текстов якутского олонхо» [1974, с. 38]. Он, как и И.В. Пухов, возторгался исключительно высоким качеством текстологических исправлений и примечаний автора «Образцов»: «Э.К. Пекарский весьма тщательно подготовил это “издание”, выполнил кропотливую текстологическую и редакторскую работу, восстанавливая подлинный фольклорный текст, записанный разными лицами, часто малограмотными» [Там же, с. 37].

В свое время Э.К. Пекарский отредактировал и подготовил к печати три выпуска третьего

тома «Образцов». Но, к сожалению, работа долгое время пролежала без движения в Архиве ЯНЦ СО РАН ЯНЦ (ныне – Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН). Лишь в 1994 г., «спустя 90 лет после записи и 80 лет после подготовки к печати, как продолжение серии, начатой Э.К. Пекарским», было издано олонхо «Ала Булкун» Т.В. Захарова-Чээбий [Емельянов, 2000, с. 127]. Заметим, что Э.К. Пекарский с большим огорчением писал В.В. Никифорову: «...жаль только, что век мой уже короток, и мне не удастся завершить начатую в широких размерах работу по изданию “Образцов якутской народной словесности”, на которые к тому же не находится средств» [ПФА РАН Ф. 202. Оп. 2]. Он очень хотел увидеть тексты своих «Образцов» в русском переводе, мотивируя это тем, что «перевод на русский язык сокровищ якутской народной словесности крайне необходим для ученого мира». Несмотря на невероятную перегруженность словарной работой, он параллельно занимался переводом на русский язык произведений якутского устного народного творчества. Привожу в этой связи слова известного фольклориста, доктора филологических наук Н.В. Емельянова: «Также неизданными остались переводы “Нюргуна Боотура Стремительного” и других произведений, в том числе знаменитые переводы И.А. Худякова, текстологически сверенные с рукописью самого переводчика Э.К. Пекарского. Это было бы исправленное 2-е издание “Верхоянского сборника”, но, к сожалению, и это до сих пор не воплотилось в жизнь. Известно, что Э.К. Пекарский переводы И.А. Худякова, подготовленные им к печати, сдал в конце 1910-х – нач. 1920-х гг. в издательство “Всемирная литература”, но поиски их П.Е. Ефремовым и мною результатов не дали» [Емельянов, 2000]. От себя добавим, что в письме Пекарского сыну Николаю от 7 мая 1921 г. есть такие слова: «...работаю над своим Словарем и переводом якутских сказок для издательства “Всемирная литература”» [ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2].

В «Словаре» Э.К. Пекарского содержится много разнообразных сведений по фольклору. Также у него есть несколько специальных работ и публикаций, посвященных устному народному творчеству. Классификацию жанров устного народного творчества якутов Э.К. Пекарский

производил по их народным названиям: а) олонхо; б) устуоруйа; в) кэпсээн; г) ырыа-тойук; д) чабырҕах; е) өс хоһооно; ж) таабырын. Из его теоретических работ, посвященных вопросам фольклора, наиболее значительной считается последняя – «Якутская сказка», напечатанная в 1934 г. в сборнике, посвященном 50-летию научно-общественной деятельности С.Ф. Ольденбурга. В дореволюционной научной литературе, как отмечают фольклористы, олонхо называли «сказкой». Среди жанров устного народного творчества на первое место Э.К. Пекарский ставил олонхо и подразделял его на две части: песенную, которую он назвал «героической поэмой», и сказывающую часть – «сказкой, наподобие русских сказок». Он признавал многообразие фольклорных жанров олонхо и считал, что из-за этого «трудно определить олонхо». Интересны его высказывания о том, что борьба богатырей с разными небесными, морскими, железными и другими богатырями наводит на мысль, что, «кроме тунгусов и ламутов, якутам были известны и другие племена, имена которых с течением времени изгладились из памяти». По его мнению, олонхо зародилось в те далекие времена, когда якуты жили не на Севере. Как пишет И.В. Пухов, Э.К. Пекарский постепенно раскрыл многообразие признаков, определяющих жанр олонхо, и в своем «Словаре» дал правильное определение олонхо: «Героическая былина, эпическая песня о подвигах богатырей; героическая поэма, имеющая стихотворный размер». Однако он тут же делает противоположные сказанному, с точки зрения специалиста-эпосоведа, добавления: «сказка, вымышленный рассказ; история» со ссылкой на небольшой рукописный «Якутско-русский, русско-якутский словарь», составленный М.А. Натансоном в 1882 г.; и «басня» со ссылкой на «Деяния св. апостолов» на якутском языке. И.В. Пухов продолжает: «Здесь противоречие очевидно. К тому же в народе олонхо не смешивают ни со сказкой, ни с историей, тем более с басней» [Пухов, 2004, с. 21]. Ссылки означают, что ответственность за указанное толкование автор возлагает на источники. В то же время И.В. Пухов отмечает, что Пекарский «дал совершенно правильное описание “устуоруйа”». Для нас интерес представляет забытый термин «устуоруйа», обозначающий якутские народные сказки, в отличие от «остуо-

руйа», который обозначает науку, изучающую развитие и изменение какой-либо области природы, культуры и т.д. Вместо того, чтобы широко употреблять два самостоятельных слова наравне, делалось все, чтобы искоренить термин «устуоруйа». Не это ли пример нигилистического отношения интеллектуализации к родному языку?! Только теперь, после многолетнего забвения, предпринимаются попытки возродить это слово в виде термина.

Тексты олонхо и других жанров фольклора привлекали особое внимание Пекарского не только как памятники устного народного творчества, но и, прежде всего, как неиссякаемые источники для «Словаря». По неполным данным, им использованы записи полных и сокращенных текстов следующих олонхо: 1) «Дьулуруйар Ньургун Боотур» (текст и запись К.Г. Оросина, переписывал в 1895 г. Пекарский); 2) «Тойон Ньургун Бухатыыр» (запись Н.Р. Попова, 1895 г.); 3) «Өлбөт Бэргэн» (запись Р. Александрова со слов Н. Абрамова, 1896 г.); 4) «Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки» (запись Пекарского со слов Н. Абрамова); 5) «Күл-Күл Бөбө оҕонньор Силлирикээн эмээхсин икки» (текст и запись М.Н. Андросовой-Ионовой, 1893 г.); 6) «Баһымны Баатыр Эрбэхтэй Бэргэн икки» (запись Р.К. Большакова, 1890 г.); 7) «Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки» (запись Р. Александрова, 1896 г.); 8) «Ини-бии Айыһыт сиэнэ Ала-Хара Иэйэхсит сиэнэ Илэ-Хара бухатырдар» (сообщила Т.А. Афанасьева, 1888 г.); 9) «Үүс-аас бэйэлээх Үрүн Айыы Тойон ыччаттара» (запись М.Н. Андросовой-Ионовой, 1890 г.); 10) «Орто дойдуга онгоһулан төрөөбүт Орой Хара аттаах Оҕо Тулаайах» (запись Н. Пряезникова, 1895 г.); 11) «Өлүү Үөдүлбэ бухатыыр» (сообщено Е.Д. Николаевым, 1888 г.); 12) Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллуруускай» (запись Н. Артемьева, 80-е гг. XIX в.); 13) «Хара Холлорукай балыстаах Эр Соҕотох» (сообщено в 1888 г. Арсением Петровым); 14) «Эриэдэл Бэргэн» (извлечено из якутских текстов А.Ф. Миддендорфа); 15) «Олонхолоон Обургу» (извлечено из третьей части исследования Р. Маака); 16) «Хаан Дьаргыстай» (из материалов И.А. Худякова); 17) «Куруубай хааннаах Кулун Куллуруускай» (запись В.Н. Васильева со слов И.Г. Тимофеева-Теплоухова, 1901 г.); 18) «Олонхо баһа» (сокращенная запись олон-

хо Н.Ф. Попова, 1895 г.); 19) «Эрэйдээх буруйдаах Эр Соҕотох» (запись П. Островских в Туруханском крае, 1902 г.); 20) «Буура Дохсун Орулуос Дохсун икки» (запись Э.К. Пекарского со слов Н. Абрамова, 1886 г.); 21) «Үрдүк халлаан уола Нүгэр бухатыыр» (отрывок; сообщила Т.А. Афанасьева в 1888 г.); 22) «Тимир Дьэһинтэй» (отрывок); 23) «Мүлдүрүбэт Мүлдү Бөбө» (запись со слов Р.А. Тимофеева); 24) «Сүн Дьааһын» (запись со слов С.И. Стрекаловского, 1895 г.); 25) «Эрэйдээх буруйдаах Эр Соҕотох» (запись С.В. Ястремского со слов Г.Н. Свинобова, 1895 г.); 26) «Кылааннаах Кыыс бухатыыр» (запись со слов И.Я. Слепцова); 27) «Үрүн Уолан» (без пометы); 28) «Кулун Куллуруускай» (запись С.В. Ястремского со слов Н.А. Копырина); 29) «Олонхо» без заглавия (запись И.Н. Оросина со слов Н.Ф. Попова, 1895 г.); 30) «Баһымны Баатыр» (отрывок); 31) «Олонхолоон Обургу» (запись К.Г. Оросина, 1889 г.).

Из героического эпоса Эдуард Карлович извлекал по крупницам каждое слово и заносил в «Словарь» в качестве словарной единицы. Больших трудов стоило для него толкование их значений. В виде наглядной иллюстрации употребления того или иного слова или устойчивого словосочетания он приводил примеры из олонхо. Во избежание лишних упреков в возможной ошибочности толкований автор «Словаря» непременно давал ссылки на источники. Так, в «Словаре» насчитываются 5632 ссылки на «Образцы». В это количество нами не включены слова и примеры в иллюстративной части, зафиксированные с пометами: ск. (*сказки*), пес. (*народная песня*), заг. (*загадки*), пог. (*поговорки*), посл. (*пословицы*). Кроме всего прочего, по всем 13 выпускам разнесены многочисленные ссылки составителя на знатоков и исследователей якутского языка и фольклора. Среди них: Худ. (из «Верхоянского сборника» И.А. Худякова), Я. (из «Образцов якутской устной народной словесности» и других материалов С.В. Ястремского), Ион. (из этнографических, мифологических и фольклорных материалов В.М. Ионова), Д.П. (из рукописных материалов и личных указаний Дм. Дм. Попова), МА (из фольклорных материалов, личных толкований слов и определения их словарной формы М.Н. Андросовой-Ионовой), Новг. (из материалов по верованиям С.А. Новгородова и его лич-

ных указаний), Вас. (из этнографических и фольклорных записей В.Н. Васильева), А. Кул. (из фольклорных и языковых материалов А.Е. Кулаковского) и др.

Иллюстрации значений слов обильно насыщены примерами из жанров фольклора, главным образом, из героического эпоса олонхо. В них содержатся 17349 ссылок из 176 источников. Преобладающее большинство ссылок – это прямое указание автора «Словаря» на те или иные старинные слова и словосочетания, присутствующие в олонхо. В этом плане «Словарь» является неиссякаемым родником языка устного народного творчества, в особенности олонхо, кладом народной мудрости.

«Образцы народной литературы якутов» Э.К. Пекарского, однозначно получившие высокую оценку отечественных фольклористов, несомненно, сыграли положительную роль в провозглашении ЮНЕСКО якутского героического эпоса олонхо в 2005 г. шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества.

Литература и источники

Андросова-Ионова М.Н. Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи. – Якутск, 1998. – 373 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. – Новосибирск: Наука, 2000. – 192 с.

Маак Р. Вилуйский округ Якутской области. – СПб., 1887. – 287 с.

Пекарский Э.К. // Сергею Федоровичу Ольденбургу: к 50-летию научно-общественной деятельности – Л., 1934. – 642 с.

Пугов И.В. Э.К. Пекарский и изучение якутского фольклора // Эдуард Карлович Пекарский: к 100-летию со дня рождения. – Якутск: Кн. изд-во, 1958. – 53 с.

Пугов И.В. Якутский героический эпос олонхо: избр. ст. – Якутск, 2004. – 255 с.

Пугов И.В. Якутское олонхо и «Ньургун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского // Ойунский П.А. Ньургун Боотур Стремительный – Л., 1969. – 199 с.

ПФ А РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Ф. 202. Оп. 1. Д. 71; Д. 115; Оп. 2.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

E. I. Okoneshnikov

E.K. Pekarsky's Contribution to the Study of Yakut Folklore

E.K. Pekarsky invested a lot of work and energy in the organization of collecting genres of oral folk art, especially the heroic epic of Olonkho. The participants of the Siberian expedition (1894-1896), the local experts in language, folklore, olonkho-tellers and political-social researchers played a decisive role in the accumulation of folklore material. The article considers his painstaking work on the preparation and editing of materials for the academic publishing of the series "Samples of Yakut folk literature" in three volumes, eight issues (1907-1916). In addition to the selective presentation of their content, provides information on the preparation for printing three additional issues to the third volume of "Samples". The coverage ends with a brief analysis of the actual use of folk material, especially Olonkho, for the "Dictionary of the Yakut language".

Keywords: folklore genres, Olonkho, olonkho-tellers, experts in the language, expedition, politically, collecting folklore material, preparation, editing, publishing.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абсеметова Жумакул – к.и.н., доцент, с.н.с. отдела истории Казахстана Национального музея Республики Казахстан, akbulak13@mail.ru

Башарин Карл Георгиевич – д.мед.н., профессор Медицинского института СВФУ им. М.К. Аммосова, kbasharin42@mail.ru

Башарина Зоя Константиновна – д.ф.н., профессор ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, zbasharina@mail.ru

Башарина Ольга Карловна – доктор философии в прикладной лингвистике, преподаватель русского языка, Университет Констанц, Германия, kalisfena@gmail.com

Бравина Розалия Иннокентьевна – д.и.н., г.н.с., и.о. зав. отделом археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, bravinari@bk.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – д.и.н., в.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, n_burnasheva@mail.ru

Григорьева Туйара Ивановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям ИЗФиР СВФУ им. М.К. Аммосова, grigotui@mail.ru

Давыдова Алёна Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры литературы Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова, a.davidova@narfu.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – д.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru .

Иванова Ирина Борисовна – к.ф.н., н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, imenaotglagola@rambler.ru

Исакова Снежана Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям ИЗФиР СВФУ им. М.К. Аммосова, snejana_issakova@inbox.ru

Карманова (Ноева) Саргылана Еремеевна – к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы ИГИиПМНС СО РАН, nosaer37@yandex.ru

Курилова Самона Николаевна – к.ф.н, зав. отделом северной филологии ИГИиПМНС СО РАН, samonakur@mail.ru .

Меньшикова Ирина Александровна – специалист по учебно-методической работе Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова, i.menshikova@narfu.ru

Мостахова Татьяна Семеновна – д. экон. н., в.н.с. отдела региональных и социальных исследований Якутского научного центра СО РАН, mostakhovats@mail.ru

Оконешников Егор Иннокентьевич – д.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, Egorinnokentevich@mail.ru

Пахомов Александр Алексеевич – д. экон. н., зав. отделом региональных и социальных исследований Якутского научного центра СО РАН, a.a.pakhomov@prez.ysn.ru

Саввинов Анатолий Иванович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, savvin_06@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, voma@mail.ru

Харабаева Виктория Ивановна – к.ф.н., м.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, Stabilo.83@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bravina Rozalia Innokentevna – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Archaeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bravinari@bk.ru

Karmanova Sargylana Ereemeevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Folklore and Literature of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nosaer37@yandex.ru

Absemetova Zhumakul – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History of Kazakhstan National Museum of the Republic of Kazakhstan, akbulak13@mail.ru

Basharina Zoya Konstantinovna – Doctor of Philological Sciences, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, North – Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, zbasharina@mail.ru

Basharin Karl Georgievich – Doctor of Medical Sciences, Professor of Medicine Institute of the North – Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, kbasharin42@mail.ru

Basharina Olga Karlovna – PhD, Former Instructor of Russian at the University of Konstanz, Germany, kalisfena@gmail.com

Bravina Rozalia Innokentevna – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Archaeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bravinari@bk.ru

Burnasheva Natalia Ivanovna – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, n_burnasheva@mail.ru

Grigoryeva Tuyara Ivanovna – Senior Instructor of the Department of Foreign Languages for Humanities Specialties, Institute of Modern Languages and International Studies, North – Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, grigotui@mail.ru

Davydova Alena Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Literature Department of the Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov, a.davidova@narfu.ru

Ivanov Spiridon Alexseevich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Ivanova Irina Borisovna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, imenaotglagola@rambler.ru

Isakova Snezhana Anatolievna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages in Humanitarian Specialties, Institute of Modern Languages and International Studies, North – Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, snejana_issakova@inbox.ru

Karmanova (Noeva) Sargylaana Ereemeevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Folklore and Literature of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Kurilova Samona Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Northern Philology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, samonakur@mail.ru

Menshikova Irina Aleksandrovna – Specialist in Educational and Methodical Work of the Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov, i.menshikova@narfu.ru

Mostakhova Tatyana Semenovna – Doctor of Economics Sciences, Leading Researcher of the Department of Regional and Social Studies of the Yakutsk Scientific Center of the Russian Academy of Science, Siberian Branch, mostakhovats@mail.ru

Okoneshnikov Yegor Innokentievich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Egorinnokentevich@mail.ru

Pakhomov Alexander Alexeevich – Doctor of Economics Sciences, Head of the Department of Regional and Social Studies of the Yakutsk Scientific Center of the Russian Academy of Science, Siberian Branch, a.a.pakhomov@prez.ysn.ru

Savvinov Anatoly Ivanovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, savvin_06@mail.ru

Ushnitsky Vasilii Vasilievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, voma@mail.ru

Kharabaeva Viktoria Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Junior Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Stabilo.83@mail.ru

**Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков). Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – не менее 2 см, справа – не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. В заголовке "Аннотации" сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи под рисунками не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка. На полях рукописи должны быть указаны места желательного размещения иллюстраций.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Библиографическое описание публикации в списке литературы включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Необходимо дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи указывается индекс УДК, а также присваивается номер DOI (Digital object identifier – идентификатор цифрового объекта), который позволяет безошибочно находить произведение в сети Интернет.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 307. 8(4112) 36–49–67

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70425 от 20 июля 2017 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 04.06.2018. Дата выхода в свет 25.06.2018

Формат 60х90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.17. Уч.-изд. л. 14,9. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиПИМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
